ПИОНЕР

Август

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“ 1937 г.

8

ПРОСЬБА К ЧИТАТЕЛЯМ:

При обнаружении экземпляров с производственным браком (перепутанные страницы, плохая печать и т. п.) возвращать их для обмена в Издательство «Правда».

Адрес: Москва, 40, ул. «Правды», 24, комн. № 216.

29
34

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Гос. Публичная Б-ка в Ленинграде

№ 8

Август 1937

Издательство ЦК ВКП(б) „Правда“

Радиограмма с Северного полюса

Второго числа каждого месяца редактор «Пионера» рассказывает по радио о самом интересном, что будет напечатано в журнале.

2 августа по радио передавались материалы седьмого номера «Пионера». Среди них было стихотворение Коли и Сережи Бибиных «На полюс». Это стихотворение слушали не только сотни тысяч ребят, но и отважные «папанинцы», живущие на том Северном полюсе, о котором мечтали Коля и Сережа. Член Совета географического общества «Компас» Эрнст Теодорович Кренкель ответил на стихи такой радиограммой:

Главное Управление Северного Морского Пути при Совнаркоме Союза ССР

ПРИЕМ	Радиостанция	ПЕРЕДАЧА
от «»		«»
16 час. 30 мин.	RADIO	час. мин.
7 Авг 193 г.	из 19 СЕВПОЛЮСА 488 109 7 06	193 г.
Принял Эдлер	№	Передал

Разряд	Число слов	Дата подачи	Время час. мин.	Служебные отметки

Квитанцию получил
ч. м. 193 г.

НАЧИНАЕТ УЛУЧШАТЬСЯ СЛЫШИМОСТЬ МОСКВЫ ТЧК ПОСЛЕ ОБЕДА ШЕСТОМ ЧАСУ ВЕЧЕРА ВЧЕТВЕРОМ СЛУШАЕМ ДАЛЕКУЮ НО БЛИЗКУЮ СЕРДЦУ МОСКВУ ТЧК ВТОРОГО АВГУСТА ПРИШЛИ В ВОСТОРГ ОТ СТИХОТВОРЕНИЯ ДВУХ ПИОНЕРОВ ПЕРЕДАННОГО ВО ВРЕМЯ ДЕТСКОЙ ПЕРЕДАЧИ ТЧК РЕБЯТА СЕТУЮТ НА СВОЙ ВОЗРАСТ ЗПТ ИМ ТОЖЕ ХОЧЕТСЯ ПОДЕРЖАТЬСЯ ЗА ЗЕМНУЮ ОСЬ ИССЛЕДОВАТЬ БЕЛЫЕ ПЯТНА ЗПТ ОНИ ДАЖЕ СОГЛАСНЫ ПОДОЖДАТЬ ПОКА ПОДРАСТУТ ТЧК СТИХИ ЗАКАНЧИВАЮТСЯ СЛОВАМИ КВЧК ЖДАТЬ СОГЛАСНЫ НО ОСТАВЬТЕ НАМ С СЕРЕЖЕЙ ХОТЬ ОДНО ПЯТНО КВЧК БЛАГОДАРИМ ЗА СТИХИ ЗПТ КРЕПКО ЖМЕМ РУКИ ОБОИМ ПИОНЕРАМ ЗПТ НО БОИМСЯ ЧТО БЕЛЫХ ПЯТЕН СКОРО СОВСЕМ НЕ БУДЕТ ТЧК ПРИВЕТСТВУЕМ НАШУ НОВУЮ СМЕНУ ТЧК СЕРЕЖЕ СОВЕТУЕМ УЧИТЬСЯ НА НАЧАЛЬНИКА АЭРОВОКЗАЛА СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

КРЕНКЕЛЬ

На Амуре

Вл. Лидин *Рис. В. Цельмера*

Желтый лист дуба слетал и падал в протоку. Леса редели, осень шла из-за сопок. Могуче и неподвижно стоял по ночам над Амуром туман. Тогда слышнее становился ход разлившейся многоводной реки и шум затопленного ею на берегу леса. Но наступало утро, солнце поднималось над сопками, утренний ветер сдувал с реки и из распадков туман. И во всей дикой и яркой своей пестроте расцветала приамурская осень. Ясень, береза, манчжурская липа, мелкие листья дикого винограда — все было тронуто, опалено, лилово и красно расцвечено ею.

Легкая оморочка скользила вдоль берега. Нанаец греб одним длинным двухконечным веслом. Поочередно опускал он по обе стороны его лопасти, и берестяная лодка неслась по реке, послушная каждому движению человека. В прибитом гнезде на носу оморочки лежала острога. Ее поржавевший трезубец был привязан к древку длинным крепким шнурком. Ручка остроги покоилась у коленей человека. Голова нанайца была повязана красным платком. Волосы, свисавшие челкой на лоб, были еще по-молодому черные, но первая седина у висков обозначала, что человеку уже за тридцать пять лет. Плечи его были широки, сильные лопатки ходили под рубахой от движений веслом. По временам ловец задерживал весло в воздухе и смотрел на воду. Под водой шла своя жизнь. Протока делала поворот и превращалась в озеро. Сюда, в тенистые, поросшие водорослями и травою места, больше всего заходило из Амура рыбы. Нанаец присматривался к воде и колебанию трав. Потом он снова спускал весло и плыл дальше. Прибрежные дубки роняли в протоку свои ржавые листья. Мелкие водоворотики свивались от ее течения. Зоркий глаз отличал их от кругов, которые оставлял верхогляд, ловивший на воде насекомых. У каждой рыбы была своя повадка. Верхогляд со своими широко поставленными на самом лбу глазами искал насекомых на поверхности воды. От его жадного заглатывающего рта оставались круги. Струйка у поверхности воды обозначала движение кеты или амура. Ближе к берегу, где было больше водорослей, поднимались со дна пузыри. Это сазан схватывал червей или траву.

Острые раскосые глаза ловца присматривались к каждой струйке и водоворотику от хода реки. Крепкие ноги, обутые в вышитые ота, упирались в поперечину на дне оморочки. Лицо у нанайца было красноватое, обожженное солнцем и крепкими ветрами, дувшими во всю пору хода кеты. Переносье слегка вдавлено, черные усики и длинные волоски на щеках редки. Стойби-

ще стояло на протоке, в стороне от Амура. Кета, шедшая с низовьев, заходила в протоку, и здесь ее брали в невода на тонях. Три, четыре, пять дней, иногда две недели продолжался ход рыбы, и тогда все стойбище: мужчины, женщины, дети и даже собаки, жадно ожидавшие рыбьих отбросов, — было на берегу. За неделю надо было приготовить запасы на зиму. На вешалах возле каждого дома вялилась красноватая юкола — пища охотника в зимних его странствиях, пища семьи, ожидавшей его у очага, пища ездовых собак, с которыми уходил он в горы бить зверя. Главный ход кеты кончился, теперь заходили в протоку последние, отставшие от стай и утомленные борьбой с течением рыбы. Скоро выпадет снег в горах. Тогда ловец сменит остроту на ружье и станет охотником.

Нанаец подгребал ближе к берегу. Все было оживленно, шныряло, пробиралось меж трав, искало насекомых, ощипывало водоросли. Рыба была голоднее в этот предвечерний час, пузыри поднимались со дна, мелкая рыбешка выскакивала по временам из воды, спасаясь от хищников. Длинные, в празелени, щуки неподвижно стояли у берега. Трава качалась, обозначая движение рыб. Большие круги расходились на заводи — это работали сомы. Чайка медленно махала крыльями высматривая. Потом она опускалась на воду и плыла, как домашняя утка. Минуту спустя, нырнув головой, она выхватывала рыбешку и летела с ней в сторону. С берега несло запахом осени. Лист уже густо лежал на земле подпревая. Но солнце еще стояло высоко, и рыба грелась в последних его лучах. Стебелек месяца, еле видимо и не дожидаясь захода солнца, прорастал в стороне. В заводи было прохладно и не так слепила вода. Теперь нанаец перестал грести. Лодка медленно шла по течению. Он только выравнивал ее, чтобы ее не отнесло к берегу. Мелкие пузыри поднялись вдруг в стороне с глубины: сазан хватал траву. Нанаец быстро отложил длинное весло и заменил его двумя коротенькими веслами — мольбо. Так меньше он производил в воде шума, и легкая оморочка неслышно подвигалась вперед. Осторожно, чтобы не спугнуть движением рыбу, он измерил длинным веслом глубину. По глубине он определил, где находится рыба. Его глаза неотрывно смотрели в то место, откуда поднимались наверх пузыри. Рука нащупала ручку остроги. Еще минута — и коротким сильным ударом он метнул ее в сторону. Древко освободилось от трезубца и всплыло. Насаженная рыба с силой натянула шнурок. Оморочку качнуло. Теперь левой рукой он стал подтягивать ремень. Древко легло снова в гнездо на носу. На поверхности воды показалась кровь. В воде блеснула округлая серебряная спина бившейся рыбы. Нанаец выбирал шнурок, оморочка качалась. На самой поверхности появился истекающий кровью сазан. Трезубец вошел ему в спину возле плавника.

Нанаец подтянул рыбу к борту и ударил деревянным молотком по голове. Потом он перекинул ее на дно лодки. Это был крупный, пудовый сазан, из раны на его спине текла тремя потоками кровь. Лодка двигалась дальше. Рыба подергалась еще в предсмертной судороге и уснула. Ловец снова стал грести длинным веслом. Кета и амур держались на более проточных местах. Солнце медленно опускалось за сопку. Облака на закате горели, как угли. Они стояли на западе, насквозь прожженные солнцем. Легкие голубоватые тени близкого вечера, как чадок, пробегали по ним. Когда лодка выплыла на середину протоки, они уже пожелтели, потом начали выгорать и бледнеть. Месяц затеплился и стал прозрачен и чешуйчат, как рыбья кожа. Чаще пошли круги по воде: сомы к вечеру становились прожорливее. Нанаец присмотрелся вдруг к струйке воды: рыба шла, выставив спинку. Это мог быть амур, могла быть кета. Он быстро подгреб двумя короткими веслами и метнул остроту. Оморочку сразу дернуло в сторону. Раненая рыба заметалась на трезубце. Шнурок напрягался и дрожал от стремительных ее бросков в стороны. Нанаец стал подтягивать добычу к лодке. Это был самец кеты, весь в поперечных краснеющих полосах, с загнутым крючком верхней челюсти. В пору нереста особенно сильным и загнутым становился у самцов этот крючок. Ловец подхватил кету под скользкие жабры и положил ее рядом с сазаном.

Солнце зашло за сопку. Вода была еще розовая, но глубины уже темно синели. Мелкие водяные паучки, пригретые солнечной осенью, делали стежки по воде. Лодка выходила обратно в протоку. Нанаец греб снова длинным веслом. Рыба была запасена на день. Теперь можно возвращаться домой, выправлять на течении легкую оморочку, следить привычными глазами охотника за приметами осени. Хребты порыжели, и скоро северный ветер начнет сдувать с деревьев листву. На диком винограде созрели

мелкие темные ягоды, кислота которых приятна на вкус. Женщины уже заготовили на зиму голубику и клюкву и теперь чинят обувь и зимнюю одежду охотника. Юкола провялилась на вешалах, и длинные красноватые ее пласты сложены в амбары. Кета хорошо зашла в эту осень в Амур, ее густые стада шли напролом целых шесть дней мимо стойбища. Ловцы устали притонивать невода, женщины — разделывать рыбу. Собаки от'елись отбросами, налакались рыбьей крови и теперь дремлют возле жилищ. Скоро потянут они груженые охотничьими припасами нарты на сопки. Он греб и мурлыкал песенку. Слова песенки набегали, как встречное движение воды.

— Кета пришла в Амур, — пел он.—Колхоз взял много рыбы. Колхоз взял много рыбы, нанаю будет что есть. — Здесь нужно было перебить песенку припевом:

— Хана-на-ла, хана-на.

Пока шел припев, набегали другие слова песенки:—Нанай теперь зимы не боится, коровы пасутся на лугу. Хана-на-ла, ха-на-на!

Лодка легко неслась по протоке, течение подгоняло ее. Можно было еще сказать в песенке, что скоро снег выпадет в горах и нанай уйдет на охоту. Если много придет белки в этом году, Охотсоюз даст охотнику премию. Рыжий колонок показывает мордочку из дупла, Джаксор купил новое ружье. Теперь нанаец назвал свое имя, и можно было петь песенку дальше про самого себя:

— Джаксор уйдет в горы бить зверя, желтый лист падает на воду. Хана-на-ла, хана-на! У Джаксора есть новое ружье, он купил его в Хабаровске. Приезжал инструктор колхоза и сказал спасибо за рыбу.

И опять следовал припев.

Скоро открылись дома стойбища. Стойбище расположилось над самой протокой. Дома взбегали на гору. На горе стояла школа. Джаксор посмотрел на большую белую вывеску школы. Теперь набежали слова о школе:

— Большая школа стоит на горе. У нанаев никогда прежде не было школы. Хана-на-ла, хана-на! Охотнику может удаться убить изюбря.

Такие же оморочки сновали мимо стойбища. На одних ехали в гости в конец села, на других везли добытую рыбу. И только посредине протоки медленно плыла большая многовесельная лодка, нагруженная сеном с заливных лугов. Трубы очагов уже дымились, семьи готовили ужин. Джаксор направил оморочку к берегу, легко спрыгнул на землю и втянул лодку на прибрежный песок. Он вынул из нее рыбу, перевернул днищем кверху, чтобы она обсохла и в нее не налился дождь. Потом он понес рыбу домой.

По дороге можно было потолковать с соседями. Охотники Ваоли Актанка, Гензу Киле, Пайа Оненка также выжидали зимы, когда охотники сообща двинутся в горы. В ближнем доме жил Ваоли Актанка. Весь мужской род Актанка: сам он, его сыновья и их дети — сидели на канах [1]. Мужчины курили трубки, женщины готовили на очаге ужин. Они заправляли зеленым луком большое блюдо талы [2].

— Бачкафу [3]!—сказал пришедший и присел, чтобы выкурить трубку.

Актанка был председатель колхоза. На его седой голове белела проплешина: в пору, когда появились на Уссури японцы, он получил удар саблей. С Уссури сюда, на среднее течение Амура, оба бывшие проводники партизан через Сихотэ-Алинь ушли вместе. Время густо набежало с той поры. Первый белый волос показался у висков охотников. Зверь ушел от человека за сопки. Не было здесь ни уссурийского тигра, как возле Имана, ни прежней вольной охоты на соболя. Только белка шла густо кочевьем по кормовым лесам да кабарга и козуля, рыжий проворный колонок и дикие свиньи становились добычей охотника. Шесть лет назад глухое стойбище стало колхозом. Нанайцы издавна жили общим трудом и привыкли делить между собой добычу. Но люди знали голодные зимы, и было страшно сдать рыбу, которая должна служить пищей до самой весны. Хлеба в стойбище не было, и если не хватит человеку на зиму юколы, он может пропасть. Но из Хабаровска грузовой пароход привез раз на буксире баржу. На барже были коровы, которых никогда не видели в стойбище, — целых девять коров. Коров свели по сходням на берег, и их окружили дети и женщины. Это были большие рогатые животные, на них лаяли собаки, впервые увидевшие их. Коровы стояли спокойно, обмахиваясь хвостами. Потом инструктор колхоза развел их по домам. Они шли неторопливо, и их тяжелое вымя было полно сладкого молока. Инструктор научил женщин, как доить коров, и в этот вечер нанайские дети впервые пили коровье молоко. До сих пор они знали только молоко матери, которым она

[1] Нары, обогреваемые дымоходом.
[2] Строганая рыба.
[3] Здравствуй.

кормила их до шести—семи лет, чтобы они не умерли от сырой рыбы и зелени.

В стойбище стало весело, и по утрам и перед вечером мычали коровы. Пахло теперь не одной только рыбой, но и парным молоком. Огороды разводили до сих пор только на реке Уссури: на Амуре женщины собирали одни дикие травы. Весной они рвали карчуку, сурепицу, конский щавель и молодые листья папоротника. Они мелко нарезали их и варили в котле, пока зелень не превращалась в кашу; тогда ее смешивали с размоченной юколой. Впервые осенью на огородах скрутила тугие свои листья капуста, и красноватые корни моркови показались из земли.

В первый год колхоз план сдачи рыбы не выполнил. Юкола все еще была главной пищей. На другой год с парохода, подошедшего к стойбищу, сошел русский человек с длинными висячими усами. Глаза у него были голубые, в руке он нес сундучок. Человек пришел в правление колхоза и спросил председателя.

— Я председатель, — сказал строго Актанка. — Что надо?

Еще с партизанской поры к пришлым людям он был подозрителен. Человек поставил на пол сундучок и достал из голенища тряпицу. В тряпицу был завернут документ. Кузьма Антоныч Чепуренко был командирован в колхоз в качестве пекаря. Хлеба в стойбище тоже никогда прежде не ели. Хлеб сеяли далеко, за сопками, русские. Иногда китайцы-купцы приносили с собой пресные сырые пампуши. Китайцы приходили с Сунгари или с левого берега Уссури скупать и обменивать на товары пушнину. Они приносили мелкие побрякушки, куски материи, табак, спирт и опий. За спирт и опий охотник отдавал годовую добычу. Китаец уносил шкурки белки и соболя, и шкурок этих не хватало, чтобы покрыть весь долг охотника. Тогда китаец приходил через год, охотник снова отдавал ему в счет долга добычу, и это продолжалось из году в год, всю жизнь. От опия и спирта остывала кровь, глаз терял зоркость, и ни одна удача на охоте не могла изменить судьбы охотника. Так жили его, Джаксора, отец, и так жил отец Актанки.

Под пекарню отвели дом на краю стойбища, в нем сложили печи, из Хабаровска на пароходе привезли мешки с мукой, и Кузьма Антоныч Чепуренко выпек раз поутру хлеб. Теперь к запаху молока прибавился в стойбищах запах печеного хлеба. Хлеба с гладкими округлыми спинками стояли в окне дома, и люди впервые не боялись голодной зимы. В этот год сдали рыбу по плану, и теперь никто уже не опасался остаться на зиму без юколы. Это была первая сытая зима в стойбище. Год спустя в пустующем здании бывшей часовни открыли школу. При школе было жилище для детей, которых должны были привезти матери из соседних стойбищ. Матери никогда не расставались на всю зиму с детьми, и они не верили школе. Весной дети вернулись в свои дома. Дети умели считать и писать буквы в тетрадке и привезли белый порошок, которым по утрам чистили теперь зубы. Дети были здоровые и носили красные галстуки вокруг шеи. Пришлось и кое-кому из старших подогнать себя в грамоте, чтобы не отстать от детей.

— Поешь с нами, Джаксор, — сказал Актанка. — Тала Актанки не хуже твоей. Сын на протоке взял большого амура.

Джаксор достал трубочку, они закурили. Пятнадцать лет назад так же сидели они и курили горькую травку, заменявшую в ту пору табак, в тайге на Уссури. На станции Ин шли бои. Раз отряд солдат с желтыми околышами фуражек пришел в нанайское стойбище. Люди были невысоки ростом и похожи лицом на манчжур. Они разместились в домах стойбища, а офицер занял лучшую фанзу охотника Миле Окона. Шуба офицера была с воротником из меха козы, очки на нем отсвечивали, и нельзя было увидеть глаз человека. Человека можно узнать по глазам, и охотники не знали, добрый это или недобрый начальник. Офицер велел позвать в фанзу Окона самых лучших охотников. Лучшими охотниками в стойбище были Актанка и он, Джаксор. Офицер сидел за столом. На столе лежала карта, в красных кружочках и пометках.

— Охотники, — сказал офицер. — Сейчас от Имана ушел в тайгу отряд красных. Красные — самые опасные враги, и с ними надо расправляться на месте, иначе они перебьют всех, побросают сеонов [1] в Уссури и будут глумиться над женами ходзенов [2] и детей их возьмут в рабство.

И он показал Джаксору и Актанке карту. Коричневые пятна на ней обозначали сопки, зеленые — луга и распадки, и красные кружочки — стойбища, села и зверовые фанзы. Офицер достал толстый красный карандаш и нарисовал на карте стрелу. Стрела обозначала направление, куда ушел отряд красных.

---

[1] Сеоны — идолы.

[2] Ходзены — прежнее название нанайцев.

Утром отряд двинулся в путь, и японцы захватили с собой двух охотников. Проводники повели отряд через горы. В горах выпал уже снег, и северный ветер дул над перевалом. К полудню перевалили через первую сопку. Распадок был завален снегом. Снег был рыхлый, и люди проваливались в нем по колено. Охотники на лыжах легко шли впереди. Несколько раз они видели на ветках деревьев пышных белок в полном зимнем подборе, но стрелять их было нельзя. Так шли весь день.

К вечеру собаки почувствовали близость охотничьего жилища и веселее потянули нагруженные нарты. Скоро подошли к унтэха, охотничьему дому. Срубленные деревья образовали четыре его ската. На одном из скатов была занесенная снегом дверь. Дверь откопали, и теперь можно было войти в жилище. Подвешенный чугунный котел был полон снега, напавшего через отверстие в крыше. Запылал огонь очага. Унтэха занял начальник, а люди разбили палатки и стали устраиваться на ночлег. Огня нельзя было зажигать, и никто из солдат не получил горячей пищи. Охотники сели в стороне, поели юколы и накормили собак. Потом офицер велел позвать их в жилище. Возле очага было тепло, и на коротких нарах головами к огню могло лежать десять человек. Но офицер занял дом для себя одного, и только дежурный солдат должен был поддерживать огонь в очаге. Офицер снял полушубок с воротником из меха козы и сдвинул на лоб свои выпуклые очки. Теперь казалось, что у него четыре глаза, и опять ни в одном из них нельзя было увидеть живого огня жизни. Офицер сидел на нарах, а охотники стояли возле него в своем охотничьем доме.

— Проводники, — сказал офицер, — здесь мы будем ночевать. Если кто-нибудь изменит или напутает путь, велю застрелить. Я кончил.

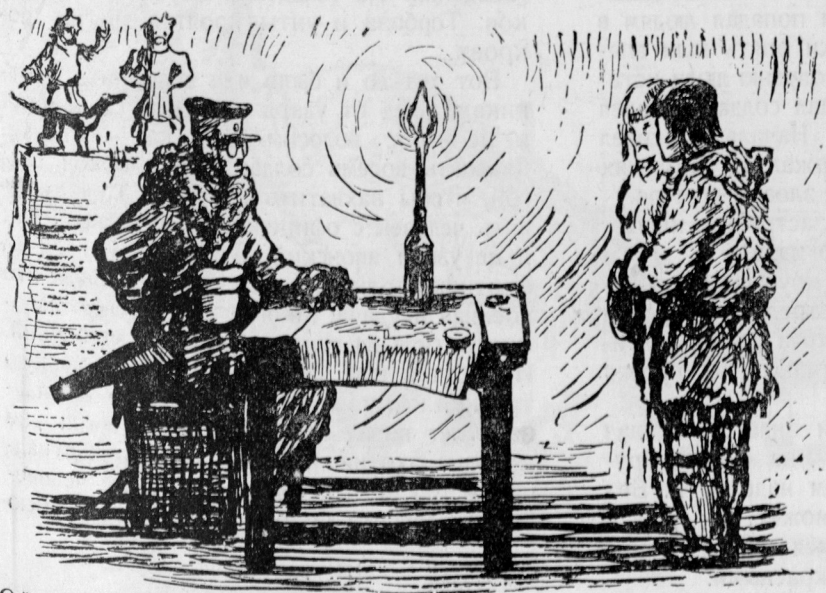
Сучья в очаге трещали, и на лбу офицера в стеклах сдвинутых его очков плясали два огня. Охотники вышли из унтэха и сели в стороне на свалившееся дерево.

— Собака начальник,— сказал Актанка и плюнул.

— Собака начальник, — ответил Джаксор.

Ночь была тиха и пахла зимой. Звезды остро разгорались, зеленоватые, как глаза зверя. Ноги у охотников мерзли, и в первый раз в тайге нельзя было согреться. С хребтов Сихотэ-Алиня, засыпанных снегом, набегал ледяной ветер. Собаки, уткнув морды в животы, спали. В палатках бормотали и вскрикивали во сне люди. И только из отверстия в крыше унтэха всю ночь неторопливо шел дымок. Охотники прислонились спиною друг к другу и обняли руками колени. Так было теплее, и можно было дремать.

— Красный ходзенаю худого не делал,— сказал еще Актанка. — Красный пришел, хлеб пополам ломал. С ходзенаем на канах спал. Табак доставал пополам. Япон-начальник один в унтэха спит. Люди, как собака, на двор идти спать надо. Чорт начальник. Русский начальник никогда так не делал. Японские люди могут не найти красных в тайге. Охотник плохо дорогу знает.



Офицер достал толстый карандаш и нарисовал на карте стрелу.

Тут он тихонько захихикал, и было похоже, что это сипит его трубочка. Потом они задремали. На рассвете пошел снег. Мягко и неслышно покрывал он тайгу. Осень кончилась, и в одну ночь началась зима, как всегда на Уссури. Три раза проходили партизаны через гольдское стойбище. Они не были похожи на белых начальников и делились

с гольдами всем, что имели. Юколы было заготовлено мало, а люди голодали. Партизаны дрались за правое дело, чтобы охотники могли свободно жить своим трудом и ловить рыбу, сколько им нужно для пропитания. Сейчас китайцы-купцы были прогнаны, и можно было начать жить своей жизнью. Не было ни одного человека в стойбище, который не был бы опутан китайцем-купцом на всю жизнь. Всю жизнь работал гольд для китайца, и чем больше работал, тем больше был в долгу. Теперь купец не показывался в стойбище: партизаны отняли раз у двух купцов их товары и разделили их между всеми в стойбище. Ему, Актанке, досталась даба[1] на халат, и Джаксору — чугунный котел для пищи. Все это китайцы привозили менять на соболя. Партизаны жили в стойбище по нескольку дней, и охотники показывали им дороги через горы. Японцы никогда до сих пор не уходили от железной дороги. Наверное, сильно сейчас побили их возле Ина, и уцелевшие пробирались тайгой. Тут Джаксор вспомнил песенку и замурлыкал ее, потому что холод не давал заснуть.

— Чугун тей чугуна, — пел он, — хай ду би галанчиси. — Ты, красавица, какой нации — говори. Генерал и помещик дерутся за ордена.

Он вспомнил четыре незрячих глаза начальника и засмеялся про себя. Дымок идет из унтэха, начальник хорошо спит. Очаг согревает охотничий дом, и сухая трава, настланная с осени на нары, шуршит и пахнет тайгой.

На рассвете отряд снялся и пошел дальше в горы. Снег падал и попадал людям в ноздри и в рот. Охотники опять шли впереди на своих лыжах. К полудню люди устали. Тогда охотников нагнал солдат и велел вернуться к начальнику. Начальник сидел на мерзлой кочке и держал на коленях карту. Лицо у него было злое и желтое.

— Я, начальник, велю застрелить каждого. Вот дорога, куда надо идти!

Он показал маленькую круглую коробочку, в которой дрожала стрелка. Стрелка показывала в сторону захода солнца. Офицер достал красный карандаш и провел жирную черту на карте.

— Охотник две дороги знает, — сказал Актанка. — Одна дорога — на сопку. Другая дорога — много снегом надо идти. Без лыж человек ходить не может.

Тут офицер весь налился кровью, даже белки глаз у него стали красными.

[1] Китайская грубая материя.

— Раз начальник велит идти! — закричал он. — Здесь короткая дорога.

— Хорошо, — сказал Актанка. Он был старший охотник и отвечал за обоих. — Короткая дорога не ближе длинной.

И они свернули в сторону захода солнца и повели отряд через распадок. Скоро люди начали вязнуть. С неба валил снег. Распадок был защищен с севера склоном горы. Когда стали выбираться наверх, закрутила метелица. Люди выбились на под'еме из сил, и пришлось снова сделать привал. Наконец, тучу пронесло, и снег утих. Небо заголубело, и показалось солнце. Теперь можно было двигаться дальше. С перевала начался крутой спуск в долину. Снегу было здесь меньше, и люди ободрились. Густо по склонам росли дубки с покоробившейся хрустящей листвой и березы. Лыжи были ненужны, и охотники положили их на нарты. Они легко шли впереди в своих меховых дохто[2] и унтах[3]. Вдруг Актанка замедлил шаг и вгляделся в мерзлый мох. Потом он отогнул наушники меховой своей шапки Второй охотник тоже вгляделся в место, на которое показал тот глазами, и увидел, что мох примят и что люди проходили здесь не позднее чем вчера вечером. Вечером не было еще снега, и снег намело в лунки от следов их ног.

— Хорошо, — сказал Актанка. — Охотник может по дороге осмотреть свои сэрми[4]. Соболь — дорогой зверь.

И Джаксор взял с нарт лыжи и направился в сторону, чтобы оглядеть с сопки, не забита ли снегом долина. След был не гольдский. На гольдской обуви нет каблуков. Торбоза и унты кроятся другим покроем...

Вот тут-то и было что вспомнить охотникам. След от удара японской саблей так и не зарос волосом на голове Актанки. Двадцать восемь солдат шло в обход тайгой, чтобы захватить красных. Только девять человек с офицером ушло из них. Так и не узнал японский начальник, привел ли охотник партизан на их след или была это военная неудача. Многое можно было вспомнить, сидя на теплых канах за трубочкой. И табак в ней не походил на ту горькую травку, которую курили в тайге пятнадцать лет назад охотники. Были тогда они молодые охотники, и шел только девятнадцатый год найденному ими в тайге человеку. У человека было перебито плечо. Всю

[2] Чулки.
[3] Род обуви.
[4] Самострел, настораживаемый на зверя.

ночь после боя он пролежал в тайге, притаившись за упавшим деревом, и ждал смерти. Охотники нашли его утром. Он подумал, что его пришли добивать, и приготовился дорого сдавать свою жизнь. Он держал наготове револьвер, чтобы убить каждого, кто только посмеет к нему подойти.

— Мы ходзен, — сказал Актанка. — Ходзенай худого ничего не делает.

Рана от сабельного удара на его голове еще горела и ныла. Тогда человек поверил людям и позволил им приблизиться. У партизана был с собой бинт, и охотники туго перевязали ему перебитое плечо. Возвращаться в стойбище было нельзя. Неизвестно, куда ушел офицер с девятью солдатами. В стороне — на полных два солнца ходу — есть другой охотничий дом. Там соболиные места, и на тропах соболей охотники настораживают немало сэрми. Надо добраться до жилища и укрыться в нем на некоторое время. Юколы хватит для трех людей на неделю. А потом один охотник уйдет на разведку к Уссури. Человека положили на нарты, и охотники повезли его в тайгу. Ему было девятнадцать лет, и звали его Дементьев. Много белок смеялось над охотниками с вершин деревьев и сыпало вниз шелуху кедровых шишек. Люди не могли стрелять зверя, и можно было спокойно летать с ветки на ветку, растянув пушистый голубой хвост. Под вечер услышали охотники еще легкий и быстрый стук копытцев козули. Козуля тоже смеялась над ними и пронеслась совсем близко между деревьев. Она даже постояла в отдалении и спокойно поглядела на людей своими выпуклыми красивыми глазами. Поклажа для собак была тяжела, и приходилось чаще делать привалы. Так шли день и ночевали в лесу. Нарты с Дементьевым поставили в палатке, и охотники улеглись рядом с ним. Втроем было тесно и тепло, и только раздробленная кость Дементьева мучила его, и человек стонал.

На рассвете тронулись дальше, и так шли весь день. К вечеру собаки почувствовали охотничий дом и дружнее напрягли постромки. Так пришли они к жилищу, которое только охотники-гольды знали и могли разыскать в тайге. Раненого внесли в дом и положили на нары. Скоро запылал огонь очага. Промерзшие стены начали отогреваться, и в доме стало тепло. Нары были коротки, и надо было лежать на них наискось, головами к огню. Трава, заготовленная с осени, приятно шуршала и пахла запахами тайги. В унтэха остались с прошлой зимы все орудия лова. Дверь в дом не закрывалась — он был доступен для каждого охотника. Ни один охотник-гольд не возьмет оставленного другим орудия лова или припасов. Только если будет большая нуж-

Они свернули в страну захода солнца и повели отряд через распадок. Скоро люди начали вязнуть.

Раненого внесли в дом...

да в них, он возьмет сколько ему надо, чтобы вернуть в следующий свой приход сюда. Люди отогрелись, вода кипела и пенилась в чугунке над очагом. У партизана в походном мешке оставалось еще немного крупы. У охотников была юкола. Кроме того у Дементьева нашелся еще кусок сахару к чаю, и это был большой вечер в тайге. Здесь люди разглядели и узнали друг друга...

Охотники сидели теперь на теплых канах в доме Актанки, и дым из трубок тянулся кверху, как воспоминание.

— Пришел почтовый пароход. Привез почту, — сказал Актанка.

Грубые морщины набежали за пятнадцать лет на его лицо. Один неправильный зуб рос в сторону и оттопыривал верхнюю его губу под редким седеющим усиком. Капитан вызывал Актанку: есть новость для колхоза.

Хозяин не спешил, и гость не торопил его. Горячая пора хода кеты кончилась. Теперь можно жить неспеша, пока не начнется охота. Тут хозяин снова набил трубочку табаком и пустил дымок. Ему нравилось, что можно рассказывать медленно и все сидят кругом и слушают, пока женщины готовят в стороне талу из большого золотистого амура, которого наколол на острогу сын Актанки.

— Капитан вызывал говорить, — сказал снова хозяин. — Есть письмо из Рыбаксоюза. Колхоз будет премирован за перевыполнение плана. Посмотрим, кто выйдет первым по сдаче.

Но это была еще не главная новость, а главную новость Актанка придерживал под конец. Потом капитан сказал еще, что с Амура приехал Дементьев. Дементьев велел узнать, живы ли он, Актанка, и Джаксор, и передать им, что он скоро приедет сюда по важному делу.

Дементьев был жив и в полном порядке и приехал теперь на Амур. Это было главное. В последний раз, пять лет назад, они слыхали о Дементьеве от инструктора из Рыбаксоюза. Дементьев жил в Москве, строил железные дороги, и нельзя было подумать, что это тот самый человек, который приготовился к смерти в Уссурийской тайге. Многое, впрочем, изменилось и в их стойбище. Дети умели читать книги и писать, некоторые молодые нанайцы стали учителями, и второй сын Актанки уехал учиться в Институт народов Севера.

Женщины подали на стол блюдо талы. Амур был жирный, и его вкусная сырая печень была нарезана отдельно. Джаксор ел рыбу и думал. Молодость его прошла. Жена умерла восемь лет назад, и он так и не женился вторично. В стойбище попрежне-

му он был первым охотником. В Хабаровске на приемочном пункте охотник сдавал шкуры зверя и мог получить взамен все, что только есть в большом городе. Нарезанный хлеб никогда прежде не лежал рядом с талой. Сейчас в пекарне, налаженной несколько лет назад Чепуренко, выпекают хлеб, и ни один нанаец не думает уже о голодной зиме. Будет мало зверя — в Охотсоюзе отпустят охотнику припасы в долг, и в правлении колхоза есть большая книга, где ведется счет труду охотника. Сколько он затратил труда, столько он получит взамен рыбы, картофеля и муки на всю зиму. Пусть приедет Дементьев в стойбище. Раз нанай стал человеку другом, — это значит на всю жизнь, и здесь годы значения не имеют. В стойбище есть что показать. Можно показать школу. Можно показать промартель. Можно пустить радио, и пусть Дементьев послушает, как поют в Хабаровске.

— Хорошо, — сказал Актанка. — Колхоз тоже добился кое-каких успехов. Рыбаксоюз зря писать бумагу не станет. Посмотрим, кто в будущем году выйдет на первое место по сдаче рыбы.

Он, вероятно, тоже думал, что можно будет показать Дементьеву. Талу ели долго, рыба была вкусная и хорошо приправлена луком и травами. После талы женщины подали чайник. Теперь стало совсем тепло и дымно. Все курили трубки. Мать Актанки тоже курила трубку. Ее красный с черной оторочкой халат был распахнут. В берестяной зыбке, которую покачивала она, лежал ее правнук. К зыбке были подвешены пустые ружейные патроны — это значило, что мальчик должен стать смелым охотником. Подвешенные побрякушки звенели, и самый младший — Гапчи Актанки — спал. Гапчи — значит стрелок, и мальчику неспроста было дано это имя. Теперь пора была вернуться домой.

Гость сказал: «Банеха» — и поднялся. Он перекинул через плечо веревку, на которой висели убитые им рыбы, и направился к дому. Он шел и плотно ставил свои короткие сильные ноги в вышитых торбазах. Вода Амура синела, и одна только оморочка двигалась вдоль берега, и гребец не спешил опускать в воду весло. Видимо, приятно было ему двигаться по воде в теплый вечер, — последние теплые вечера стояли на Амуре, и дальше должна была начаться зима.

Это фотография Константина Петровича Иванова, рабочего Сестрорецкого оружейного завода. И в то же время это фотография Владимира Ильича Ленина.

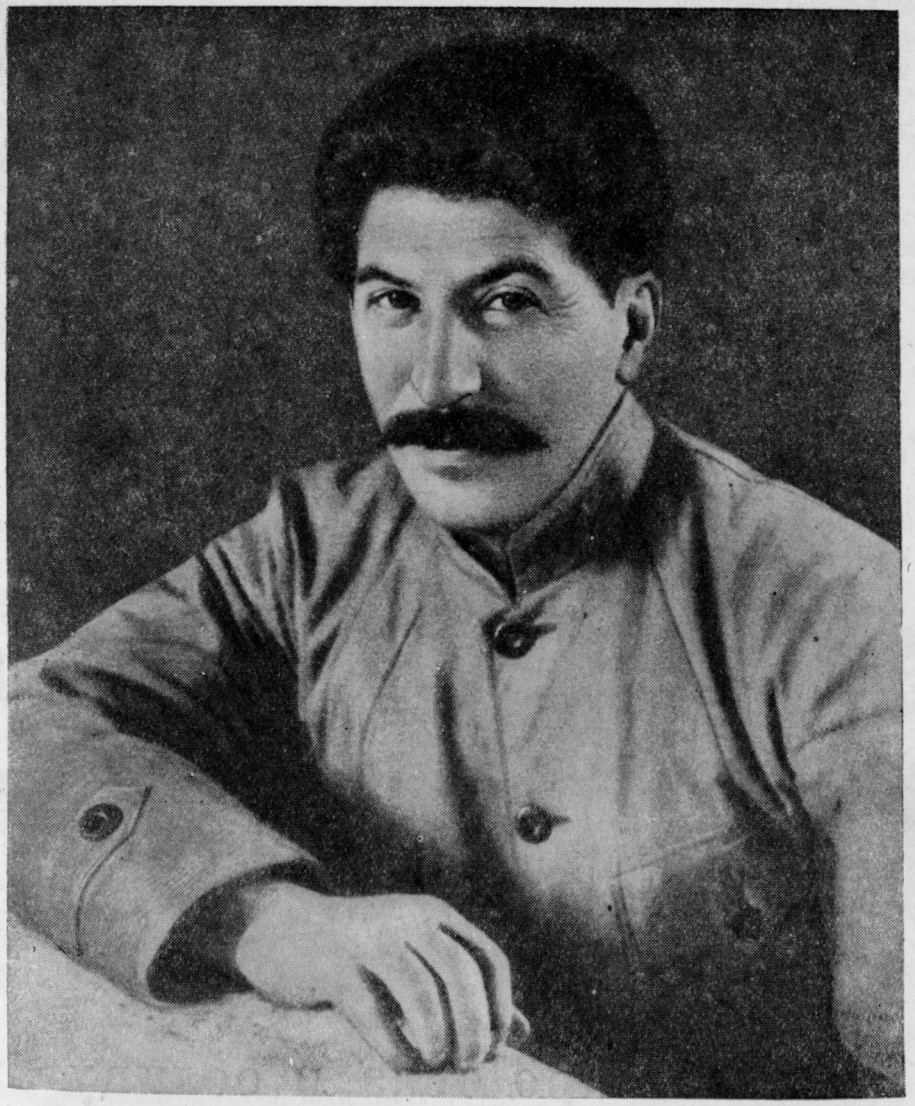
Товарищу Лещенко, который снимал ее в августе 1917 года, дано было задание — снять Ленина похоже и в то же время непохоже, чтобы его не могли узнать шпики, которые в поисках Ленина рыскали всюду. Хорошо ли выполнил свое задание фотограф, судите сами. Карточка нужна была, чтобы получить для Ленина на Сестрорецком оружейном заводе удостоверение на имя рабочего Иванова. Ленин обрил голову, надел парик и в таком виде был снят.

Он скрывался от буржуазного Временного правительства, которое разыскивало Ленина, чтобы с ним расправиться.

Рабочие-большевики переправили Ленина на станцию Разлив, около Сестрорецка, а оттуда перевезли на лодке на заливные сенокосы в шалаш.

Наступала осень, жить в шалаше было холодно, и Ленин решил переехать в Финляндию. Для этого ему нужно было удостоверение. Еще в шалаше Ленин обдумывал свою замечательную книгу «Государство и революция». Кончить ее он не успел. В послесловии к книжке Ленин написал: «приятнее и полезнее «опыт революции» проделывать, чем о нем писать».

Из шалаша Ленин писал на папиросной бумаге мелким, бисерным почерком статьи для «Правды», письма на шестой с'езд партии большевиков, которым по указаниям Ленина руководил Сталин.



Тов. Орджоникидзе описал, как по поручению Сталина он два раза ездил к Ленину в шалаш за указаниями. Серго приезжал к Ленину ночью. Через озеро его перевозил 10-летний сын рабочего, который скрывал Ленина. Ленин и Серго забрались на стог сена, и Ленин во время беседы сказал: «Власть можно взять теперь только путем вооруженного восстания, оно не заставит ждать себя долго...» Серго увез от Ленина письма Сталину и несколько статей.

Центральный комитет большевиков решил созвать в Петрограде в августе (26 июля по старому стилю) 1917 года шестой с'езд партии. Партия очень выросла — за три месяца число членов ее достигло 240 тысяч, втрое больше, чем было в апреле 1917 года. Многие делегаты на с'езд приезжали под другими фамилиями. С'езд собирался тайно, переезжал из дому в дом. Ленина на с'езде не было. Все это делалось потому, что Временное правительство после июльской демонстрации рабочих и солдат в Петрограде, показавшей растущую силу большевиков, хотело уничтожить большевистскую партию.

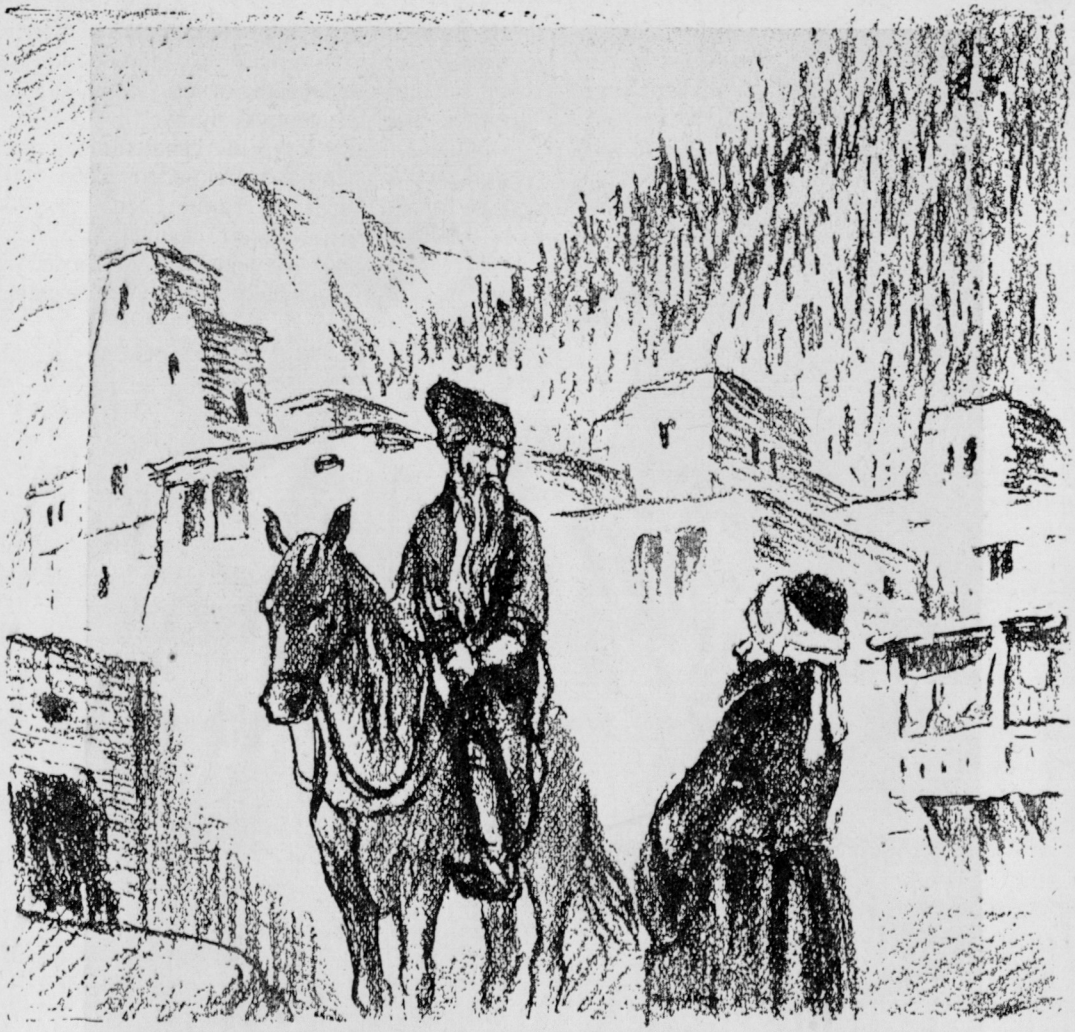
Товарищ Сталин сделал на с'езде два основных доклада. В них он проводил ленинскую линию, указывал, что вести революцию вперед можно только, если рабочие и крестьяне-бедняки вырвут власть у буржуазии.

Сталин на с'езде разгромил Бухарина и других трусов и предателей, которые боялись и не хотели, чтобы рабочие и беднейшее крестьянство взяли власть в свои руки.

Сталин повел всю партию к победе ленинского дела. По всей России рабочие и трудящиеся **с воодушевлением читали манифест с'езда, который кончался так:**

«Готовьтесь же к новым битвам, наши боевые товарищи! Стойко, мужественно и спокойно, не поддаваясь на провокацию, копите силы, стройтесь в боевые колонны!»

Наверху этой страницы помещена фотография Сталина, тоже снятая в 1917 году.



Сказка про осла и ослицу

С. Бритаев — *Осетинская* — *Рис. Ю. Кискачи*

В большом ауле жил один мулла. Рано утром вставал мулла с постели и шел в мечеть. Придет к мечети, подымется на башенку, руки к ушам приложит и закричит громким голосом: «Аллах акбар!»

Это он горцев зовет в мечеть молиться.

Долго стоит мулла на башенке и поворачивается во все стороны. На юг повернется и опять закричит: «Аллах акбар!», потом на восток повернется и опять закричит: «Аллах акбар!», потом на север повернется, потом на запад и все кричит: «Аллах акбар!», «Аллах акбар!»

Слышат горцы, как кричит мулла со своей башенки, а что кричит, никто понять не может, потому что не горские слова говорит мулла. А горцы хотя и не понимают слов муллы, но все-таки идут в мечеть. Боятся, как бы мулла на них беды не накликал.

Кто работал в поле, тот соху бросит, кто дрова рубил,—топор положит, кто сено косил,—воткнет косу в землю, и бегут все к мулле в мечеть. А мулла уже сидит в углу мечети лицом к стене, спиной к двери и перебирает свои четки. А как соберется в мечети весь аул, мулла начинает молиться. Посмотрит налево — бороду погладит, посмотрит направо — опять бороду погладит, потом станет на колени и поло-

жит низкий поклон, потом снова посмотрит направо и налево — снова бороду погладит. И все что-то бормочет, а что бормочет, ни один горец не понимает.

Глядят горцы на муллу и все делают, как мулла: мулла посмотрит направо — и горцы направо, мулла посмотрит налево — и горцы налево, положит мулла поклон — и горцы поклон положат.

Кончит мулла одну молитву, повернет лицо к горцам и скажет им по-горски понятными словами:

— Кто молится великому аллаху и его пророку Магомету, тот пойдет прямо в рай, а кто не молится, — сгорит в аду.

Не хотят горцы в аду гореть и начинают молиться еще усерднее: мулла повернет голову направо один раз, а горцы — два раза, мулла посмотрит налево один раз, а горцы — два раза, положит мулла два поклона, а горцы — пять.

Кончит мулла другую молитву, опять повернет лицо к горцам и опять им скажет всем понятными словами:

— Кто принесет в мечеть из десяти мер пшеницы одну меру, из десяти гусей одного гуся, из десяти кругов сыра один круг, из десяти кур одну курицу, тот сам богатым станет. А кто не принесет, умрет в нужде.

А кому хочется умереть в нужде? Вот и несет каждый горец хитрому мулле из десяти кур одну курицу, из десяти мер пшеницы одну меру, из десяти гусей одного гуся, да не какого-нибудь, а самого жирного.

Хорошо живется мулле: в курятнике у него куры кудахчут, гуси гогочут, амбары у него ломятся от хлеба, в хадзаре круги сыра сложены до самого потолка, горшкам масла и счету нет.

❋

Так вот и жил мулла возле своей мечети. Но вот на другом конце аула, в заброшенной старой сакле, поселился священник. Тот священник был еще хитрее муллы. Поставил он на сакле большой медный крест, по стенам развешал иконы, по углам прилепил свечи; потом смастерил себе из медной чашки кадило и сказал:

— Пусть это будет моя сакля и божья сакля. А теперь с благословения господа нашего Иисуса христа соберу я горцев и скажу им слово божье.

Собрал он со всего аула горцев, собрал и старых и молодых, и мужчин и женщин, и зрячих и слепых и стал говорить сладким голосом:

— Всевышний бог послал меня к вам ради вашего спасения. Не слушайте хитрого муллы, нето покарает вас всевышний бог: он спалит небесным огнем ваши сакли и нашлет на вас черную чуму.

Сказал так хитрый священник, потом посмотрел вверх и перекрестил себе лоб.

А горцы, услышав такие слова, задрожали от страха и говорят священнику:

— Не пойдем мы больше к хитрому мулле, а будем молиться твоему всевышнему богу.

Сказали так горцы, а потом посмотрели вверх и перекрестили себе лбы, как это сделал священник.

А священник видит, что они его слушают, и говорит:

— Не будет вам милости от всевышнего бога, пока отдаете вы все свое добро хитрому мулле. А вот принесете вы в церковь по одной мере пшеницы — всевышний бог примет ваши молитвы и наполнит ваши закрома красной пшеницей; принесете жирной баранины — он умножит ваши стада; принесете ему по одной курице — он вам даст по десяти

Тут посмотрел священник вверх и перекрестил себе лоб. Вышли из церкви горцы, надели шапки на головы и разошлись по своим бедным хадзарам. Потом принесли они священнику в церковь и пшеницы, и пирогов, и масла, и сыра, и гусей, и кур. И стали горцы ходить в церковь к священнику каждый день, а к мулле в мечеть и не заглядывают.

Видит мулла, дело его плохо: все, что раньше горцы носили ему в мечеть, теперь несут священнику в церковь. Поднялся тогда мулла на высокую башенку и закричал громче прежнего:

— Аллах акбар, идите в мечеть молиться великому аллаху! Аллах акбар, кто не придет, того аллах покарает!

Услыхали горцы слова муллы и говорят друг другу:

— Что же нам делать? Не пойдешь к мулле в мечеть—аллах нашлет на тебя чуму. К священнику в церковь не пойдешь — нашлет на тебя чуму всевышний бог.

И вот собрались горцы и стали думать, как им быть. Думали, думали и так придумали: в один день пойдем к священнику в церковь, в другой — к мулле в мечеть. В один день священнику понесем и пшеницы, и мяса, и гусей, и кур, и груш, и яблок, а в другой день — мулле.

И опустели горские сакли, не слышно кудахтанья кур в курятниках, не видно

овец на склонах гор, одни лишь мыши бегают в пустых хадзарах.

Зато хорошо зажили священник и мулла, сытно едят, сытно пьют. А все им мало. Молятся они утром и вечером.

Священник молится всевышнему богу:

— Чем разгневал я тебя, всевышний боже? Совсем обобрал меня этот лукавый мулла. Пошли свою кару на голову обманщика, отними у него разум, преврати его в пепел.

А мулла молится великому аллаху:

— О великий аллах, совсем разорил меня этот шайтан-поп. Пошли на его голову кару, отними у него язык, растопи сало его глаз.

❋

А далеко от того аула, за черными лесами, за глубокими морями, на самой высокой горе, выше туч и выше облаков, жил в своей серебряной сакле старик-волшебник Уастырджи.

Смотрел седой Уастырджи на все земли и на все моря, смотрел на все ущелья и леса, на все аулы и дороги. И вдруг увидел он в одном ауле священника и муллу. Посмотрел Уастырджи на священника и видит: обманывает священник бедных горцев и, что ни день, живет все богаче, ест жирно, пьет сладко. Посмотрел он на муллу и видит: мулла тоже обманывает бедных горцев и, что ни день, живет все богаче, ест жирно, пьет сладко. Посмотрел седой Уастырджи на бедных горцев, а они, что ни день, живут все беднее, не пьют и не едят, а только молятся.

«Ей-й, — подумал Уастырджи и вздохнул глубоко.—Плохи дела на земле. Видно, придется мне, старику, отправиться в далекий путь, чтобы наказать священника и муллу, а нето посеют они ложь на всей земле».

Встал Уастырджи с серебряной скамьи, надел свою белую черкеску с белыми газырями, повязал булатный кинжал с белой ручкой и в серебряных ножнах, надел на голову белую папаху, расчесал свою белую бороду и три раза ударил в ладоши. Только ударил он в ладоши, как появился перед ним, будто из-под земли вырос, крылатый белый конь. Уастырджи вскочил на белого коня, натянул серебряную узду и взмахнул серебряной плетью.

Расправил белый конь могучие крылья и полетел над морями и над лесами, над белыми и черными горами. Сидит Уастырджи в серебряном седле и на землю смотрит, а небесные ветры шевелят его седую бороду.

Долго ли летел крылатый конь старого Уастырджи, кто знает? Но вот прилетел он в темное ущелье, коснулся копытами земли, и вмиг исчезли его могучие крылья — и стал он как простой горский конь. Уастырджи ударил плетью белого коня и поскакал по ущелью в тот самый аул, где жили священник и мулла. Возле мечети хитрый мулла стоит, а возле церкви — хитрый священник. Под'ехал к мулле старый Уастырджи и говорит:

— Салам алейкум, хороший мулла.

— О, алейкум салам, — отвечает ему мулла. — Откуда и куда ты держишь путь?

— Мой путь далек, — говорит опять Уастырджи. — Еду я в равнинную страну. Много дней и много ночей надо мне ехать, и боюсь я, как бы дождь не промочил моих костей. Ты читал все кораны и все китабы на земле, и все дела аллаха тебе известны, так скажи мне, будет завтра дождь или не будет?

Закрыл глаза мулла, погладил усы, пошевелил губами, а потом сказал:

— Давно в ущелье не было дождя, а завтра по воле аллаха будет дождь.

Посмотрел Уастырджи вверх — не видно на небе ни облачка, ни тучи; посмотрел Уастырджи на склоны гор — не шумит дремучий лес. Посмотрел тогда он на хитрого муллу и говорит ему:

— Если ты говоришь правду, пусть прославится твой дом, пока на земле растет трава, пока с гор течет вода, пока арба катится по равнине. Если же ты говоришь неправду, превратись в осла.

И мулла превратился в осла.

Уастырджи ударил осла плетью и погнал его перед собой. Через весь аул проехал Уастырджи и на другом конце аула, возле церкви, увидел священника.

— Пусть твой день будет счастлив, — сказал священнику Уастырджи и остановил осла и белого коня.

— Да будет счастлив и твой день, — отвечал ему священник.

— О мудрый священник,—говорит опять Уастырджи, — ты читал много священных книг, и всевышний бог открывает тебе свои тайны. Скажи мне: будет завтра дождь или нет?

Помолчал священник, подумал, перекрестился на крест своей церкви и сказал:

— Быть дождю — такова воля всевышнего, и не изменить ее нам, — и снова перекрестил себе лоб.

Опять посмотрел Уастырджи на небо, на деревья, на горы и говорит священнику:

— Если ты сказал правду, — пусть твой род прославится по всей земле, пока на ней растет трава, а с гор текут ручьи и дуют ветры. Если же ты говоришь неправду, — превратись в ослицу.

И священник превратился в ослицу.

Уастырджи ударил плетью осла и ослицу и погнал их перед собой. А осел и ослица то с дороги в лес свернут — приходится старому Уастырджи скакать за ними вдогонку и плетью выгонять их из чащи; то прикинутся хромыми — норовят отстать; то у речки остановятся, будто воду пьют, а сами не пьют и пить не хотят; то вцепятся зубами друг в друга и орут на все ущелье.

Смотрел, смотрел Уастырджи на осла и на ослицу и говорит:

— Вы обманывали горцев, когда были священником и муллой. А теперь вы меня хотите обмануть? Где это слыхано, чтобы осел и ослица обманули старика? Лучше бегите по дороге и назад не оглядывайтесь, нето худо вам будет.

Тут старый Уастырджи опять ударил осла и ослицу и погнал их перед собой.

*

Долго ли ехал седой Уастырджи, не знаю Но вот доехал он до высокого перевала, слез с белого коня, привязал его к ореховому дереву, осла с ослицей пустил пастись на траву, а сам сел на камень отдохнуть. Только сел он на камень, как из-за скалы вышел один бедный горец. Идет горец по тропинке, а в руках у него пустые мешки.

— Откуда и куда ты держишь путь? — спрашивает его старик.

— Иду я на равнину наниматься к богатым горцам, — отвечает бедняк. — В моем бедном хадзаре нет ничего, кроме ветра, а на равнине буду я работать и заработаю кукурузы, чтобы прокормить свою семью.

— А что у тебя в руках? — спрашивает Уастырджи.

— Четыре пустых мешка, — отвечает бедняк. — Эти мешки я наполню кукурузой и понесу в горы, к себе в саклю.

Удивился Уастырджи.

— Пустые мешки и то нелегко носить на себе по камням. Как же понесешь ты на себе полные мешки?

— Такова жизнь бедняка, — сказал горец. — В моем хадзаре нет ни ишака, ни лошади, ни вола. Никто не даст своего ишака бедному горцу.

Тогда Уастырджи говорит:

— Я тебе дам осла, если на мой вопрос ты ответишь мне чистую правду.

Бедняк обрадовался.

— Я скажу тебе только правду, да будет аллах мне свидетелем в этом.

— Тогда отвечай: будет завтра дождь или нет? — спросил Уастырджи.

Услышал бедняк слова старика и подумал: «Видно, придется мне на себе таскать свою кукурузу». Опечалился и говорит:

— О хороший старик, хоть вопрос твой и труден, как жизнь бедняка в горах, но я скажу тебе только правду.

Потом посмотрел бедняк на небо, посмотрел на дремучий лес, посмотрел на черное ущелье и говорит:

— Откуда же быть дождю, когда тучи не мчатся с запада на восток, когда не гнутся вековые стволы в дремучем лесу, когда с гор не дуют ветры, когда ласточка не задевает крылом камней дороги? Посмотри сам: небо чисто, как слеза, светит солнце, молчит дремучий лес, за горами ветры уснули, а ласточки летают в небе выше лесов и гор. Видно, не быть дождю.

Понравились эти слова сердцу седого Уастырджи, и говорит он бедняку:

— За то, что ты сказал мне правду, я помогу тебе в беде. Бери осла и ослицу и без устали работай на них. Только не верь им: эти осел и ослица не простые, они хитрее самого священника и муллы. А пройдет год — ты пригони их обратно на этот перевал, я буду ждать тебя у камня.

Потом старый волшебник вытащил из черкески белый газырь, из газыря высыпал он на ладонь четыре зерна красной пшеницы, дал их бедняку и сказал:

— Вот тебе еще четыре зерна пшеницы. Бросишь одно зерно в один мешок — и мешок доверху наполнится красной пшеницей, бросишь другое зерно в другой мешок — и тот наполнится красной пшеницей, потом бросишь третье зерно в третий мешок, а четвертое зерно в четвертый мешок — и они доверху наполнятся красной пшеницей. Тогда ты взвали два мешка на осла, два мешка на ослицу и отправляйся в свою саклю. Иди, и пусть твоя сакля наполнится счастьем и род твой живет вовеки, пока на земле растет трава, с гор течет вода и в ущельях дуют ветры.

Зажал бедняк четыре зерна красной пшеницы в кулаке и не успел слова сказать, как старик подбежал к белому коню, отвя-

Повалился бедняк на каменистую дорогу, закрыл мешком глаза и еле дышит от страха.

зал его от орехового дерева и легче ветра прыгнул в серебряное седло. Вмиг выросли у коня могучие крылья, взмахнул ими белый конь, и на перевале поднялась буря, задрожали все горы на земле, зашумели дремучие леса, и волшебник скрылся за облаками.

Повалился бедняк на каменистую дорогу, закрыл мешком глаза и еле дышит от страха. Осел с ослицей тоже испугались и точно мертвые повалились на траву.

*

Кто знает, сколько времени так лежал бедняк. Но вот буря на перевале перестала шуметь, высокие горы успокоились, дремучие леса затихли. Бедняк открыл глаза и подумал: «Не сон ли это?» Посмотрел вокруг и видит: лежат на траве осел и ослица, а самого старика и белокрылого коня и след простыл. Потом разжал кулак и видит — на ладони четыре зерна красной пшеницы. Бедняк обрадовался, быстрее серны вскочил с земли, бросил одно зерно в один мешок — и мешок доверху наполнился красной пшеницей, бросил другое зерно в другой мешок — и тот наполнился пшеницей, а когда наполнились пшеницей все четыре мешка, сорвал горец хмель и крепко завязал полные мешки. Потом поймал осла и ослицу и взвалил им на спину по два мешка красной пшеницы, срезал березовую палку и сказал:

— О великий аллах, пусть счастьем наполнится жизнь старика!

Ударил бедный горец осла и ослицу березовой палкой и, погнав их перед собой, стал распевать песни.

Долго ли, коротко ли бежали осел и ослица по тропинке, долго ли бежал за ними бедняк, не знаю, но вот прибежали они во двор старого хадзара.

— Эй, хозяйка, — закричал бедняк что было сил, — беги во двор и бери пшеницы столько, сколько душа твоя пожелает.

Услышала это жена, вскочила со скамьи и ушам своим не верит. «Откуда быть мужу во дворе да еще с пшеницей, когда он только сегодня ушел из пустого хадзара? — подумала она. — Может это шайтан кричит, а не муж?»

— О, бог богов, избави наш бедный очаг от беды! — взмолилась она богу богов.

А сама дрожит от страха, с места не может сойти. Потом выбежала она из сакли, смотрит: во дворе стоит ее муж, возле него стоят два осла, а у каждого осла на спине по два мешка. Еще больше удивилась жена бедняка, смотрит она то на мужа, то на осла, то на ослицу и глазам своим не верит.

Тут бедняк рассказал своей жене все, как было.

На другое утро бедняк говорит жене:

— Послушай-ка, хозяйка, ты пеки в хадзаре хлеб, а я возьму осла и ослицу и пойду в лес за дровами.

Потом взял бедняк топор и хворостину,

вышел во двор и видит: лежат осел и ослица на дворе, ноги протянули, глаза закрыли и еле дышат. Бедняк так испугался, что с места сойти не может, и лицо его стало белее снега, что лежит на горах.

Вдруг вспомнил бедняк, как говорил ему старик на перевале: не простые эти осел и ослица, не верь им, они хитрее священника и муллы.

Вспомнил эти слова и закричал на них:

— Знаю я, что вы хитрее священника и муллы. Но не обмануть вам бедного горца.

Выбежала жена из сакли, смотрит: во дворе стоит ее муж и возле него стоят два осла.

*

Схватил он с земли березовую палку и так ударил осла и ослицу, что они быстрее ветра побежали по тропинке в лес. А бедняк с топором в одной руке, с палкой в другой побежал за ними. В лесу бедняк нарубил четыре вязанки дров. Две вязанки положил на осла, две вязанки — на ослицу и погнал их к своему хадзару. Сложил он дрова во дворе и опять отправился в лес, и так ходил он, пока между лесом и его хадзаром от копыт осла и ослицы не протоптала широкая дорога, а во дворе не выросла гора сухих дров.

— Вот теперь нам дров хватит на целый год, — сказал тогда бедняк.

А жена ему и говорит:

— Дров-то много у нас, да только дровами сыты не будем.

— Эй, хозяйка,—отвечает ей бедняк,— не бойся, будет у тебя и хлеб, и мясо, и масло, и сыр. Дай только срок.

На другое утро горец впряг осла и ослицу в деревянную соху и отправился на склон горы. Там он расчистил землю, вспахал ее деревянной сохой, засеял красной пшеницей и сказал:

— Будет и пшеница в моей сакле на целый год.

С тех пор стал работать бедный горец на осле и на ослице дни и ночи: то возил камни для нового хадзара, то хворост для курятника, то бревна из лесу таскал, то ездил в далекий аул на базар, то сено с луга привозил.

Вот и год прошел. Возле старого хадзара бедняка стоит уже новая сакля, и дров целая гора во дворе, и закрома ломятся от хлеба, и в новом курятнике куры кудахчут, и в новом хлеву между ослом и ослицей стоит маленький осленок.

Говорит тогда горец своей жене:

— Хозяйка, время мне гнать осла и ослицу и маленького осленка, что родился у них, на высокий перевал.

Хоть жаль расстаться жене горца с ослом и ослицей и маленьким осленком, да делать нечего.

Вот пригнал бедняк осла, ослицу и маленького осленка на высокий перевал. Посмотрел на большой камень — нет там старика.

Вдруг засвистел ветер по ущелью, задрожала вся земля, зашумел дремучий лес и на горной тропинке появился старый волшебник на своем крылатом белом коне.

Под'ехал старик-волшебник к бедняку и говорит ему:

— Хорош да будет день твой.

— И твой день да будет хорош, — отвечает ему бедняк. — Я привел тебе твоего осла и ослицу. Бери их.

Посмотрел старый Уастырджи на осла и на ослицу, посмотрел он на маленького осленка и спрашивает бедняка:

— А это чей осленок?

— И осленок этот твой, — отвечает бедняк.

— Нет, осленок не мой, — говорит Уастырджи, — я давал тебе только осла и ослицу.

— Маленький осленок родился у твоего осла и твоей ослицы, потому и маленький осленок не мой, а твой, — отвечает бедняк.

Пришлись по сердцу Уастырджи слова бедняка, и говорит он ему:

— За то, что ты не утаил от меня осленка, я оставлю тебе еще на год осла, ослицу и маленького осленка. Через год приведи их опять на этот высокий перевал.

Не успел горец и слова в ответ сказать, как загремел гром, поднялась буря, задрожали горы, зашумел дремучий лес и старик-волшебник исчез за облаками. Бедняк посмотрел ему вслед и сказал:

— О бог богов, продли жизнь старика на долгие годы.

Потом ударил он хворостиной осла и ослицу и отправился обратно в свой хадзар.

*

А осел и ослица стали хитрить еще больше прежнего. Да только хозяин уже им не верил. Сбросят они с себя две вязанки хворосту, а он на них навалит по четыре, прикинутся они больными, — он их палкой.

Работал горец день, работал ночь, работал месяц, работал год. И зажил хорошо. А в хлеву у него стоят большой осел и большая ослица, а между ними маленький осел и маленькая ослица.

А когда прошел год, горец сказал своей жене:

— Теперь я опять погоню на высокий перевал осла и ослицу. С ослом и с ослицей погоню еще маленького осла и маленькую ослицу, отдам их старику.

— Хорошо,— отвечала ему жена, хоть и жаль ей было маленького осла и маленькой ослицы.

— Вот привел я тебе большого осла и большую ослицу, а еще маленького осла и маленькую ослицу.

Вышел тогда горец из новой сакли, ударил осла и ослицу березовой палкой, крикнул «чу» на маленьких ослят и отправился в путь-дорогу на высокий перевал.

Кто знает, сколько с гор воды утекло на равнину, пока горец шел на высокий перевал. Только поднялся он на перевал, смотрит, а старик уже сидит на камне и его дожидается.

— Вот привел я тебе большого осла и большую ослицу, а еще маленького осла и маленькую ослицу,— сказал горец.

— Вижу я, что не обманываешь ты меня.

За это даю я тебе маленького осла и маленькую ослицу.

Услыхал эти слова горец и обрадовался, а Уастырджи сел на своего белого коня, ударил плетью осла и ослицу и поехал по ущелью в тот аул, где жили раньше священник и мулла. А бедняк с маленьким осленком и маленькой ослицей пошел в другую сторону, туда, где был его хадзар.

И вдруг ослята остановились, вытянули уши и посмотрели на высокий перевал. Горец крикнул на них и погнал перед собой, а сам подумал: «Видно, ослята хотят посмотреть на отца и мать». Только подумал, как вдруг они опять остановились на тропинке, повернулись назад, и грустнее прежнего посмотрели они на высокий перевал, длиннее прежнего вытянули уши. Да только не услыхать ослятам, как стучат копыта старого осла и ослицы, не видать им больше отца и матери. И чем дальше бежали они от высокого перевала, тем длиннее и длиннее уши становились у них и все грустнее и грустнее глаза. А когда пригнал хозяин ослят во двор своего хадзара, уши у них выросли большие, точно башни на утесе, и глаза их стали печальные, как осенняя ночь в горах.

Вот с тех пор у всех ослов и ослиц печальные глаза и длинные уши.

*

Тем временем старый Уастырджи ехал на белом коне и плетью погонял осла и ослицу.

Кто знает, сколько ехал старый Уастырджи по тропинке, но вот увидел он, наконец, аул, где жили прежде священник и мулла. Остановил тогда старик своего белого коня, остановил он и осла с ослицей, потом ударил плетью осла и сказал:

— О бог богов, преврати осла в то, чем был он раньше.

И осел вмиг превратился в муллу. Вздохнул мулла глубоко и сказал старику:

— Да накажет тебя аллах за все страдания и обиды, которые я перенес за эти два года.

А Уастырджи ему и говорит:

— Я превратил тебя в осла за то, что язык твой не знает правды, за то, что ты сам не работал, а заставлял других работать на себя. Пусть отныне, пока на земле растет трава, с гор течет вода и арба катится на равнине, горцы про тебя говорят: «Где пройдет мулла, там и мышь крошки не найдет».

Ничего не ответил старику мулла, опустил голову на грудь и побрел в свой аул.

А ослица, как услышала, что сказал Уастырджи, задрожала от страха, закричала на все ущелье, потом повернула к старику глаза и уши и ждет, что старик с ней будет делать.

Тут волшебник Уастырджи ударил серебряной плетью ослицу и сказал:

— О бог богов, преврати ослицу в то, чем она была раньше.

И ослица вмиг превратилась в священника. Вздохнул священник глубоко от радости, что опять священником стал, перекрестил себе лоб и говорит Уастырджи:

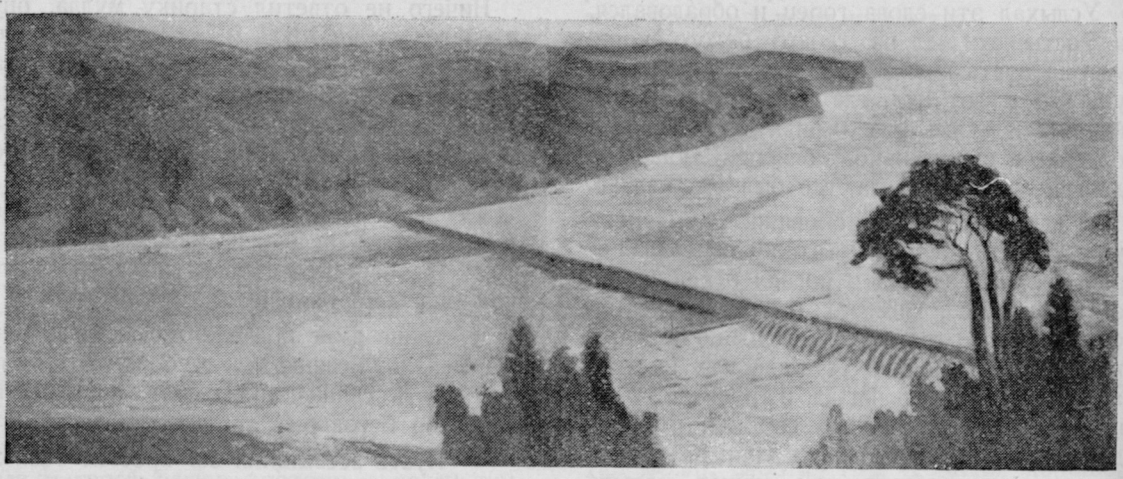
— Пусть всевышний бог простит тебя за то, что ты заставил меня работать и день и ночь на бедного горца. А теперь я пойду к себе в аул и отдохну после двухлетнего труда.

— Послушай, что я тебе скажу,—говорит священнику волшебник. — Я превратил тебя в ослицу за то, что язык твой не знает правды. И чтобы все видели отныне, кто ты такой, пусть одеждой тебе будет ряса, а голова твоя обрастет волосами. И пусть, когда увидят тебя горцы, они скажут: «Лучше поверить лисе в дремучем лесу, чем поверить священнику в рясе».

Только сказал так старый Уастырджи, как черкеска у священника превратилась в длиннополую рясу, волосы выросли у него до самых плеч, а на лице появилась седая борода. Посмотрел священник на длиннополую рясу и опечалился, погладил седую бороду и опечалился еще больше, потрогал рукой длинные волосы и так опечалился, что опустил голову на грудь и медленно пошел по тропинке в аул.

Когда священник и мулла скрылись в своем ауле, старый Уастырджи — да будет счастлива его жизнь вовеки — ударил серебряной плетью белого коня. Вздрогнул белый конь и распустил могучие крылья. Поднялась в ущелье буря, задрожали высокие горы, аул задрожал, зашумел дремучий лес, и волшебник скрылся за облаками.

С тех пор так и повелось: увидят горцы священника и говорят: «Лучше поверить лисе в дремучем лесу, чем поверить священнику в рясе». А как муллу увидят горцы, говорят: «Где пройдет мулла, там и мышь крошки не найдет».



Плотина у Царева кургана (проект).

Большая Волга

А. Некрасов

Волга — большая река. Но у нас в Союзе есть реки и длиннее, и глубже, и многоводнее. Почему же именно Волгу русский народ прозвал кормилицей, поилицей и великой рекой?

Почти всю страну вдоль и поперек — от Свердловска до Москвы, от Соликамска до Астрахани — Волга со своими притоками соединила широко разветвленной сетью водных путей.

А водный путь — большое дело. Это и сейчас самый дешовый путь для грузов, а совсем недавно, лет 60 назад, водный путь был единственным.

На ладьях, на баржах, на стругах вели бурлаки зерно из приволжских хлебных мест по Волге, по Каме, по Оке, и вся страна кормилась этим хлебом. И астраханская рыба и персидский шолк шли бичевой снизу вверх. А тульские пушки и чугуны, вятский лес и пермская соль шли вниз по рекам. Богатели от торговли приволжские города. А весной та же Волга приносила несметные массы воды, заливала низкие берега и вспаивала тучную землю. Не даром, значит, звали Волгу кормилицей и поилицей. Так было десятки и сотни лет.

Теперь Волга уже не та, что была в прежние годы. Лет 50 назад разбогатевшие волжские купчики скупили и свели помещичьи леса по берегам волжских притоков. Высохли бесчисленные речки, речушки и ручейки. Обмелела и сама Волга. В засушливые годы чуть не пол-лета стоят пароходы и пустуют пристани в верхнем плесе. А в нижнем, у города Куйбышева, у Сталинграда, где Волга разлилась местами на 5 километров, — и там немногим лучше. Утром выйдешь на палубу — туман стоит над рекой, берегов не видно, плывешь как по морю. Уверенно пыхтит пароход час — два. Вдруг машина сбавляет ход, на нос спешит матрос и принимается торопливо макать за бортом не очень длинный полосатый шест. Казалось, тут дна не достанешь, а, оказывается, нет и сажени глубины. Значит, мель близко, перекат.

И с тех пор как связали железной дорогой Москву и Поволжье, главный из прежних грузов — хлеб — отошел от Волги. Но у Волги зато прибавился новый груз — нефть. Из Баку по Каспийскому морю, а дальше по Волге идут маленькие буксирчики-мелкоходы, не торопясь шлепают по воде грязными плицами, тянут за собой караваны барж-нефтянок, и в них столько неф-

ти, что ее и за год не перевезешь на поезде. Почти вся нефть, которую жгут Москва, Горьковский край и Ленинград, приходит весной по Волге. И Волга, хоть она и обмелела, не потеряла своего значения как дешовый удобный путь.

Не потеряла своего значения и волжская пшеница. Правда, пшеница в центральные районы идет теперь и из Сибири и с Украины. Но попрежнему каждую осень, подводя итоги и подсчитывая запасы, в первую голову прикидывают, какой урожай был в Поволжье.

И если случится засуха в Поволжье, приходится тратить много лишнего труда, чтобы спасти урожай. А в прежние, не очень давние времена засуха в Поволжье была страшным бедствием. Сотни тысяч людей ели мякину, траву, солому, пухли от голода, умирали... Уже при советской власти был один такой год, когда голод в Поволжье обрушился на нашу, тогда еще молодую, неокрепшую страну.

Страшно вспоминать об этом голоде, но и забывать о нем нельзя. Надо зорко следить за погодой, и, если Поволжью грозит засуха, надо вовремя принять меры.

Может быть, можно сделать так, чтобы урожаи в Поволжье не страдали от погоды?

Можно.

Но для этого нужно заставить Волгу работать, заставить ее течь не так, как она хочет, а так, как нам нужно. И тогда от ледохода до ледостава глубоко сидящие пароходы будут ходить от Астрахани до самой Москвы, не боясь сесть на мель. Пшеница в самые засушливые годы будет давать богатые урожаи. Волга возьмет на себя и другие заботы о хлебе: сила, скрытая в движении ее воды, будет пахать землю, косить и убирать пшеницу, а избыток этой силы будет освещать города, крутить валы станков и плавить металлы в печах.

Но не так просто обуздать великую реку. Тихая, спокойная, без бурливых порогов, без шумных водопадов, Волга несет в себе огромную силу. Волга—это пять Днепров!

Справиться с Волгой так трудно и сложно, что до революции специалисты уверяли, что это практически невыполнимо.

Так оно и было на самом деле. С той отсталой техникой, с теми куцыми знаниями, с теми чиновничьими порядками, которые были при царе, нечего было и думать об этом. Помещикам и капиталистам такая задача была не по плечу. Теперь — другое дело. В стране другой хозяин — рабочий класс, советский трудовой народ, который построил такие сооружения, как Днепрогэс, канал Волга—Москва, Беломорско-Балтийский канал имени Сталина. Наши корабли идут Великим северным морским путем, наши летчики на наших самолетах завоевали Северный полюс. Это мы дважды проложили самый прямой путь из Москвы в Соединенные штаты Америки через полюс. В такой стране, как наша родина, реконструкция Волги — дело вполне осуществимое. Эта задача нам по плечу.

Реконструкция значит переделка. Природа и время сделали Волгу такой, какая она сейчас. Нам такая река не годится, и мы переделываем ее по-своему.

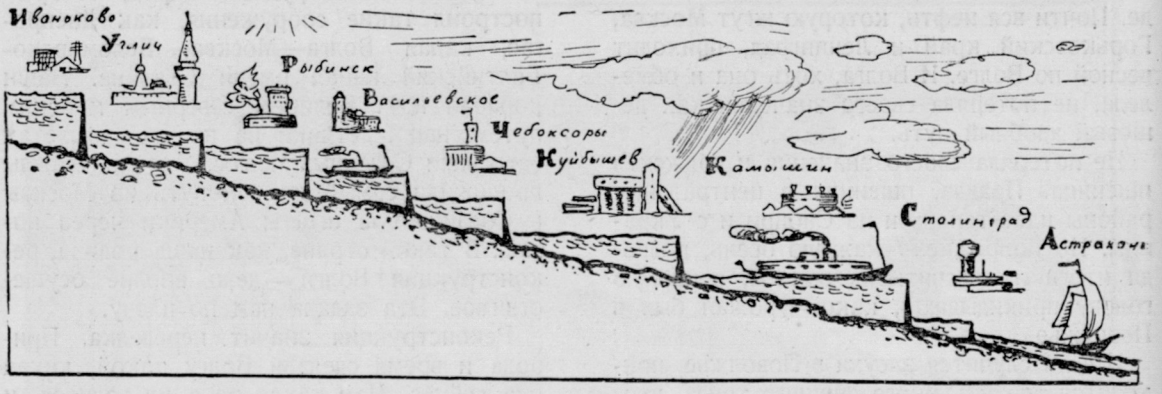
Чтобы взяться за это дело, нужно много смелости, но одной смелости здесь не хватит. Нужно вложить в переделку Волги немало знаний и труда.

Поэтому прежде, чем решиться на переделку Волги, ее много раз измерили, проверили, ощупали и осмотрели ее дно и берега, заложили глубокие скважины и шахты, чтобы посмотреть, нет ли там, внизу, под Волгой, подземных пещер или песков-плывунов. Прикидывали и примеряли и так и этак, спорили, обсуждали и, наконец, наметили генеральный план реконструкции Волги.

На первый взгляд этот план очень прост: Волга мелка, — значит, нужно поднять воду в ней плотинами. И вот, по плану реконструкции Волги, строятся 8 плотин: Иваньковская — она уже построена, это часть канала Волга—Москва; Угличская — она строится, это небольшая плотина; Рыбинская — ее тоже уже начали строить; а дальше идут большие плотины: Васильевская, Чебоксарская, Куйбышевская, Камышинская и Сталинградская.

Но одни плотины не решают задачи. Плотины и шлюзы—дорогие сооружения, и, пожалуй, проще и дешевле обойдется возить хлеб и нефть на волах, чем поставить 8 огромных плотин только для того, чтобы поднять воду на Волге. Но вот если использовать силу этой воды, построить электростанции на плотинах,— тогда другое дело. Только 2 из этих плотин: Куйбышевская и Камышинская — могут дать 20 миллиардов киловаттчасов электрической энергии в год. Это много, это втрое больше того, что дадут в последний год второй пятилетки все гидростанции Союза.

Сначала будет строиться Куйбышевский узел на Самарской луке. Волга подходит



8 огромных плотин подопрут волжскую воду. На Волге забудут про мели и засухи. Сила волжской воды даст ток в города, на поля и заводы.

к ней с севера, потом круто сворачивает на восток, проходит мимо города Куйбышева, снова круто заворачивает на запад, потом снова на юг. Получается большая, почти в 160 километров, петля, которая сразу бросается в глаза, когда смотришь на карту Волги. Так и хочется взять карандаш и подправить Волгу в этом месте: отрезать петлю и сократить водный путь со 160 километров на 25. Оказывается, что внести эту поправку в карту Волги проще, чем кажется на первый взгляд. На большой карте этого не разглядишь, но если взять карту с крупным масштабом, тогда видно, что там, где начинается Самарская лука, навстречу Волге с юга на север течет маленькая речка Уса. Уса промыла глубокую выемку между концами Самарской луки, и разделяет их только узенький перешеек в 2 километра. Правда, этот перешеек высоким горбом встал между концами Самарской луки, здесь почти гора, но после того как наши инженеры справились с Беломорско-Балтийским каналом имени Сталина и с каналом Волга — Москва, 2 километра, даже сквозь гору, — не такое уж трудное дело.

Но Самарская лука замечательна и в другом отношении. Как раз здесь, к югу от Самарской луки, начинаются засушливые места. Здесь замечательная черноземная почва и... самые неверные урожаи. Агрономы давно знают это...

Но и это — еще не все. Тут же, на Самарской луке, в 30 километрах вверх от города Куйбышева, стоят знаменитые Жигулевские горы. Тысячи туристов каждый год приезжают сюда, и, когда пароход проходит мимо Царева кургана, пассажиры высыпают на палубу и долго смотрят, запрокинув головы, на обросшие соснами верхушки Жигулевских гор. Говорят, что это — самое красивое место на Волге. Но на Жигулевские горы можно возложить задачу поважнее чем украшенье Волги. Мощными глыбами известняка, твердого как мрамор, они подпирают широкую реку, и если перегородить ее здесь плотиной, воде некуда будет уйти.

А тогда можно будет направить и превратить ее в электроэнергию и заставить электрические насосы поднимать воду и орошать засушливые районы.

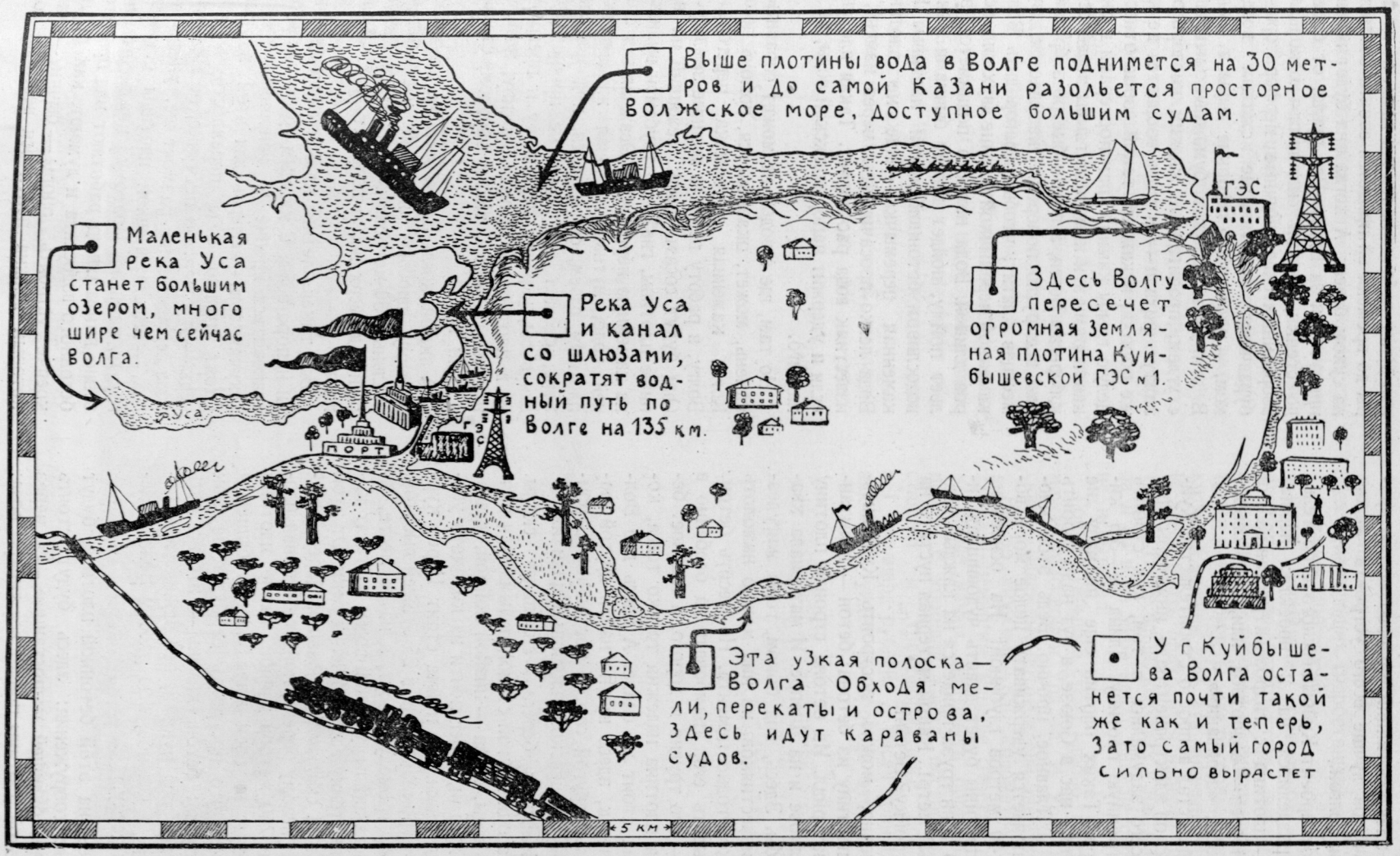
Воды хватит, чтобы спасти от засухи огромную площадь. Хватит и энергии на это дело. И не только хватит, а еще останется столько, что не сразу придумаешь, куда девать эту энергию.

И вот тут оказывается, что Самарская лука замечательна и еще в одном отношении. Она лежит как раз между Москвой и Уралом. Что, если построить электропередачу и избыток энергии передать в Москву и на Урал?

Но если построить эту плотину, тогда встает новая задача. Правда, река от плотины и до самой Казани станет глубже, и мели уже не будут мешать пароходам, но как пропустить караваны судов сквозь плотину? Можно построить шлюзы. Но не так-то просто прокопать каналы для шлюзов в Жигулевских горах. Нужно что-то придумать. Тут и пригодилась Самарская лука.

Еще раз проверили все расчеты, сняли точные карты Самарской луки, и на этих картах наметился первый черновой план строительства.

По этому плану, в Жигулях надо ставить плотину и поднять Волгу на 30 метров. Здесь же нужно строить, по крайней мере,



Так будет выглядеть карта Самарской луки после окончания строительства Куйбышевского гидроэнергетического узла.

часть электростанции. А шлюзы для пропуска судов лучше всего устроить между Усой и Волгой.

И вот проект Куйбышевского строительства разделился на 2 проекта: первый узел — плотина с гидроэлектростанцией и второй узел — водоотвод, или, как говорят инженеры, «деривация».

Когда встал вопрос о строительстве Куйбышевской электроцентрали, инженеры прежде всего задумались о том, как строить эту огромную плотину. Длина ее—3,5 километра. Таких плотин еще ни разу не строили у нас в Союзе, а тут надо строить скоро и, главное, прочно. Ведь этой плотине придется удерживать целое море воды в 40 метров глубиной! На основание этой плотины будет давить чудовищная сила: 40 тонн груза придется на каждый квадратный метр!.. Какой материал пустить на эту стройку? Бетон?

Конечно, можно построить Куйбышевскую плотину из бетона: бетон — испытанный материал. Из бетона строили плотину на Волхове и на Днепре. И материала хватило бы. Здесь, под боком, горы жигулевских известняков, из них можно намолоть сколько угодно цемента. Но месить бетон, укладывать его, трамбовать да особенно в воде — это трудно и дорого, а главное: бетонная плотина надежна только тогда, когда она стоит на скале. А здесь дно Волги — песок, здесь нужно найти другой материал и другой способ постройки. Строители Куйбышевской плотины нашли их.

В Жигулях берега — сплошные скалы. Справа они крутой стеной подымаются прямо из воды, слева — низкой поймой, заливными лугами, берег почти на километр убегает от реки. На пойме стоит Царев курган — огромная скала в 25 этажей высотой. Всю эту громаду снесут, а на ее месте, на остатках скалы, у самой воды, поставят каменную стенку вдоль течения реки. От этой стенки на скальном основании Царева кургана, к левому берегу, пойдет бетонная плотина в 760 метров длиной. Такие плотины наперечет во всем мире, но куйбышевцы считают, что построить ее будет не так уж трудно: бетон, камень — это все есть на месте, под руками, основание здесь надежное, а главное, всю работу можно сделать посуху.

Здесь, на этой бетонной плотине, будут главные сооружения: здесь будут стоять турбины будущей гидростанции, — а через верх этой плотины пойдет вся лишняя вода: это будет рабочая часть плотины; но до поры до времени ей придется стоять без дела, на сухом берегу. А когда она будет готова, примутся и за Волгу. Все русло, от берега до стенки, завалят камнями — осколками взорванных скал. Ручные перфораторы — буравчики, работающие сжатым воздухом, — просверлят глубокие дыры в скале. В эти дыры заложат бумажные мешочки с углем, пропитанные жидким кислородом, зажгут фитили — и уголь взорвется не хуже пороха, и каждый такой взрыв отнесет целую глыбу камня. Транспортерами и экскаваторами эти каменные глыбы перебросят к берегам Волги, а потом быстро забросают ими все русло поперек. Оказывается, двух месяцев хватит, чтобы перегородить Волгу каменной перемычкой больше двух километров длиной. Вода немного поднимется, зальет пойму, пойдет между бычками и над водосливом бетонной части плотины. Но каменная перемычка — еще не плотина. Вода легко просачивается через камень, а известняк вода растворяет. Такая плотина, если и удержит напор волжской воды, то не надолго.

Но там, где с водой не может справиться камень, может, оказывается, помочь песок. Когда каменная перемычка перегородит Волгу, в работу вступят мощные землесосы. Они будут сосать песок, лежащий на дне, ниже плотины, гнать по трубам и выливать на каменную перемычку. Осаждаясь в стоячей воде, мутная песчаная жижа ляжет плотным слоем, спрессуется, подопрет камень, сделает его почти не проницаемым для воды, укрепит перемычку и превратит ее в плотину. Огромную плотину, невиданную по размерам, таким образом, сделают в один год.

А зимой, когда Волга встанет, сквозь всю плотину пробьют плотный частокол из стальных 30-метровых балок, а на следующий год сверх песка положат толстый слой глины.

Вот такая плотина не боится ни времени, ни напора воды. С каждым годом она будет становиться крепче и непроницаемее, но текучая вода — смерть для этой плотины. Стоит только воде перехлестнуть через верх — и конец: по песчинке, по горсточке вода моментально размоет ее, унесет песок, — вместо мощной плотины останется груда камней. Поэтому инженеры особенно внимательно работают над проектом бетонного водослива и думают, как бы покрепче устроить опоры — бычки, — мимо которых должна пойти вся весенняя вода

вместе со льдом и пройти так, чтобы не подняться выше опасного уровня.

А ведь нужно еще подумать и о том, где ставить турбины и машины электростанции. На других станциях, там для рабочей воды строят специальные водоотводные каналы и тоннели, и в них устанавливают турбины. А здесь и турбины слишком велики и много их. Чтобы сделать так, как на других станциях, чтобы отвести в сторону всю воду, нужную для работы этих турбин, пришлось бы взорвать слишком много скал на берегу.

Куйбышевские строители и тут нашли замечательный выход. Турбины они решили поставить внутри бычков водослива, а наверху, на бычках, на одном валу с турбинами, поставить гигантские динамомашины.

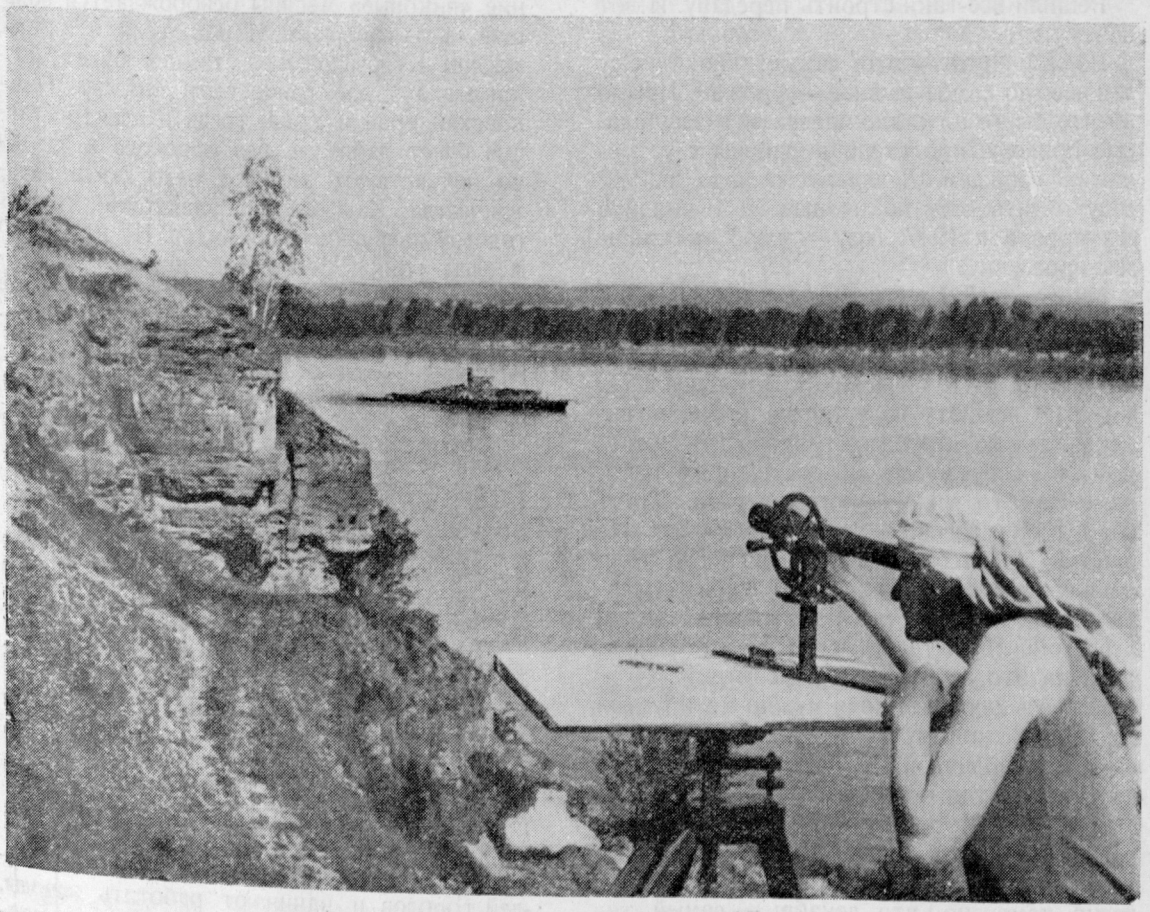
Так у нас в СССР еще ни разу не делали, и машин таких больших, какие будут стоять в бычках Куйбышевской плотины, еще нигде не строили.

Мощность каждой из этих машин — 100 тысяч киловатт, всех вместе — 21,5 миллиона киловатт. А сейчас мощность всех действующих гидростанций в СССР — 1 миллион 200 тысяч.

Пока строители испытывают образцы плотины, пока конструкторы думают, как лучше сделать турбины и генераторы, электрики и экономисты уже распределяют ток, который должны дать эти мощные турбины. И здесь опять приходится наперед рассчитывать такие вещи, которых у нас в СССР, да и во всем мире никто еще не строил и не испытывал.

Город Куйбышев стоит удобно, посредине между Москвой и Уралом. И Урал и Москва — надежные потребители энергии.

Но до Москвы — 850 километров и до Урала — немногим меньше. Поставить 30-метровые мачты, протянуть провода толщиной с хороший канат, построить подстанции и трансформаторы обойдется в 1 миллиард рублей. 7 тысяч тонн одного алюминия уйдет на провода этой небыва-

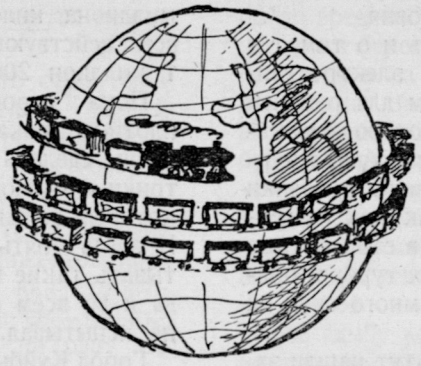


На склонах Жигулевских гор работают геодезисты-разведчики. Они обмеряют и наносят на карту мощные скалы, из которых будет строиться плотина.

лой проводки, 110 тысяч тонн железа и стали пойдет на мачты. Чтобы энергия не растрачивалась по дороге, надо дать на эту линию напряжение в 300 тысяч вольт.

А еще не известно, как будет вести себя такой ток.

Может быть, отказаться от этого дела? Использовать пока ту энергию, которую могут поглотить город Куйбышев и близлежащие районы, а тем временем построить тут химические или алюминиевые заводы? Алюминий—замечательный материал, сырье для него есть везде: это глина. Чтобы добыть из нее металл, нужен только ток, а постройка алюминиевых заводов обойдется не дороже линии электропередачи.



Если всю землю и скалы для Куйбышевского строительства погрузить в вагоны, то получится поезд длиной почти в три экватора.

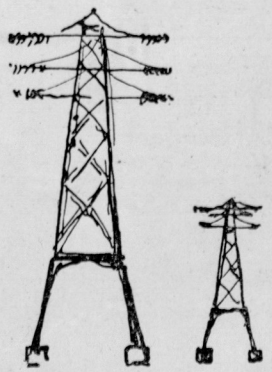
Решили все-таки строить передачу. И вот почему.

Водный путь — это важно. Ток — еще важнее, но самое важное — урожай. Нужно во что бы то ни стало превратить засушливые приволжские степи в районы с устойчивым урожаем. А для этого надо к 1943 году подать воду на площадь в 1 миллион гектаров, а к 1947 году — на 3 миллиона гектаров.

Много это? Порядочно. Вся Бельгия целиком занимает как раз такую площадь. Что бы оросить всю эту землю, нужно истратить 14 кубических километров воды в год. И всю эту воду нужно поднять, перекачать по трубам, перебросить через горы и распределить по засушливым районам. На это уйдет много энергии. Треть силы Куйбышевской станции сожрет эта работа. Но зато это даст 2 миллиона тонн лишней пшеницы. Из-за этого стоит постараться. Это как ни как больше тысячи стовагонных составов зерна. Стоит затратить на это даровую силу Волги.

Но ведь орошать поля нужно не круглый год. Зимой никому не придет в голову заниматься поливкой. Но зато зимой, когда наступают короткие темные дни, когда на Урале и в Москве стоят холода, заводы тратят особенно много электроэнергии. Во всем электрохозяйстве Советского союза давно замечено, что декабрь — самый тяжелый для электростанций месяц. Если вычертить график расхода энергии по месяцам (изобразить этот расход линией), в декабре эта линия сделает резкий скачок вверх. На графике в этом месте получится крутая гора, которая высоко поднимается над остальными месяцами.

Вершины гор называются пиками. Инженеры-электрики также называют декабрь месяцем «пик». И вот что хуже всего: из-за одного декабрьского «пика» приходится увеличивать мощность станций. Другой раз всего на несколько дней, на пятидневку нужна добавочная энергия — призанять бы ее у соседа, но и у соседа в это время как раз нехватка, и приходится ставить лишние машины, которые потом по целому году стоят без дела. А на Куйбышевской станции как раз наоборот: в зимние «пиковые» месяцы освобождается большая часть энергии. И вот, если в зимние месяцы Куйбышевская станция будет подкармливать электричеством Москву, Горьковский край и Урал, тогда и электростанция будет работать без простоев и заводы не почувствуют зимнего недостатка электричества. Как говорят электрики, график годовой нагрузки выпрямится. Но не только месяцы «пик» беспокоят инженеров-электриков: есть еще часы «пик». На каждые сутки приходится 2 таких «пика»: первый—



Мачта будущей электропередачи рядом с мачтой Шатурской ГЭС, которая дает ток в Москву.

утром, когда просыпаются миллионы жителей городов и начинают работать заводы, и второй — вечером, когда наступает темнота.

С этими суточными «пиками» пытаются

бороться. Изобрели для этого много разных способов, но пока все это помогало плохо.

Оказывается, что с устройством Куйбышевской электропередачи выпрямляется суточный график в Москве и на Урале. Летом ничего не стоит подправить его, включая и выключая системы орошения: ведь воду можно качать в любое время, и днем и ночью! А зимой на помощь дежурному инженеру Куйбышевского узла придут астрономия и география.

Ведь земля вертится, и день бежит вокруг земного шара со страшной скоростью. Вот солнце показалось над горизонтом в Свердловске, через час оно уже в городе Горьком, а еще через час — в Москве. Ни на поезде, ни на самолете день не догонишь, а электричество без труда обгоняет его. И когда линии Куйбышевской электропередачи вступят в работу и свяжут Свердловск с Москвой, будет так.

Вот Свердловск просыпается. Нарастает свердловский «пик», но это нестрашно: ток с Волги уже работает в свердловских проводах, гонит по городу тяжело нагруженные трамваи, раскручивает простоявшие всю ночь станки. Проходит минут 40, час — нагрузка падает, жизнь в Свердловске входит в норму, в норму входит и нагрузка электростанций... Куйбышевский ток освобождается, а в это время уже просыпается Москва. В сотнях тысяч квартир сразу загораются лампы; трамваи, троллейбусы и метро работают изо всех сил; освещаются полным светом цеха заводов... Угрожающе растет московский «пик». Но тут одним поворотом рычага дежурный инженер Куйбышевской передачи посылает ток в Москву...

Все это вместе сулит такие выгоды, что стоит, оказывается, бросить на электропередачу лишний миллиард, потратить тысячи тонн металла, потратить время и труд на постройку этой линии. Но, прежде чем строить, надо до конца проверить весь проект и испытать в лабораториях машины, приборы и аппараты, которым придется работать на этой линии.

Сейчас испытания только начались, но специалисты с уверенностью говорят, что ток с Волги можно подать и в Москву и в Свердловск.

Закончены и экономические расчеты. Оказывается, та энергия, которой Куйбышевский узел будет подкармливать Горьковский край, Москву и Урал, оправдает и постройку и эксплоатацию всего гидроузла на Самарской луке.

Если землю для плотины вынуть из одного места, то можно прорыть в земном шаре коридор в квадратный метр.

Но ведь Куйбышевский узел даст не только ток: он спасет от засухи урожаи в Поволжье. Но и это — еще не все: спрямление Самарской луки тоже кое-что даст.

От Астрахани до Козьмодемьяновска, на самом бойком волжском плесе, матросы уже не будут макать за бортом полосатые шесты. На перекатах будет 3,5 метра глубины, а этого за глаза хватит, чтобы прошел любой речной пароход. 200 километров пути сэкономит каждый пароход, срезав Самарскую луку и все те извилины фарватера, которые теперь с таким трудом отыскивают лоцманы.

Во всем мире немного сооружений, которые сравнялись бы с Куйбышевским строительством по об'ему работ.

Чтобы построить Куйбышевский узел, надо проделать огромную работу, в 10 раз больше той, что проделана на Днепрострое и в 2 раза больше чем на канале Волга—Москва.

Когда строился Днепрогэс, вся страна с волнением следила за этой удивительной стройкой. Целая армия рабочих, инженеров и техников заселила Запорожье. За сотни километров от стройки слышался гул взрывов...

Теперь пришла очередь Волги. Тихая Самарская лука скоро загремит по всему Союзу, прославится на весь мир и войдет в историю как одно из величайших сооружений человечества.

Но и эта огромная стройка — только звено в цепи великих работ, поставленных партией и правительством в плане третьей пятилетки.

Пожар Москвы

(1812 год)

В. Сафонов

Это было 125 лет назад, во время Отечественной войны. Москва, захваченная французами, горела больше 5 дней. Уже 2 сентября, когда враг подступал к столице, дымки стали кое-где пробиваться сквозь крыши опустелых домов, оставленных жителями.

Но тогда, любуясь с Поклонной горы огромным, пестрым, сиявшим на солнце городом, Наполеон не заметил этого. Красота Москвы показалась ему, всесветному завоевателю, и его маршалам сказочной. Так вот он, этот город, сердце России! Наконец он у его ног.

Он был уверен, что теперь-то у его ног будет и вся огромная Россия, сломленная и порабощенная. Странная и страшная кампания 1812 года все-таки закончится победоносным миром...

Русские отступали. Наполеон трубил о победах. Но побед не было. «Великая армия», согнанная со всех концов Европы, таяла. Необозримая равнина России всасывала и распыляла ее. В страшном побоище у Бородина, битве, где «было проявлено больше всего доблести и достигнуты наименьшие успехи» (так говорил о ней Наполеон), легло пятьдесят тысяч его солдат.

И вот последнее и невероятное: наконец, он в Москве — но Москва пуста! Не только ушла, ускользнула русская армия: не захотели оставаться с врагом и жители. Улицы будто вымершие. Заколоченные окна. Мертвая тишина во всем широко раскинутом, еще вчера полном людей городе. Только гулкое эхо от цокота копыт французской кавалерии...

И почти сразу город запылал. Вспыхнули москательные ряды, Гостиный и Каретный ряды. Утром 3 сентября огромный Гостиный двор между Варваркой и Ильинкой полыхал как исполинская печь. Оглушительно взрывались бочки спирта на винных складах. Северный ветер 4 сентября погнал пламя с дома на дом.

И борьба с огнем в брошенном деревянном городе стала немыслимой. Армия, голодная, измученная, дорвавшаяся до жилья, до разбитых винных бочек, до оставленного имущества тысяч жителей, все больше превращалась в пьяную толпу грабителей.

То, что изображено на картине Верещагина, происходило в один из этих дней начала сентября 1812 года. Наполеон метался по Кремлю как пойманный зверь. Бушующий океан огня штурмовал Кремль. Это был пожар, неслыханный в истории. Французский писатель Стендаль, бывший в Москве с армией Наполеона, рассказывает, что пламя горящего города гигантской пирамидой подымалось до самого неба. За сто верст, из Венева, видели зарево. Дождь головешек сыпался на Кремль. Крыши раскалились. Во дворцах ночью было светло, как днем.

В своем обычном простом зеленоватом мундире гвардейских егерей, в сопровождении раззолоченной толпы перепуганных маршалов и принцев Наполеон обходил кремлевские стены. Его волосы и одежда были обожжены. Он, вспоминает генерал Сегюр, был «мрачен как туча». «Какие люди! — восклицал он. — Это они сами! Это скифы».

Но дело было не в том, кто поджег Москву и были вообще или нет сознательные поджоги. Пустая деревянная Москва, в которой тысячи солдат разводили костры, грабили дома и винные магазины, не могла не загореться. И, осажденный огнем, Наполеон почувствовал глухую и грозную враждебную силу всей русской земли, среди которой он затерялся со своей армией, — понял на вершине своего могущества, что Москва несет ему не победоносный мир, а гибель.

Ведь он пришел не как освободитель русского народа, русских крестьян от ига царской и помещичьей власти: он пришел поработить, уничтожить Россию, наложить на нее вдвойне тягостное, ненавистное чужеземное иго. И весь русский народ сплотился в борьбе за свою независимость.

Маршалы на коленях умоляли его спасаться из Кремля. С упрямством отчаяния он отказывался до тех пор, пока не раздался крик: «Огонь в Кремле!» Тогда он бежал под Москву.

Только ливень 8 сентября залил огонь.

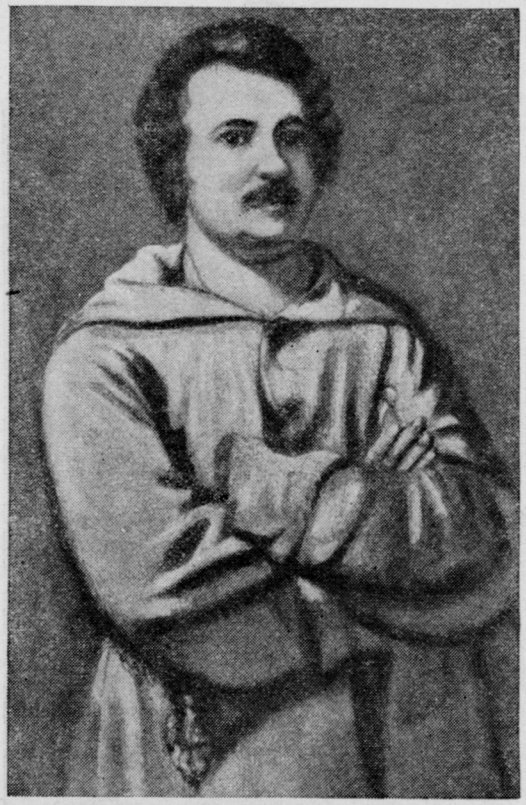
Еще месяц, отчаянно цепляясь за последнюю надежду, тщетно ждал Наполеон в выгоревшей Москве «мира».

Затем он приказал отступать. Его армия, по словам Толстого в «Войне и мире», стала «толпой мародеров, из которых каждый вез или нес с собой кучу вещей». Все быстрее покатилась она назад, по старой голодной, разоренной смоленской дороге, уничтожаемая русской армией, казаками, партизанами, морозами.

В Сморгони Наполеон бросил остатки своих полков и ускакал в Париж. Только 18 тысяч добежали до прусской границы из 533 тысяч, перешедших в июне через Неман.

Во время московского пожара сгорело 7632 дома (а всех было меньше 10 тысяч). В огне погибло много ценных старинных памятников, в том числе единственный старый список замечательного произведения древнерусской литературы «Слово о полку Игореве».

Пожар в Кремле. *С картины В. Верещагина.*



Онорэ Бальзак

Среди огромного количества книг, написанных замечательным французским писателем Онорэ Бальзаком, немного найдется таких, которые могут быть чтением для ребят даже старшего возраста. Поэтому мы особенно рады, что нашли среди малоизвестных в нашей стране произведений Бальзака одно, которое может дать нашим читателям некоторое представление об этом великом писателе. Прочитайте этот рассказ.

В книгах Бальзака описана вся эпоха, в которой он жил. Они написаны с такой силой, с таким уменьем, с такой страстью, что, читая их, становишься живым свидетелем этой эпохи, наблюдателем самых сложных душевных переживаний современников Бальзака. Он прекрасно знал мир капитализма, и все его книги — это одна разнообразная, как сама жизнь, беспощадно правдивая и увлекательная книга о жизни людей в капиталистическом обществе. Там есть все: скупцы, умирающие на своем богатстве, разбойники, которые становятся префектами полиции, мужчины и женщины, которые идут на любые преступления ради тех, кого они любят. Там есть и разоряющиеся аристократы, и банкиры, в кулаке у которых десятки тысяч людей, и республиканские герои.

Маркс ставил Бальзака наряду с автором «Дон-Кихота» Сервантесом выше всех писателей-романистов, которых он знал.

Рассказ «Березина» описывает время для Бальзака историческое. В нынешнем году мы отмечаем 125-летнюю годовщину изгнания Наполеона из Москвы. Бальзаку в то время было всего 13 лет. Он родился в 1799 и умер в 1850 году.

Березина

О. Бальзак

Перевод С. Ильина *Рис. В. Чернецова*

Около 9 часов вечера 28 декабря 1812 года маршал Виктор покинул высоты Студянки, которые он защищал в течение всего этого дня. Он оставил отряд из тысячи бойцов, обязав их до последней минуты защищать единственный уцелевший мост через Березину из тех двух, которые были наведены. Этот отряд делал самоотверженные усилия спасти огромное количество отставших солдат. Солдаты эти, окоченевшие от холода, упорно отказывались оставить брошенные армией повозки. Героизм доблестного арьергарда оказался бесполезным.

Отставшие от армии солдаты, массами стекавшиеся к берегам Березины, к несчастью, нашли там множество карет, артиллерийских повозок и разнообразной мебели, брошенной армией при переходе через реку 27 и 28 ноября. Несчастные, отупевшие от холода солдаты, оказавшись владельцами неожиданных богатств, поселялись в опустевших биваках. Вместо того чтобы продолжать свой путь и под прикрытием ночи спокойно перейти Березину, они ломали войсковое имущество и строили из обломков бараки. Они употребляли на топливо все, что попадалось под руку, разрубали на части лошадей и поедали их, выдирали сукно и холст из карет и, закутавшись в это тряпье, укладывались спать.

Апатию, овладевшую несчастными солдатами, могут понять лишь те, у кого в памяти еще сохранился переход через бесконечные снежные пустыни России: не видя ничего, кроме снежного горизонта, не имея другого питья, кроме снега, другой постели, кроме снега, другой пищи, кроме снега или нескольких мерзлых свекловиц, нескольких горстей муки или кусков конины, умирая от голода, жажды, усталости и недосыпания, бедняги добирались до берега и вдруг, неожиданно находили там дрова, костры, провиант, колоссальное количество брошенных повозок, бивачные постройки — целый внезапно создавшийся город.

Деревня Студянка была совершенно разрушена и по частям перенесена с воз-

вышенности на равнину. И каким бы жалким и ненадежным ни казался этот город, он, несмотря на свое убожество и таившуюся в нем опасность, притягивал к себе людей, не видевших перед собой ничего, кроме ужасных русских пустынь. В конце концов это было все же просторное убежище, созданное в течение двадцати часов.

С одной стороны, полное изнеможение, с другой — ощущение неожиданного благополучия отгоняли от этих несчастных всякую мысль, кроме мысли об отдыхе.

Артиллерия левого фланга русских непрерывно обстреливала эту массу людей, которая выделялась на снегу как большое пятно, то черное, то мерцающее огнями. Но отупевшей толпе этот безостановочный обстрел казался только лишним неудобством. Это было похоже на грозу, молнии которой, поражая то здесь, то там больных, умирающих и уже мертвых, не вызывали к себе внимания. То и дело подходили все новые партии отставших. Эти живые мертвецы разбредались в разные стороны и шли от одного костра к другому, выпрашивая себе местечко. Чаще всего их прогоняли, и тогда они снова соединялись и силой добивались гостеприимства, в котором им было отказано.

Они были глухи к уговорам некоторых офицеров, предсказывающих им на завтра же смерть. Они тратили последний запас энергии, необходимый для переправы через реку, устраивая себе приют на одну ночь и готовя обед, часто приносящий им гибель. Грозившая смерть не казалась им несчастьем. Несчастьем называли они только голод, жажду и холод. Когда больше уже не было ни топлива, ни огня, ни тряпья, ни крова, начинались ожесточенные схватки между нищими, приходящими вновь, и богачами, имевшими жилье. Более слабые погибали. Наконец, настал момент, когда у людей, гонимых русскими, не было никакого пристанища, кроме снега, и они ложились прямо на него, чтобы уж больше не вставать.

Мало-помалу эта масса еле живых людей стала настолько плотной, настолько бесчувственной и отупевшей—может быть, в этом было их счастье,— что маршал Виктор, который раньше был их героическим защитником, вынужден был, уступая натиску двадцати тысяч русских под начальством Витгенштейна, силой пробить проход сквозь эту человеческую чашу. Ему необходимо было переправить через Березину пятитысячный отряд храбрецов, которых он вел к императору. И эти несчастные, чтобы только не трогаться с места, позволяли себя давить и молча погибали.

●

Только к 10 часам вечера герцог Беллунский был на другой стороне реки. Направляясь к мостам, ведущим на Зембин, он доверил судьбу арьергарда Студянки Эбле, этому спасителю всех переживших катастрофу Березины. Около полуночи этот доблестный генерал в сопровождении своего ад'ютанта вышел из маленькой хижины возле моста и стал внимательно рассматривать картину, которую представлял лагерь между берегом Березины и дорогой из Борисова в Студянку. Русских пушек не было слышно. Бесчисленные огни, которые посреди этих снежных сугробов бледнели и, казалось, не давали света, то здесь, то там освещали фигуры, в которых не было ничего человеческого. Среди этих несчастных — их было около тридцати тысяч — находились представители всех наций, брошенных на Россию Наполеоном, играющим их жизнью с полным равнодушием.

— Спасем все это,— сказал генерал офицеру.— Завтра утром русские будут хозяевами Студянки. Нужно сжечь мост, как только они появятся. Итак, мой друг, смелей! Пробей себе дорогу наверх. Скажи генералу Фурнье, что у него едва хватит времени, чтоб очистить позицию, пробраться сквозь эту толпу и перейти мост. Когда он тронется, ты последуешь за ним, возьмешь несколько здоровых солдат и без жалости сожжешь биваки, повозки, тележки, кареты — все! Гони весь этот народ на мост. Пусть все, у кого целы ноги, переходят на другой берег. Пожар — теперь для нас единственное средство спасения. Если бы маршал Бертье позволил мне уничтожить эти проклятые повозки, река не поглотила бы никого, кроме моих бедных саперов, эту полсотню молодцов, которые спасли армию и которых все забудут.

Генерал поднес руку ко лбу и замолчал. Он чувствовал, что Польша будет его могилой и что никто не скажет доброго слова об этих героях, которые погрузились в воду — в воду Березины! — чтобы укрепить подпорки для мостов.

Только один из них еще живет или, вернее, страдает в захолустье, никому неизвестный.

Ад'ютант отправился в путь. Но не успел этот храбрец пройти сотни шагов по направлению к Студянке, как генерал Эбле разбудил нескольких из своих измученных саперов и принялся за свое спасительное дело, поджигая биваки, расположенные около моста. Только так можно было заставить сонных людей переходить Березину. Тем временем молодой ад'ютант не без труда добрался до единственного деревянного строения, еще уцелевшего в Студянке.

— Этот барак, верно, переполнен, товарищ? — спросил он у человека, которого он заметил около дома.

— Если вам удастся туда попасть, значит, вы ловкий солдат,— отвечал тот, не поворачиваясь и продолжая саблей стесывать со стены куски дерева.

— Это вы, Филипп? — сказал ад'ютант, по звуку голоса узнавая одного из своих друзей.

— Да. Ах, это ты, старина! — отвечал господин де Сюси, вглядываясь в ад'ютанта. Обоим друзьям было всего по двадцать три года.— Я думал, что ты на другой стороне реки. Ну что же, ты принес нам пирожков и варенья на десерт? Тебя хорошо примут,— прибавил он, кончая счищать кору с дерева: она служила кормом для его лошади.

— Мне нужен ваш командир. Генерал Эбле просит его поскорее отправиться в Зембин. Вы едва успеете пробиться через эту массу трупов. Я сейчас подложу под них огонь, чтобы заставить их двинуться.

— А я должен спасти двух друзей! Ах, без них, старина, меня бы уже и в живых не было. Ведь только ради них я забочусь о своей лошади и не с'ел ее до сих пор. Послушай, нет ли у тебя корки хлеба? Уже тридцать часов, как я ничего не клал в желудок. Я дрался как бешеный, чтобы сохранить небольшой запас тепла и бодрости.

— Бедняга Филипп! У меня ведь ни-

— Завтра утром русские будут хозяевами Студянки.

чего нет. Буквально ничего. Ну, а генерал ваш здесь?

— И не пробуй сюда соваться. Эта рига полна ранеными. Подымись еще выше. Увидишь справа нечто вроде свинарника — генерал там. Прощай, дружище. Если мы когда-нибудь будем танцовать на парижском паркете...

Он не докончил. В этот момент налетел такой сильный порыв ледяного ветра, что ад'ютант быстро зашагал, чтобы не замерзнуть, а губы майора Филиппа застыли на полуслове. Вскоре снова стало тихо. Тишина эта нарушалась лишь стонами, раздававшимися из дому, да звуками, которые производила лошадь господина де Сюси, яростно жующая с голоду обледенелую кору. Майор вложил саблю в ножны и быстро схватил за повод свою драгоценную лошадь, которую ему удалось уберечь. Несмотря на ее сопротивление, он оторвал ее от жалкого корма, казавшегося ей лакомством.

— В путь, Бишетта! В путь! Ведь только ты, моя красавица, можешь спасти Стефанию. Зато после нам будет позволено отдохнуть, или, вернее, умереть.

Филипп, закутавшись в шубу, которая поддерживала в нем жизнь и силы, пустился бежать, с силой отбивая шаги на затвердевшем снегу, чтобы сохранить тепло. Майор не отошел и пятиста шагов, как заметил большой костер на том месте, где он с утра оставил свою карету под охраной старого солдата. Ужасное беспокойство охватило его. В течение всего этого беспорядочного бегства он жил под властью сильного чувства. Чтобы спасти своих друзей, он нашел в себе силы, которых у него недостало бы для спасения самого себя. Вскоре он очутился в нескольких шагах от расщелины, защищенной от ядер, в глубине которой он оставил молодую женщину, свою подругу детства, свое самое дорогое сокровище.

В нескольких шагах от кареты, вокруг огромного костра, сидело человек тридцать отставших солдат. Они поддерживали огонь, бросая в костер доски, колеса, крышки зарядных ящиков, стенки карет. Эти солдаты, без сомнения, пришли последними.

Главная же масса, начиная с широкого оврага в нижней части Студянки и кончая берегом роковой реки, образовала океан голов, огней и бараков. Это живое море почти незаметно волновалось, и из него вырывался гул, к которому иногда примешивались отчаянные вопли.

Толкаемые голодом и отчаянием, эти несчастные, вероятно, силой завладели каретой. Старый генерал и молодая женщина, которые приютились там на груде вещей, завернувшись в плащи и шубы, теперь, скорчившись, лежали перед огнем. Одна из дверок кареты была разломана. Как только люди, расположившиеся вокруг костра, услышали шаги майора и звук лошадиных копыт, среди них поднялся вызванный голодом бешеный крик: «Лошадь! Лошадь!»

Все голоса слились в один.

— Прочь! Берегись! — закричали два или три солдата, прицеливаясь в лошадь.

Филипп встал перед своей кобылой.

— Негодяи! — крикнул он.— Я всех вас пошвыряю в костер. Там наверху есть павшие лошади. Их и берите.

— Что за шутник этот офицер! — заорал гренадер громадного роста.— Ну, раз... два... уберешься ли ты? Нет! Ну тогда, как хочешь.

Крик женщины заглушил звук выстрела. Филипп, к счастью, не был задет, но раненая Бишетта боролась со смертью. Трое солдат бросились к ней и прикончили ее ударами штыков...

— Живодеры!—в отчаянии воскликнул Филипп.— Отдайте хоть одеяло и пистолеты.

— Пистолеты бери,— сказал гренадер.— А насчет одеяла... тут вот есть пехотинец, который уже два дня ничего не ел. Он дрожит от стужи в своих лохмотьях. Это наш генерал...

Филипп замолчал. Он увидел человека, в истрепанной обуви и изодранных в десяти местах панталонах. На голове у него было какое-то подобие шапки, покрытое инеем. Майор поспешно забрал свои пистолеты. Пять человек притащили кобылу к костру и принялись разрубать ее на куски с ловкостью парижских мясников. Куски конины ловко подхватывались и бросались на угли. Майор направился к женщине, которая, узнав его, в ужасе вскрикнула. Она неподвижно сидела на каретной подушке и грелась у огня; она молча, без улыбки посмотрела на Филиппа. Майор заметил около нее солдата, которому он доверил карету. Бедняга был ранен. Подавленный численностью нападавших, он должен был им уступить. Но он уступил

как собака, которая до последней минуты охраняет обед своего хозяина. Он взял свою часть добычи и сделал себе нечто вроде плаща из белого сукна. В эту минуту он был занят тем, что поворачивал на углях кусок конины, и майор видел на его лице блаженство от предвкушения пиршества. Граф Вандьер, который уже три дня как бы впал в детство, прикурнул на подушке около жены и смотрел неподвижным взглядом на огонь. Тепло начинало выводить его из оцепенения. Появление Филиппа и опасность, которой тот подвергался, взволновали его меньше чем разграбление кареты.

Де Сюси сжал руку молодой графини. В этом пожатии он выразил всю свою преданность ей и горе, охватившее его при виде ее бедственного положения. Он молча остался около нее на груде снега, которая таяла ручейками, и поддался блаженному ощущению тепла, забыв об опасности, забыв обо всем. Его лицо невольно приняло выражение тупого довольства, и он с нетерпением ожидал, когда поджарится кусок конины, который он дал своему солдату. Запах подгоревшего мяса еще больше раздражал его апетит, и голод заставлял смолкнуть и его сердце и его отвагу.

Он без гнева смотрел на разграбленную карету. Люди, окружавшие костер, поделили между собой одеяла, подушки, шубы, мужское и женское платье, принадлежавшее графу, графине и майору. Филипп повернулся, чтобы посмотреть, нельзя ли найти еще что-нибудь в ограбленном ящике. При свете костра он заметил разбросанные в беспорядке бриллианты, золото и серебро. Никто не думал воспользоваться и малейшей частью этого. Все эти люди, случайно об'единившиеся вокруг костра, хранили молчание, в котором было что-то зловещее. Каждый думал только о своем благополучии.

В этой картине был какой-то мрачный комизм. Лица, обезображенные морозом, были покрыты слоем грязи, на которой слезы оставили борозды, показывающие толщину этой маски. Длинные грязные бороды делали этих солдат еще более безобразными. Одни из них были закутаны в женские шали, на других были забрызганные грязью одеяла, покрытые инеем лохмотья, которые теперь оттаивали. У некоторых на одной ноге был сапог, на другой — туфля; в конце концов не было никого, чья одежда не поражала бы своей причудливостью.

Однако несмотря на забавность всего этого лица этих людей оставались мрачными и серьезными. Тишина прерывалась только потрескиванием костра, отдаленным ропотом лагеря и сабельными ударами: это наиболее голодные кромсали Бишетту в поисках лакомого куска. Некоторые из них, самые утомленные, уже спали, и если бы кто-нибудь скатился в костер, никто бы его не разбудил. Они рассуждали вполне логично: если человек жив, ожог заставит его отодвинуться на более удобное место. Если несчастный просыпался слишком поздно и погибал в огне, никто его не жалел.

Когда куски конины, положенные на уголья, испеклись, все с жадностью на них набросились.

— Смотрите-ка! Не часто увидишь тридцать пехотинцев на одной лошади!— воскликнул гренадер, застреливший кобылу. Это была единственная шутка, в которой проявилось национальное остроумие. Вскоре большая часть этих бедных солдат завернулась в свои лохмотья, улеглась на досках и на всем, чем можно было покрыть снег, и крепко заснула, не заботясь о завтрашнем дне.

●

Когда майор согрелся и поел, непреодолимый сон сморил его. В течение нескольких минут, пока он еще боролся со сном. он рассматривал молодую женщину, которая повернулась лицом к огню. Это давало ему возможность видеть ее закрытые глаза и часть лба. Она была закутана в меховую шубу и в большую драгунскую шинель. Под головой у нее была подушка, запачканная кровью; баранья шапка была повязана платком. Эта шапка и платок, завязанный узлом на шее, насколько возможно защищали ее лицо от стужи. Она спрятала ноги под своей шинелью. На кого она была похожа? На последнюю маркитантку? Или на очаровательную женщину, царицу парижских балов? Увы! Даже взгляд ее друга, человека, наиболее преданного ей в целом свете, не находил ничего женственного в этой куче тряпья и лохмотьев. Сквозь густую пелену, которой непреодолимый сон застилал глаза майора, фигуры мужа и жены казались ему лишь двумя пятнышками. Пламя костра, эти распростертые тела, этот пронизывающий холод в трех шагах от не-

Графиня опустилась на землю, чтобы заснуть.

надежного тепла — все это казалось сном. Назойливая мысль пугала Филиппа: «Если я засну — мы погибнем. Я не должен спать»,— твердил он себе. Он спал. Через час грохот и страшные крики разбудили господина де Сюси.

Чувство долга и сознание опасности, грозившей его другу, снова овладели им. Он закричал, и крик этот походил на звериный рев. Только он и его солдат были на ногах. Они увидели море огня, пожирающее биваки и хижины перед ними; в ночной темноте пожар освещал толпу людей. Они слышали вопли и крики отчаяния, они видели тысячи лиц, искаженных горем и гневом. Посреди этого ада колонна солдат пробивала себе дорогу к мосту между двумя рядами трупов.

— Это — отступление арьергарда!—воскликнул майор.— Больше нет надежды!

— Я не тронул вашей кареты, Филипп,— послышался дружеский голос.

Обернувшись, Сюси при свете огней узнал молодого ад'ютанта.

— Ах! Все погибло,— отвечал майор.— Они с'ели мою лошадь! Я не смогу заставить идти пешком этого одуревшего генерала. А также и его жену...

— Возьмите горящую головню и пригрозите им!

— Угрожать графине?

— Ну, прощайте! — сказал ад'ютант.— Я едва успею перейти эту проклятую реку. И я должен это сделать. У меня мать во Франции. Ну и ночка! Эти несчастные люди предпочитают лежать на снегу, и большая часть их скорее даст себя сжечь, чем поднимется с места. Филипп! Уже четыре часа, через два часа русские начнут наступать. Уверяю вас, что вы еще раз увидите Березину, покрытую трупами. Филипп, подумайте о себе! У вас нет лошадей, и вы не сможете нести графиню на руках. Итак, решайтесь! Идем со мной,— сказал он, беря майора за руку.

— Друг мой, оставить Стефанию!

Майор схватил графиню, поставил ее на ноги, встряхнул ее с бесцеремонностью человека, дошедшего до отчаяния, и заставил ее проснуться. Она посмотрела на него неподвижным, безжизненным взглядом.

— Нужно идти, Стефания, или мы здесь погибнем.

Вместо ответа графиня попыталась опуститься на землю, чтобы заснуть. Ад'ютант схватил головню и стал размахивать ею перед лицом Стефании.

— Спасем ее насильно! — воскликнул Филипп, поднимая графиню. Он снес ее в карету.

Потом он стал умолять друга помочь ему. Они подняли старого генерала, не зная, жив он или умер, и положили его возле жены. Майор, поворачивая ногой каждого из неподвижно лежащих на земле, взял у них то, что они награбили, набросал всю эту кучу тряпья на обоих супругов и бросил в угол кареты несколько зажаренных кусков конины.

— Что же вы хотите делать? — спросил ад'ютант.

— Везти ее,— сказал майор.

— Вы с ума сошли!

— Да! — воскликнул Филипп, скрещивая руки на груди.

Но вдруг ему пришла в голову отчаянная мысль.

— Послушай,— сказал он, схватывая своего солдата за здоровую руку,— я поручаю ее тебе только на один час! Но ты скорее умрешь, чем допустишь кого-либо к этой карете.

Майор взял бриллианты графини и, держа их в одной руке, другой вытащил саблю и принялся яростно бить плашмя тех из спящих, которые казались ему наиболее смелыми. Ему удалось разбудить огромного гренадера и еще двух других, чин которых нельзя было распознать.

— Мы погибли,— сказал майор.

— Я это хорошо знаю,— отвечал гренадер,— но мне на это наплевать.

— Но, чорт побери, не лучше ли рискнуть жизнью за прекрасную женщину и за то, чтобы снова увидеть Францию?

— По мне — лучше поспать,— сказал один из солдат, укладываясь на снегу,— и если ты меня еще потревожишь, майор, я всажу тебе саблю в живот.

— В чем дело, майор? — сказал гренадер.— Этот человек пьян. Это парижанин, они любят комфорт.

— Это будет твоим, молодчина! — воскликнул майор, показывая ему бриллиантовое ожерелье.— Тебе лишь придется пойти со мной и здорово подраться. Русские в десяти минутах ходьбы. У них есть лошади. Мы проберемся к первой их батарее и уведем оттуда парочку.

— Но кто будет на страже, майор?

— Один из нас троих...— сказал Филипп. Он не докончил и посмотрел на ад'ютанта.— Ведь ты пойдешь, Ипполит, не правда ли?

Лошади были добыты...

Ипполит в знак согласия кивнул головой.

— Один из нас,— сказал майор,—будет на страже. Впрочем, может быть, русские тоже спят.

— Ну ладно, майор. Ты молодец! Но ты посадишь меня в свою карету? — сказал гренадер.

— Да, если только ты сохранишь свою шкуру. Если меня убьют, друзья,— сказал майор, обращаясь к своим товарищам,— обещайте мне отдать свою жизнь для спасения графини.

— Решено,— сказал гренадер.

Они направились к русским батареям, которые недавно так жестоко громили толпу несчастных на берегу. Через несколько минут послышался галоп двух лошадей, и разбуженная батарея снова стала посылать ядра, которые падали на головы спящих. Храбрый ад'ютант был убит наповал. Гигант-гренадер остался цел и невредим. Филипп, защищая своего друга, был ранен штыком в плечо; но он вцепился в гриву лошади и сжимал ногами ее бока.

— Слава богу!—воскликнул майор, най-

дя своего солдата и карету на прежнем месте.

— Ну, майор, по справедливости вы должны представить меня к кресту. Не правда ли, мы недурно поиграли пистолетом и саблей?

— У нас еще ничего не сделано! Надо запрягать лошадей! Вот веревки.

— Да их не хватит.

— Тогда вот что, гренадер. Возьмитесь за этих спящих и воспользуйтесь их шалями, их тряпьем.

— Э! Да этот уж готов! — воскликнул гренадер, раздевая первого попавшегося.— Да они все мертвые!

— Все?

— Да, все. Должно быть, лошадь плохо переваривается, когда ее едят на снегу.

Эти слова привели Филиппа в ужас. Мороз все время крепчал.

— Боже! Потерять женщину, которую я уже двадцать раз спасал!

И майор принялся трясти графиню с криком: «Стефания! Стефания!» Молодая женщина открыла глаза.

— Графиня! Мы спасены!

— Спасены! — пробормотала она, снова падая.

Худо ли, хорошо ли,— лошади были запряжены. Майор, держа саблю в здоровой руке и повод в другой, вооруженный пистолетами, сел на одну из лошадей, гренадер — на другую. Старого солдата, у которого ноги были обморожены, положили поперек кареты.

Подгоняемые саблей, лошади вихрем вынесли экипаж на равнину. Но здесь майора ожидало множество препятствий. Вскоре стало невозможно продвигаться без риска раздавить спящих мужчин, женщин и детей. Когда гренадер их будил, они не трогались с места. Напрасно майор де Сюси искал дорогу, недавно проложенную арьергардом среди этой толпы. Она уже исчезла, как исчезает на море след от корабля. Они могли двигаться только шагом, их то и дело останавливали солдаты, угрожая убить лошадей.

— Вы хотите доехать? — спросил Филиппа гренадер.

— Ценой всей моей жизни, ценой всего на свете! — отвечал майор.

— Ну так — вперед! Не разбив яиц, не сделаешь яичницы.

И гренадер погнал лошадей прямо на толпу, заливая кровью колеса, опрокидывая биваки, оставляя за собой в этой человеческой гуще двойной ряд трупов. Но надо отдать ему справедливость: он без передышки кричал громовым голосом:

— Эй! Берегись! Берегись!

— Несчастные! — воскликнул майор.

— Э, вздор! Не все ли равно, наша карета или мороз и пушки! — сказал гренадер, подгоняя лошадей острым концом сабли.

Вдруг карета опрокинулась. Эта катастрофа должна была бы произойти с ними гораздо раньше, если бы не их удивительная удача.

— Я этого ждал! — воскликнул невозмутимый гренадер.— Э, да товарищ-то уж не дышит!

— Бедняга Лаврентий! — сказал майор.

— Лаврентий? Он не из пятого ли егерского полка?

— Да.

— Это мой двоюродный брат! А впрочем, эта собачья жизнь не так уж хороша, чтобы стоило о ней горевать.

Чтобы поднять карету и освободить лошадей, им понадобилось слишком много времени. Сотрясение было настолько сильно, что молодая графиня проснулась. Она вышла из своего оцепенения, освободилась из-под груды одежд и поднялась.

— Филипп, где мы? — воскликнула она нежным голосом, оглядываясь вокруг.

— В пятистах шагах от моста. Мы сейчас перейдем через Березину. На том берегу, Стефания, я вас больше не буду мучить. Там я вам позволю спать. Мы будем в безопасности и спокойно доберемся до Вильно. Дай бог, чтобы вы никогда не узнали, какой ценой куплена ваша жизнь.

— Ты ранен?

— Это пустяки.

●

Приближался час катастрофы. Русские батареи возвестили наступление дня. Овладев Студянкой, они стали громить равнину; и в неясном свете утра майор увидел, что колонны русских пришли в движение и выстроились на высотах. В толпе раздались крики ужаса. Все мгновенно очутились на ногах. Каждый инстинктивно понял грозившую опасность, и людские волны хлынули к мосту. Русские спускались с быстротой пожара. Мужчины, женщины, дети, лошади — все бросились к мосту. К счастью, майор и графиня были еще далеко.

Генерал Эбле только что отдал приказ поджечь подпорки на другом берегу. Все кинулись к спасительному мосту, и не-

смотря на предупреждения никто не хотел отступить, и мост провалился под тяжестью людей. Кроме того напор толпы, бросившейся к роковому берегу, был так стремителен, что лавина людей была сброшена в реку. Криков не было. Был слышен только глухой шум, как от камней, падающих в воду. Березина покрылась трупами.

Желая избежать такой смерти, люди бросились назад, на равнину. Столкновение их с теми, которые продолжали двигаться вперед, было ужасно. Масса людей оказалась задушенной.

Графа и графиню де Вандьер спасла катастрофа с каретой. Лошади, изувечив и растоптав множество умирающих, сами погибли, раздавленные и растоптанные толпой, несущейся к берегу. Майора и гренадера выручила их сила. Чтобы не быть убитыми, они убивали сами.

Этот ураган человеческих тел, этот прилив и отлив людей, толкаемых одним и тем же инстинктом, через несколько минут очистил берег Березины. Толпа была отброшена на равнину. Правда, некоторые бросались в реку прямо с высокого берега. Но это вызывалось не столько надеждой добраться до другого берега, который олицетворял для них Францию, сколько ужасом перед дебрями Сибири. Отчаяние спасло некоторых храбрецов. Один офицер добрался до противоположного берега, прыгая с льдины на льдину; один солдат ухитрился проползти до того берега по груде трупов и льдин. Эта огромная толпа в конце концов поняла, что русские не истребят двадцать тысяч безоружных, оцепеневших, отупевших людей.

Люди бросились назад, на равнину.

которые не пробуют защищаться и с покорностью ожидают своей участи.

Майор, гренадер и старый генерал с женой в конце концов оказались одни в нескольких шагах от бывшего моста. Все четверо стояли молча среди мертвецов и сухими глазами смотрели перед собой. К ним присоединилось несколько здоровых солдат и офицеров, к которым перед лицом опасности вернулась прежняя энергия. Всех их набралось около пятидесяти человек. Вдруг майор заметил в двухстах шагах от них развалины моста, разрушенного два дня назад.

— Построим плот! — воскликнул он.

Едва он это произнес, как вся группа побежала к обломкам моста. Они принялись собирать железные скобы, разыскивать куски дерева, веревки—словом, все необходимое для постройки плота. Человек двадцать вооруженных солдат и офицеров под начальством майора образовали охрану. Она должна была оберегать работающих от отчаянного нападения толпы, могущей угадать их намерение. Предвкушение свободы, вдохновляющее пленников на чудеса, не могло бы сравниться с одушевлением этих несчастных французов.

— Русские! Русские близко!—кричала им встревоженная охрана.

И куски дерева скрипели, плот на глазах рос в ширину и глубину. Генералы, солдаты, полковники — все сгибались под тяжестью железа, веревок, досок. Молодая графиня, сидя рядом с мужем, смотрела на это зрелище и жалела, что она ничем не может помочь. Впрочем, она помогала связывать веревки.

Наконец, плот был закончен. Сорок человек спустили его на воду. С десяток солдат с помощью веревок удерживали плот у берега. Как только строители увидели свое судно на воде, они в порыве мерзкого эгоизма стали прыгать на него с высокого берега. Майор, боясь этого бешеного порыва, держал за руку Стефанию и ее мужа. Но он задрожал, увидев, что плот почернел от людей.

— Дикари! Ведь это же я придумал построить плот! Я спас вам жизнь, а вы мне не даете места!

Филипп неподвижно стоял на берегу...

Неясный гул был ему ответом. Мужчины, стоя на краю плота, с силой отталкивали его шестами от берега. Они расчищали путь от льдины и трупов и старались поскорее отплыть.

— Чорт вас побери! Да я вас всех сброшу в воду! Сейчас же дать место майору и его друзьям! — закричал гренадер, поднимая саблю. Он задержал плот и заставил толпу потесниться несмотря на ужасные крики.

— Вот два места! — воскликнул он.— Ну, майор, перекиньте сюда вашу маленькую даму и идите сами! Да бросьте этого старика. Он завтра все равно околеет.

— Живее! — кричало около сотни голосов.

— Ну, майор, они ворчат, и они правы!

Граф де Вандьер высвободился из своих шалей и выпрямился в своем генеральском мундире.

— Спасем графа,— сказал Филипп.

Стефания сжала руку своего друга, бросилась к нему и обняла его.

— Прощайте! — сказала она.

Они поняли друг друга. Граф де Вандьер, собрав все свои силы и присутствие духа, прыгнул на плот. Стефания, бросив последний взгляд на Филиппа, последовала за мужем.

— Майор, хотите мое место? Я смеюсь над жизнью! — воскликнул гренадер.— У меня нет ни жены, ни ребенка, ни матери.

— Я доверяю их тебе! — крикнул майор, указывая на графа и его жену.

— Будьте спокойны, я о них позабочусь.

Филипп неподвижно стоял на берегу.

Плот был пущен, со страшной быстротой устремился к противоположному берегу и сильно об него ударился. От толчка все пришло в смятение. Граф, стоявший у края, упал в реку. В то же мгновенье льдина снесла ему голову и как ядро далеко отбросила ее.

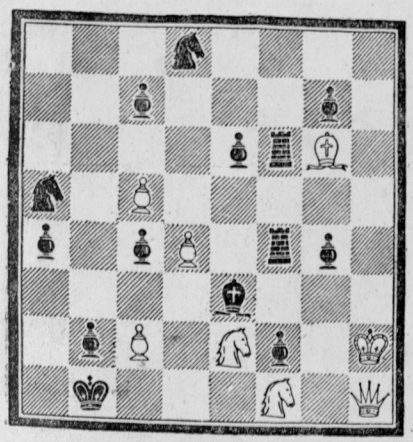
— Прощайте!—раздался женский крик.

Пораженный ужасом, изнемогая от отчаяния, усталости и стужи, Филипп де Сюси упал на землю.

Бегство Наполеона из Москвы

Знаменитый русский шахматист Петров, прозванный за изящество своей игры «северным Филидором», составил любопытный шахматный этюд, изображающий отступление Наполеона из Москвы.

Положение черных и белых на доске такое:



Поле b1, занимаемое черным королем — Наполеоном,— обозначает Москву. Поле h8 — Париж. Белая диагональ h1—a8 — река Березина, на которой произошло одно из самых значительных сражений между отступающей французской армией и русскими войсками. Белый ферзь — русский главнокомандующий. Белые кони — русская кавалерия.

Задача—дать королю черных мат на поле h8, т. е. в Париже.

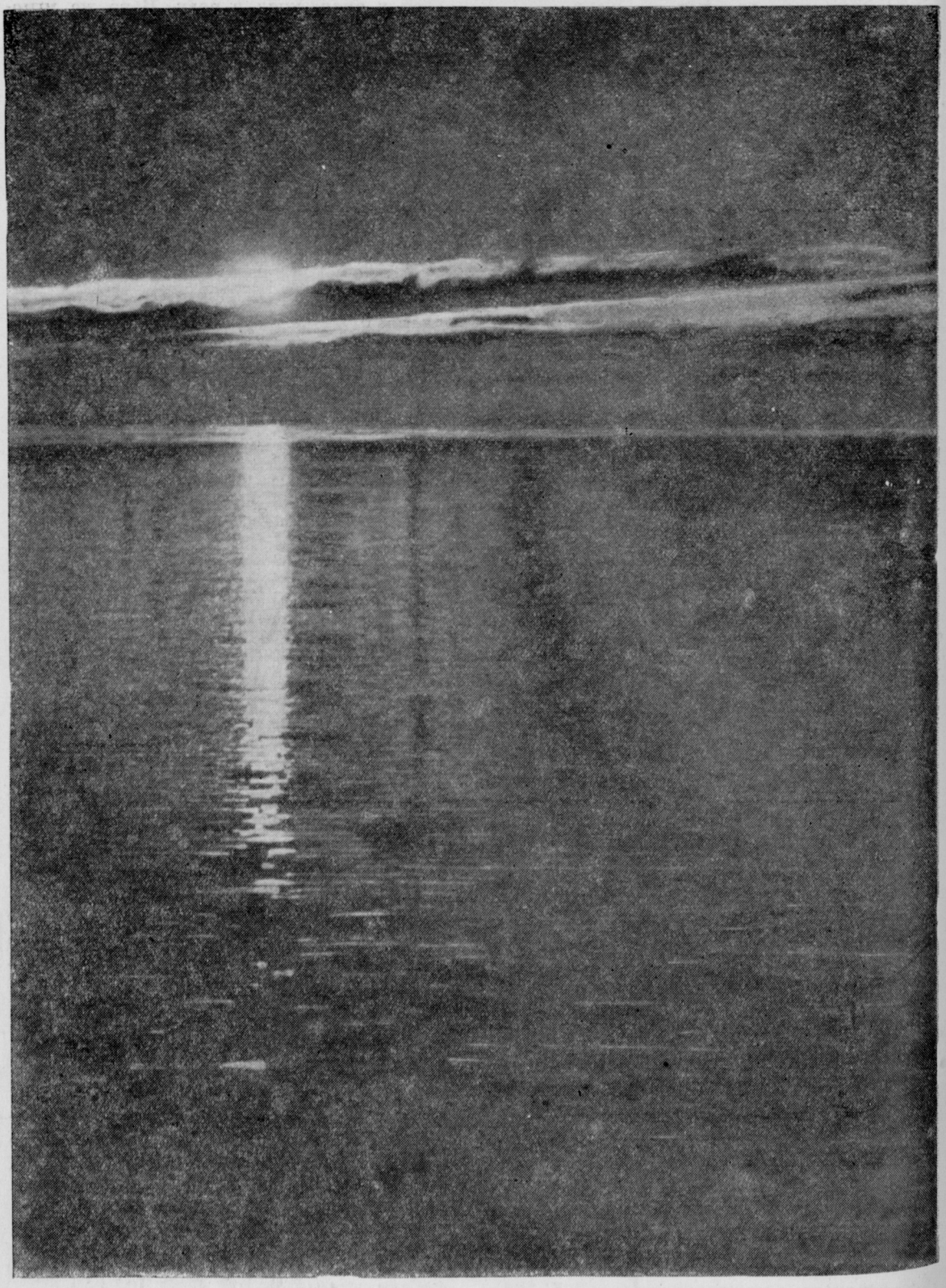
Она решается тринадцатью подряд шахами белых коней:

1. Kf1—d2 + Kpb1—a2.
2. Ke2—c3 + Kpa2—a3.
3. Kd2—b1 + Kpa3—b4.
4. Kc3—a2 + Kpb4—b5.
5. Kb1—a3 + Kpb5—a6.
6. Ka2—b4 + Kpa6—a7.
7. Ka3—b5 + Kpa7—b8.
8. Kb4—a6 + Kpb8—c8.
9. Kb5—a7 + Kpc8—d7.
10. Ka6—b8 + Kpd7—e7.
11. Ka7—c8 + Kpe7—f8.
12. Kb8—d7 + Kpf8—g8.
13. Kc8—e7 + Kpg8—h8.
14. Kph2—g2 ×.

Как мы видим, из этой шахматной шуточной задачи, Петров, бывший видным чиновником в Петербурге (он умер в генеральском чине) при Александре I и Николае I,— не только русский патриот, но и «верноподданный» царя. Последний удар Наполеону наносит белый король. Однако как? Отойдя «в сторонку» и открывая линию h1—h8 для решающего удара белого ферзя. Тонкая насмешка над русским царем, скрытая в последнем, «решающем» ходе короля, конечно, не входила в расчеты Петрова: она получилась сама собой.

Ходы черного короля в этюде Петрова вытекают с железной необходимостью из расстановки фигур на шахматной доске.

Силы эти примерно равны. Ах, если бы ход был не белых, а черных! Две пешки черных «чуть-чуть» не достигли поля превращения. Особенно досадно положение пешки на поле b2: ей мешает, вступив в Москву, превратиться в грозного ферзя не кто иной, как собственный король!



Еще несколько дней — и солнце на полгода уйдет с горизонта.
Снимок Д. Дебабова.

Полярная ночь

Заход солнца мы все видели тысячи раз и все-таки никогда не перестаем удивляться поразительной красоте этого обычного явления. Тот же, кому приходится наблюдать заход солнца в Арктике, видит картину бесконечно более красивую чем наши закаты в средних широтах.

Дни и ночи с их правильным чередованием, к которому мы так привыкли, за полярным кругом сбиваются. Полярный круг—это и есть та линия, за которой хоть раз в году солнце не садится за горизонт и хоть раз в году не поднимается над горизонтом.

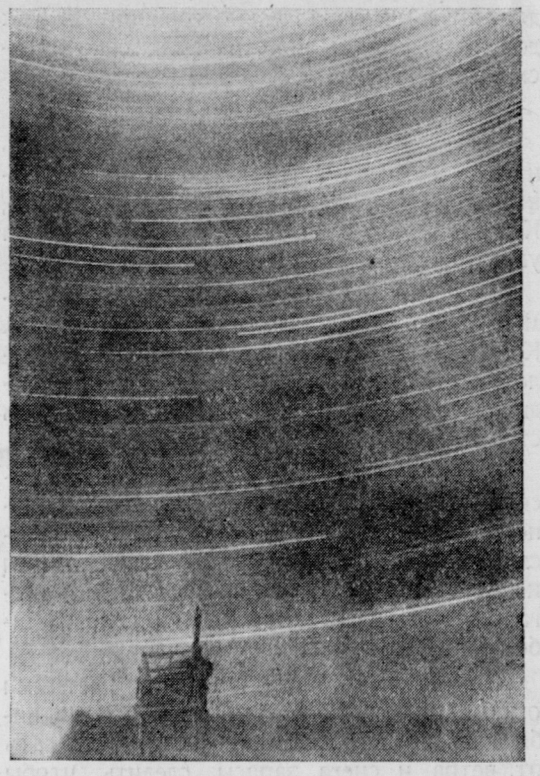
Уже на линии полярного круга, где предзакатные сумерки длятся много часов подряд, небо необычайно красиво. Если же забраться поглубже в Арктику, — картина заката становится еще более удивительной.

Летом в Арктике солнце не заходит совсем. Оно целыми сутками кружит по небу, немного опускаясь на севере и немного поднимаясь на юге.

Но вот лето подходит к концу, нижний край солнца касается горизонта. Это еще не ночь: это скорее полярный вечер. В это время в Арктике круглые сутки стоят долгие сумерки, освещенные косыми лучами солнца. Потом солнце спускается еще ниже, весь солнечный диск сначала ненадолго, потом дольше и дольше пропадает за горизонтом. 23 сентября наступает день осеннего равноденствия, когда на всей земле, кроме полюсов, день равен ночи. В этот день и в Арктике солнца не видно полсуток. В этот день за полярным кругом, как и на экваторе, солнце встает на востоке и садится на западе.

А затем восход и закат переходят на южную часть неба, с каждым днем они как бы сближаются. Плавая в море огня, солнце с каждым днем садится все ниже и ниже, описывает все меньшую и меньшую дугу по небосклону и, наконец, настает такой день, когда солнце не может уже оторваться от горизонта, только высовывается из-за него одним краем, а затем пропадает вовсе. Тогда только красная заря стоит над южной частью неба, и тогда начинается долгая полярная ночь. Это в Арктике, за полярным кругом. А на полюсе, как там заходит солнце? Как там начинается ночь?

Никто еще не ночевал на самом полюсе. Как там выглядит ночь, еще никто не видел, но уже задолго до открытия и заселения Северного полюса, ученые у себя в кабинетах нарисовали приблизительную картину полярной зимы, или полярной ночи, что одно и то же.



Эти странные полосы — пути звезд на полярном небе. Чтобы снять их, неподвижно установили фотоаппарат и открыли затвор об'ектива на несколько часов.

На полюсе нет ни востока, ни запада, там везде, куда ни посмотришь,— юг. Значит, и закат там бывает не на южной половине неба, как в Арктике—огромное солнце в море огня, освещая льды фантастическим красным светом, катится по всему горизонту, с каждым днем спускаясь все ниже. 26 сентября, последний краешек солнца прячется за горизонтом. Еще несколько дней кружит по небу зарево заката, а потом начинается ночь. Ночью луна светит над полярными льдами. Но и луна там ходит и светит не как у нас. Летом она вместе с солнцем, подолгу не заходя, кружится по небу, но летом ее редко удается заметить. Зимой же, точно огромный фонарь, она 15 дней держится над горизонтом. Потом и она садится. После захода луны только звезды ос-

вещают снега и льды Северного полюса. Пути звезд на полюсе тоже не те, что на нашем небе. Полярная звезда неподвижно стоит прямо над головой, остальные — ходят кругами параллельно горизонту... Так должна выглядеть ночь на полюсе по предсказаниям ученых.

Ну, а на самом деле?

Как пройдет эта первая для людей ночь на полюсе? Как встретят ее отважные завоеватели Арктики товарищи Папанин, Кренкель, Федоров и Ширшов? Что они увидят, что переживут?

Страшные бури бушуют над полюсом зимой. Они несут несметные массы снега. Когда дует пурга в полярных районах, человек становится беспомощным, он не видит и не слышит ничего, кроме снега и страшного свиста ветра.

И, вероятно, нашим зимовщикам придется подолгу пережидать пургу в своей черной палатке, а потом, когда ветер уляжется и пурга кончится, немало сил придется истратить на то, чтобы разгрести горы снега, засыпавшие и палатку, и склады, и приборы дрейфующей полярной станции.

В темноте, освещенной лишь цветными огнями полярного сияния, им придется наблюдать за показаниями приборов, спасать от ветра и снега запасы, следить, чтобы исправно работал ветряк, чтобы не разряжались аккумуляторы радиостанции, связывающей зимовку с остальным миром.

Опасности могут грозить зимовщикам со всех сторон. Вдруг начнется подвижка льдов. Огромные поля полярного пака в миллионы тонн весом, твердые как камень, сдвинутые ветром, придут в движение. Они с грохотом будут налетать друг на друга, громить друг другу края, и во всем огромном районе полярного бассейна будет тогда стоять страшный грохот.

Льдина может и сдать. Но даже если льдина треснет, не сдадутся зимовщики: они приготовлены ко всему, они еще задолго до полета на полюс научились быстро перетаскивать склады, жилище и приборы.

Но зато сколько нового и необыкновенного они узнают! Они узнают, как растет полярный пак, непреодолимой преградой стоявший до сих пор на пути к полюсу, они изучат полярные бури и полярную тишину. Они первые взглянут сквозь стекла точных приборов на ночное полярное небо, узнают, живет ли зимой океан на полюсе. И когда придет лето, выполнив все задачи, которые поручили им партия и правительство, эти бесстрашные люди привезут первые подробные описания полярной ночи.

Мы же пока запомним дату 26 сентября и в этот вечер посмотрим на закат. В этот день зимовщики дрейфующей станции в последний раз увидят верхний краешек солнца.

Арктические сумерки.

Шота Руставели

Витязь в тигровой шкуре

Перевел и обработал Н. Заболоцкий

(Продолжение)

Повесть десятая. О том, как Автандил возвратился в Аравию

Срок, назначенный царицей, миновал. Прошло три года.
Автандил-военачальник возвратился из похода.
С ликованием великим, во главе своих дружин,
Встретил юного героя благородный Шермадин.

Пир отпраздновав веселый, Шермадин к царю помчался.
— Царь,— сказал он,— слава богу, чудный витязь отыскался,—
Автандил нашел скитальца и открыл его приют,
Полководцем Тариэлом неизвестного зовут.

Из покоев Ростевана поспешил он к Тинатине.
И сказал ей: — Знай, царица, Автандил прибудет ныне.
Дева юная зарделась и гонцу за эту весть
Подарила столько злата, сколько в силах был он снесть.

Царь, веселый и довольный, Автандила в поле встретил,
Автандил вошел в чертоги, ликом радостен и светел,
Лев, сильнейший между львами, солнцу солнц принес привет,
И в очах царицы юной засиял небесный свет.

Царь устроил пир на славу, и, под звон заздравных чарок,
Каждый гость от Ростевана получил в тот день подарок.
Ради встречи долгожданной не жалея ничего,
Царь был ласков к Автандилу и расспрашивал его.

Опустившись на колени, витязь вымолвил: — Царица!
Расставаясь с Тариэлом, я поклялся возвратиться.

И царю поведал витязь все, что знал о Тариэле,—
Как царевну потерял он и не мог найти доселе,
Как в сражении великом сто чудовищ он убил,
Как, одетый в шкуру тигра, по ущелиям бродил...

С удивлением и страхом слушал царь повествованье.
Разошлось глубокой ночью именитое собранье.
Автандил с великой честью был отпущен на покой,
Но вошел слуга царицы и повел его с собой.

Как прекрасное алоэ в золотых садах Евфрата,
Восседала на престоле та, чьи брови из агата,
Как рубин, уста горели, лик был светел, как кристалл,
Ни один мудрец афинский красоты такой не знал.

— Витязь,— молвила царица,— твой рассказ меня волнует,
Тариэл, твой брат любимый, ныне плачет и тоскует:
Кто теперь ему поможет, полководцу дальних стран?
Если б знала я лекарство от его сердечных ран!

Опустившись на колени, витязь вымолвил: — Царица!
Расставаясь с Тариэлом, я поклялся возвратиться.
Ради друга недостойно уклоняться нам от бед.
Если друг не будет счастлив, — счастья нам на свете нет.

И ответила царица: — Все сбылось, как я хотела:
Ты вернулся невредимым и увидел Тариэла,
В годы долгие разлуки ты меня не разлюбил,
Сердце бедное царицы от страданий исцелил.

Но, увы, нарушить клятву — недостойно человека,
Помогать в беде друг другу нам завещано от века.
Снова должен ты уехать. Что же станется со мной
В день, когда мое светило вновь покинет край родной?

— Горе мне! — воскликнул витязь.— Не согреешь льда дыханьем,
Заходящее светило не удержишь лобызаньем...
Прожил я две трети жизни, остается только треть.
Дай мне знак любви в дорогу, чтоб с тоски не умереть.

И дала ему царица жемчуг — дар любви невинной,
Зарыдал печальный витязь и расстался с Тинатиной.
Лишь вчера они, встречаясь, были счастливы вдвоем,
Ныне вновь судьба пронзила их карающим копьем.

Затворясь в опочивальне, плачет витязь безутешный,
Как цветок, покрытый снегом, лик его бледнеет нежный.
Таково людское сердце — ненасытное, слепое,—
Вечно чем-нибудь томится, убегая от покоя...

Повесть одиннадцатая. О том, как царь разгневался на любимого визиря

Автандил проснулся утром и отправился к Сограту,
Рад был визирь Автандилу, словно брат родному брату.
Слезть с коня помог он гостю и постлал ковер под ноги.
— Вот,— сказал.— донесся ныне запах роз в мои чертоги.

И сказал Сограту витязь: — Ты, Сограт, царю опора,
Любит царь твои советы, принимает их без спора.
Ныне должен я уехать, чтоб помочь в несчастье другу,—
Окажи мне на прощанье беспримерную услугу.

Отправляйся к Ростевану и скажи ему ты смело:
«Автандил поклялся богом, что не бросит Тариэла.
Ныне он вернуться должен, чтоб исполнить обещанье,—
Отпусти его, владыка, и не сетуй на прощанье».

Умоляй царя, о визирь, все ему скажи, что нужно,
Помни — сердце Автандила клятве верности послушно.
Если царь меня отпустит, обещаю я по чести
Подарить тебе сто тысяч золотых за эти вести.

Отвечал с улыбкой визирь: — Денег мне твоих не надо,
Пусть останется в запасе столь великая награда.
Лишь начну просить царя я, государь при первом слове
Отошлет меня на плаху, где и так немало крови.

Нет, царя просить об этом — безнадежная затея,
И войска бросать надолго не советую тебе я:
Час придет, враги восстанут, захотят сравняться с нами:
Воробьи и те стремятся стать свободными орлами.

Автандил заплакал горько и сказал Сограту снова:
— Что за польза государю от безумца молодого?
Не бывать мне полководцем, если клятву я нарушу,
Милость царскую теряя, сохранить хочу я душу.

Если царь меня не пустит, все равно тайком уеду,
Справедлив господь — царю он без меня пошлет победу.
Помоги мне, славный визирь, будь заступником моим,
Царь любимца не обидит, но доволен будет им.

— Вижу я,— ответил визирь,— нет тебе успокоенья,
Не могу смотреть на слезы без сердечного волненья,
Твой огонь меня снедает, вся в слезах душа моя, —
Пусть умру, но в день печали не покину друга я.

Вот к царю явился визирь и, потупившись уныло,
Рассказал с великим страхом все, что знал про Автандила.
— Царь,— сказал он,— если б только сам увидел ты его,
Пожалел бы, без сомненья, полководца своего.

Царь, услышав эти речи, побледнел и ужаснулся.
— Что сказал ты мне, безумец? Как язык твой повернулся?
Автандил на бой с врагами поведет всю рать мою,
Если ты мешать мне будешь, я тебя не потерплю.

Знай, злодей, когда бы не был ты посланцем Автандила,
Для тебя была бы нынче уготовлена могила.
Прочь отсюда, пес негодный! Убирайся, цел пока!
И, схватив рукою кресло, царь швырнул им в старика.

Как побитая лисица, визирь выскочил за двери.
Что с царем поделать можно, потеряв его доверье?
Услыхав о неудаче, Автандил в тоске поник.
— Нет,— сказал он,— обещаний забывать я не привык.

Сам ты знаешь: если роза в день печали увядает,
Соловей, влюбленный в розу, и грустит и умирает.
Должен он найти для розы каплю утренней росы,
Каплю влаги драгоценной, чтоб спасти ее красы.

Без героя Тариэла жизни мне на свете нету,
Чем раздумью предаваться, лучше странствовать по свету.
Неразумно царь замыслил посылать со мною рать:
Лучше быть без полководца, чем безумца посылать.

Дома витязь вынул деньги и связал червонцы туго,
И материй триста свертков принести велел для друга.
Шестьдесят больших рубинов отобрал и в ту же ночь
Отослал их в дар Сограту, чтоб в беде ему помочь.

Щедрость юного героя — вот пример для подражанья.
Нету слов, чтоб в полной мере описать его деянья.
Помогать в беде друг другу мы обязаны всегда.
Друг — нам верная опора, если встретится беда.

Повесть двенадцатая. О втором, тайном от'езде Автандила

Снова с верным Шермадином Автандил пришел проститься.
— Срок настал,— сказал рабу он,— я обязан удалиться.
Царь меня не отпускает, он не знает, что со мною,
Но нарушить не могу я клятву, данную герою.

Помни, друг, мои заветы: средь начальников примерный,
Подчиняйся Ростевану, как слуга нелицемерный,
Береги мой дом отцовский, бей неверных без пощады,
Коль вернусь, не пожалею для тебя, мой друг, награды.

Шермадин воскликнул: — Витязь, тяжко мне с тобой расстаться.
О возьми меня с собою, легче нам вдвоем скитаться!
— Нет,— сказал печально витязь,— ты один моя опора,
Без тебя погибнет город от набегов и раздора.

Взять тебя в поход с собою, видишь сам ты, не могу я.
На тебя же налагаю я обязанность другую:
Оседлай коня лихого и на утро, в день прощанья,
Передай от Автандила государю завещанье.

Витязь сел и Ростевану написал такое слово:
«Царь великий! Связан клятвой, я тебя покинул снова.
Пораженного судьбою я не в силах обмануть.
О верни свою мне милость,—ухожу в далекий путь.

Не осудишь ты, я знаю, мудрый царь, мое решенье.
Кто в беде покинет друга, тот достоин сожаленья.
Учит нас Платон-философ, чьи слова знакомы всем:
«Ложь вредит сначала телу, разрушает дух затем.

Ложь — источник всех несчастий, ложь — начало всякой муки».—
Как могу забыть о друге в день печали и разлуки?
Мудреца завет великий людям должно исполнять,
Для того и знанье людям, чтобы душу укреплять.

Жалок тот, кто перед битвой укрывается трусливо,
Вечно думает о смерти и горюет молчаливо.
Все равны мы перед смертью, всех разит ее копье,—
Лучше славная кончина чем позорное житье.

Но, преследуем в скитаньях несчастливою судьбою,
Если я погибнуть должен, кто заплачет надо мною?
Не сошьют друзья мне саван, не схоронят в тишине...
В день моей печальной смерти вспомни, царь мой, обо мне.

Много я богатств имею и различного доходу,—
Ты раздай богатства бедным, возврати рабам свободу,
Надели моей казною всех убогих и сирот,
Пусть о витязе погибшем вспоминает весь народ!

И еще, о царь могучий, я молю за Шермадина,
Ныне, может быть, надолго, он лишился господина
Ты рассей его заботы, слез потоки осуши,
Мне же надобно молиться о спасении души».

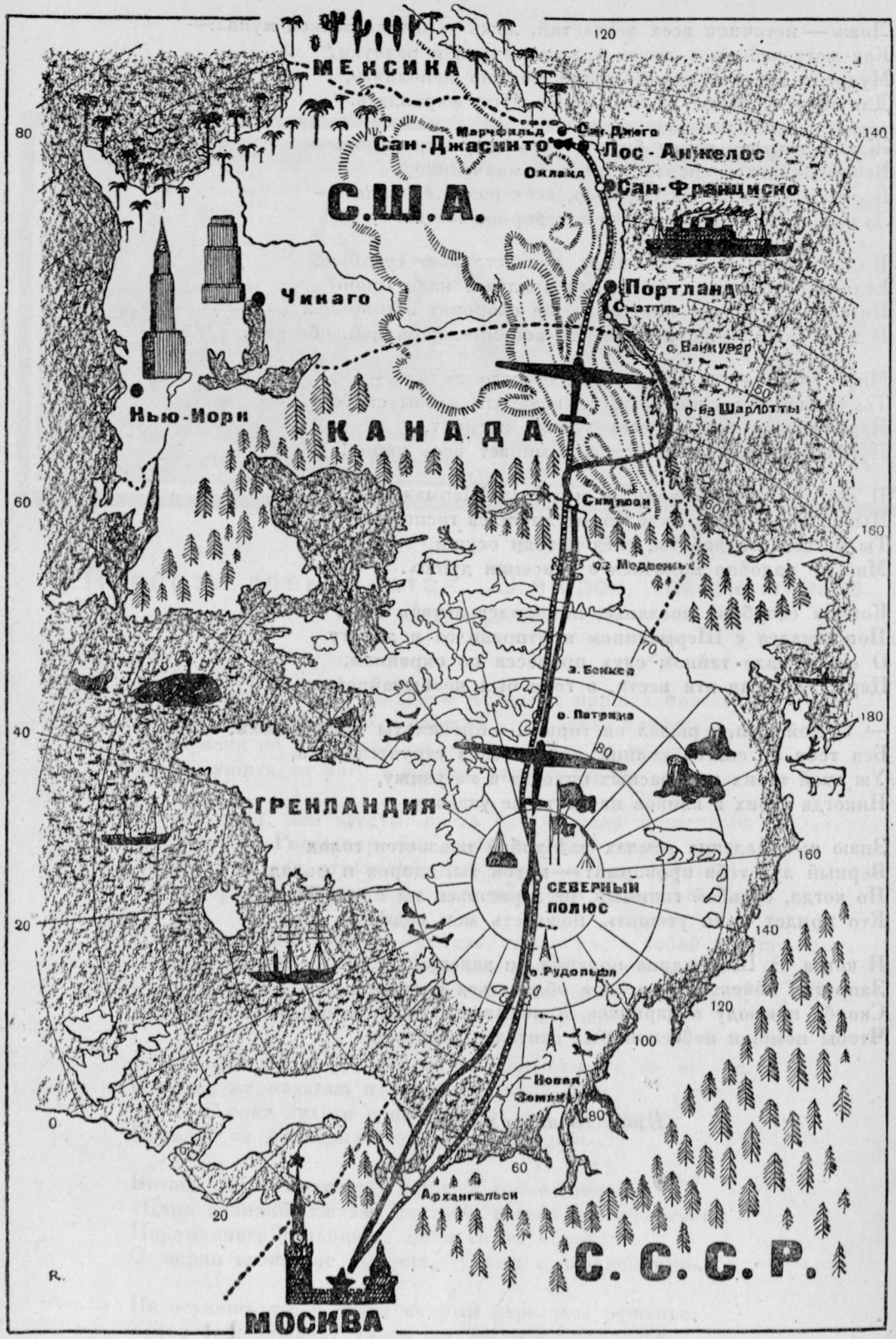
Кончив скорбное посланье, помолился витязь богу.
Попрощался с Шермадином и отправился в дорогу
О его от'езде тайном слух пронесся по окрайнам,
Царь, услышав эти вести, в горе был необычайном.

— О мой сын,— рыдал он горько,— бросил ты меня навеки,
Без тебя не светит солнце, только слез струятся реки,
Уж очей твоих прекрасных никогда я не увижу,
Никогда твоих я кликов на охоте не услышу.

Знаю я: в далеких землях над тобой невластен голод,
Верный лук тебя прокормит — меток ты, здоров и молод,
Но когда, судьбой гонимый, не вернешься ты с чужбины,—
Кто придет меня утешить, пожалеть мои седины?

И когда от Шермадина получил он завещанье,
Запретил войскам в цветное облачаться одеянье.
Скорбь повсюду воцарилась, и молился каждый воин,
Чтобы помощи небесной был скиталец удостоен.

(Продолжение следует)



Мы привыкли к виду западного и восточного полушарий на картах земного шара. Карты северного и южного полушарий редко попадались нам на глаза. Только после великих перелетов советских летчиков из Москвы через Северный полюс в Соединенные штаты Америки массы людей заинтересовались, как выглядит земля, если посмотреть на нее со стороны Северного полюса.

Наши летчики первыми проложили самый короткий, самый прямой путь через не хоженное человечеством северное полушарие земли. До сих пор через эти места от Москвы до США человек прокладывал только воображаемые линии.

Командиры кораблей

На корабле слово командира—закон, обязательный для всего экипажа. Часто от одного слова командира зависит судьба корабля и людей. Поэтому, прежде чем сказать «да» или «нет», командир должен все взвесить, все учесть. Для этого командир должен быть уверен в себе и в своем экипаже, должен в совершенстве изучить свой корабль и экипаж, быть решительным и смелым, не бояться ответственности и не рисковать зря. Надо еще иметь твердую руку и верный глаз, чтобы не ошибиться в полете, а особенно на взлете и на посадке, когда неверное движение грозит гибелью.

В. П. Чкалов.

Герой Советского союза Валерий Павлович Чкалов в 1919 году молодым кочегаром пошел добровольцем в Красную армию, поступил в летную школу и скоро стал знаменитым летчиком.

2 мая 1935 года на аэродроме товарищ Сталин спросил Чкалова, почему он в самых трудных положениях до последней минуты не пользуется парашютом.

Чкалов ответил, что старается спасти машину.

— Ваша жизнь дороже нам любой машины,— сказал товарищ Сталин.

Год назад Чкалов сказал «да» и провел свою машину по Сталинскому маршруту. Но когда обледенение перегрузило самолет, Валерий Павлович Чкалов сказал: «Нет, лететь дальше нельзя»— и совершил изумившую весь мир своей точностью посадку на крошечном островке.

Поэтому партия и правительство доверило ему сложную задачу первого перелета из Европы в Америку через полюс. Чкалов и здесь сказал «да» и оправдал высокое доверие товарища Сталина, партии и правительства.

М. М. Громов.

Герой Советского союза Михаил Михайлович Громов теории летного дела учился у знаменитого профессора Жуковского.

Громов бомбил белых на фронтах гражданской войны, совершал замечательные перелеты, прогремевшие на весь мир, выпускал в воздух учеников — будущих пилотов — и необлетанные советские самолеты. Он стал лучшим советским летчиком.

Первым в СССР Громов совершил прыжок с парашютом с безнадежно падающего самолета. На горящей машине с оторвавшимся в воздухе мотором он сумел совершить блестящую благополучную посадку. На самолете «АНТ-25-РД» он поставил мировой рекорд дальности по замкнутой кривой, пролетев в 1934 году 12 411 километров.

Почетное и трудное задание партии и правительства о перелете из СССР в США через Северный полюс тов. Громов выполнил четко и точно, так, как привык выполнять все ответственные задания.

Вторые пилоты

Самый сильный, самый выносливый человек не может управлять самолетом бессменно трое суток подряд.

Самый опытный летчик с трудом может уследить и за мотором и за приборами, по которым прокладывает путь, и за картой, и за расходом бензина. Нужен помощник, которому можно в любой момент передать управление.

Не так-то просто найти правильный путь по необлетанной трассе сквозь толщу облаков, непроницаемыми стенами окружающих самолет. Для прокладки пути на самолете есть штурман, но и его надо сменять. Значит, второй пилот должен быть и летчиком, и механиком, и штурманом.

Г. Ф. Байдуков.

Герой Советского союза Георгий Филиппович Байдуков — верный помощник Чкалова.

Лет двадцать назад на глухой сибирской станции забрался «зайцем» в товарный вагон девятилетний мальчик. Он стал беспризорным, а потом попал в детский дом, в ремесленную школу, оттуда он вышел кровельщиком. Восемнадцатилетний кровельщик Байдуков поступает в летную школу и скоро становится летчиком-испытателем.

Мотор и самолет Байдуков знает как инженер. Он умеет принимать радио наслух и работать ключом. Он быстро и точно делает сложные астрономические наблюдения и вычисления, без которых невозможно провести самолет по намеченному пути. К тому же Байдуков — прекрасный решительный летчик, неутомимый в полете. Не даром даже такое ответственное дело, как посадку на финише первого перелета через Северный полюс, Чкалов доверил ему.

А. Б. Юмашев.

Майор Андрей Борисович Юмашев — летчик-испытатель, рекордсмен, имя которого вписано в таблицы мировых рекордов высотных полетов с нагрузкой в 5 и 10 тонн.

Юмашев прекрасно изучил слепой полет еще тогда, когда это дело было совсем новым в Союзе. Он так же, как и Байдуков, умеет быстро и точно делать самые сложные расчеты. Он был художником, но бросил кисть, чтобы взять винтовку. В 1918 году он пошел добровольцем в Красную армию громить из пушек белые банды. В 1924 году Юмашев сделал первый самостоятельный полет и скоро стал одним из лучших летчиков-истребителей.

Когда вслед за первым самолетом через полюс в Америку пошел второй, Громов взял Юмашева и без страха передавал в его руки штурвал самолета, а вместе с ним свою жизнь, судьбу корабля и судьбу всего этого рекордного перелета.

Штурманы

Наметить путь, прочертить его по карте — дело командира корабля, а дело штурмана — следить, идет ли корабль по этому пути, и, если пилот сбился, если ветер снес машину в сторону, если обманул путевой компас, штурман должен сообщить командиру об ошибке и указать, как выправить ее. Хронометры, угломерные приборы, указатели сноса, скорости и высоты, карты, таблицы, сводки и расчеты — вот материал и инструменты, с которыми работает штурман в полете. Солнце, луна, звезды, земля и радиомаяки — ориентиры, по которым штурман находит дорогу.

Хороший штурман ведет воздушный корабль строго по курсу, а это много значит. Каждое отклонение от намеченного пути — это лишние километры полета.

А. В. Беляков.

Герой Советского союза Александр Васильевич Беляков начал работу в авиации летнабом.

В это время он сидел «пассажиром» на самолете, бомбил врагов и корректировал стрельбу артиллерии. В работу он вкладывал все свои знания и постепенно, не обучаясь специально этому делу, стал одним из первых авиационных штурманов в СССР.

Вместе с Байдуковым он летал главным штурманом в перелет Москва—Варшава—Париж, вместе с Чкаловым он в 1936 году участвовал в перелете по Сталинскому маршруту.

Он безошибочно находит дорогу для самолета в любых условиях. Командир легендарного корабля «АНТ-25» Чкалов говорит о нем:

— Когда в штурманской кабине сидит Александр Беляков — это полная гарантия, что самолет вовремя придет в назначенное место.

С. А. Данилин.

Военный инженер Сергей Алексеевич Данилин, штурман корабля Громова,—испытанный работник. Он начал работать в авиации хронометражистом еще в 1920 году, когда Красный воздушный флот только рождался. Теперь же по его учебникам учатся тысячи будущих штурманов.

Еще в 1929 году в большом испытательном перелете командиров лучших эскадрилий Данилин как по ниточке провел самолет летчика Козлова. Он облетал все воздушные дороги Европы. Это он рассчитывает и прокладывает путь сотням воздушных кораблей, когда они мощными колоннами проходят над Красной площадью 1 Мая и 7 ноября.

Он хладнокровен, уверен в себе и своих знаниях. Другим и не мог быть человек, который провел тяжелую машину по неизведанной трассе с такой точностью, с какой не ходят и поезда.

Этот снимок сделан с самолета. На нем изображена центральная часть Лондона. Справа — знаменитый Тоуэрский мост, за ним — доки. Слева, на той стороне Темзы, — Тоуэрский замок.

Островная империя

Петр Сажин

В дальнее плавание

Около года я плавал по Балтийскому морю кочегаром на пароходе «Рошаль». Наш пароход стоял на линии Ленинград — Гамбург — Ленинград. Такие пароходы моряки называют «трамваями» и недолюбливают их. Надоедают одни и те же порты.

Я все время мечтал о дальнем плавании. Особенно меня тянуло в Англию. Англичан считают самыми искусными мореплавателями, и Англию называют «владычицей морей». Почти во всем мире на кораблях заведены английские порядки и мореплаватели стараются пользоваться морскими картами, составленными англичанами. В Лондоне с давних пор существует страховая пароходная компания «Ллойд». В книгах «Ллойда» записаны все корабли мира и фамилии капитанов. В конторе «Ллойда» можно навести любую справку о каждом пароходе. Агенты «Ллойда» сообщают обо всех пароходах, где бы они ни были и что бы ни делали, — в конторе «Ллойда» все известно.

Желание мое осуществилось: меня перевели на корабль, отправляющийся в Англию, в Лондон. Пять суток мы болтались в море. Северное море встретило нас таким штормом, что даже видавшие виды моряки с трудом перенесли его. За все время, пока мы плыли от германского порта Куксгафена до устья Темзы, нам не встретился ни один корабль. Между тем Северное море является самой оживленной морской дорогой мира. Здесь пересекаются пути в Норвегию, Бельгию, Францию, Данию, Германию и Англию. Очевидно, ни один капитан не решился в такую погоду выйти из порта.

Порт

На шестые сутки шторм утих. С очередным приливом мы вошли в Темзу. И все забылось. Ярко сияло ноябрьское солнце, такое редкое и прекрасное здесь в это время года! В ста милях от устья Темзы, около живописных холмов Серрея, расположен Лондон.

Когда пароход входит в Темзу, то даже бывалого моряка поражает необыкновенное движение по реке. С моря идут вереницы кораблей, им навстречу, обмениваясь гудками, спешат в море караваны из Лондона.

Над рекой движутся густые облака дыма, словно это не река, а пыльная дорога, по которой гонят стада овец.

Город берет свое начало от предместья Гринвич. Здесь находится знаменитая Гринвичская астрономическая обсерватория. С борта корабля видны серые строения обсерватории и известная всему миру каменная стена с солнечными часами и гринвичским меридианом. Меридиан ничего особенного не представляет. Просто на стене снизу вверх проведена черная широкая полоса, точно соответствующая меридиану, пересекающему в этом месте Англию. Полосу эту хорошо видно с корабля даже невооруженным глазом.

Гринвичский меридиан имеет огромное значение для науки и особенно для мореплавания. По нему ведется астрономическое счисление. Гринвичский меридиан соответствует нулю, т. е. является начальной из тех линий, которые разрезают земной шар от Южного полюса до Северного. Географические карты мира составлены в точном соответствии с гринвичским меридианом.

От Гринвича Темза входит в гранитные берега и значительно сужается. Лондонцы эту часть Темзы называют «лужей» («pool»). «Лужа» — это, конечно, шутка. Темза — глубокая река с очищенным дном. Она может принимать корабли-гиганты. Вытянувшись в цепочку, корабли стоят до Лондонского моста (Лондон-бридж). Этот мост расположен в самом центре города.

Корабли разгружаются не только у гранитных берегов реки: сотни их стоят в доках у складов. Доки — искусственные бассейны, вырытые вдоль реки. Они соединены с рекой шлюзами с тяжелыми воротами.

Во время прилива, когда вода в Темзе поднимается, шлюзы открываются, корабли тихо входят в доки и становятся под навесы пятиэтажных складов. Когда в доках не хватает причалов, корабли становятся в несколько рядов и ждут своей очереди.

Лондонский порт — самый большой в Англии и один из крупнейших в мире.

Первые англичане

Наш пароход бросил якорь в самом центре города, возле Лондонского моста.

Как только на берег был перекинут трап, к нам явилась таможенная полиция, а вслед за ней — торговцы с большими корзинами, набитыми галантерейными товарами, парикмахер со складным стулом и с чемоданчиком, в котором был полный набор инструментов, и портной с портфелем, в котором лежали образцы материалов, метр и пара модных журналов.

Он был чистенько одет, вежлив; особым, изящным жестом снял шляпу и только тогда приступил к делу.

— Не хотите ли заказать костюм, сэр? — обратился он к нашему повару, который стоял как Тарас Бульба, широко расставив ноги и уперев руки в тучные бока. И не дожидаясь ответа повара, который при слове «сэр» лихо закрутил ус и ухмыльнулся, портной начал его обмерять, приговаривая:

— Чудесный рост! А грудь! Я в первый раз встречаю такую. Вам не придется подкладывать вату: природа сама позаботилась о вас. Талия? — здесь портной запнулся, так как не хватало длины метра, чтобы опоясать повара. Но замешательство его продолжалось только один миг. С профессиональной ловкостью он провел метром вокруг тучного торса повара и счел обмер законченным.

— У вас божественная фигура, сэр. Я сошью вам костюм, в котором вы будете выглядеть Аполлоном.

Каждый из торговцев оставил несколько рекламных карточек с адресом своих предприятий. Я зажал одну из них в руках. На ней было написано:

«Мужской портной Джозеф Симпсон.
Лондон. Уайтчэпель».

Все на этой карточке мне было понятно, кроме слова «Уайтчэпель». Уайтчэпель! Что же это такое? Я спросил нашего боцмана Кириса.

— О! — многозначительно сказал он, — это занятная штука. Вечером пойдем — я тебе покажу.

Я ждал вечера и смотрел на город, который с заходом солнца стал мрачным и

Вот как выглядит лондонская улица днем.

скучным. Кончался день. Закрывались учреждения. Усталой толпой пешеходы брели через Лондонский мост к своим домам. Высоко над ними, прислонившись к перилам моста, стоял, точно памятник, полисмен. Толпу раздвигали двухэтажные красные омнибусы, отчаянными гудками выпрашивая дорогу.

Англия! Я никогда не представлял ее такой. Я никогда не думал, что первый англичанин, с которым мне придется встретиться, будет бродячим цирюльником, не говоря уж о портном и сапожнике, хотя я знал, что мы, моряки, обычно приходим в любую страну с черного хода и в первую очередь встречаемся с теми людьми и с той жизнью, о которой ничего не знают туристы, останавливающиеся в богатых отелях.

Уайтчэпель

Был вечер. Двухэтажный автобус остановился около улицы Мидльсекс-стрит, в Восточном Лондоне. Мы вышли и направились по какой-то уличке в сторону. Уличка была плохо освещена. Дома, похожие один на другой, тянулись бесконечно. На неровно замощенной мостовой всюду валялись обрывки бумаги, банановые шкурки, ореховая скорлупа и окурки. На узких панелях играли мальчишки. Они были одеты в живописные костюмы: у одного на куртке не хватало пуговиц, фалды были разодраны в лохмотья, а ботинки давали весьма смутное представление о том, что они когда-то были сделаны из кожи; у другого вместо штанов болтался только один кушак, а шерстяные высокие чулки были изодраны в нескольких местах; третий сидел у стены и молча обгладывал тресковую кость. Хотя было очень прохладно, как это вообще бывает в Лондоне по вечерам, они все были без шапок. Навстречу попадались одинокие согбенные фигуры. Иногда тарахтела тележка продавца жареных каштанов.

— Где мы? — спросил я молчавшего все время Кириса.

— Мы в Уайтчэпеле, — задумчиво ответил боцман.

Вот что значит Уайтчэпель! Узкие улицы, безрадостные дома, грязь, вонь, продавцы жареных каштанов, одинокие бродяги, оборванные ребятишки, пивные — значит, это все и есть Уайтчэпель.

Только человек, хорошо знающий эти места, мог здесь ориентироваться. К нам приставали какие-то старухи, протягивая спички. В Англии нищенство запрещено, и поэтому тот, кому нечем прокормиться, должен что-нибудь делать — хотя бы продавать. Все отлично знают, что от продажи коробки спичек старуха не будет сыта, и поэтому ей дают больше, чем стоит ее товар.

Иногда панель преграждал безногий инвалид войны, передвигающийся при помощи роликов, укрепленных на маленькой площадочке, на которой он стоял своими обрубками. Грудь его была увешана железными медалями. Пониже этих побрякушек висела надпись: «блайнд» — слепой. Он по звуку шагов узнавал присутствие людей, быстро останавливался там, где нужно, и тоже протягивал спички. Он настойчиво повторял:

— Джентльмены, купите спички! Они зажигаются обо что угодно!

За Уайтчэпелем начинался округ Степней со знаменитой китайской улицей Лаймхауз. Можно не ходить в Степней и Лаймхауз: там то же, что и здесь: такие же улички, двухэтажные домики с отдельными выходами для каждой квартиры, с одинаковыми занавесочками, с одинаковой нищетой и сопутствующей ей грязью.

Уайтчэпель, Степней, Лаймхауз — все это носит общее название Ист-Энд, что значит — Восточный конец. Здесь живет больше двух миллионов рабочих, ремеслен-

ников, мелких торговцев, бедняков, имеющих случайные заработки, и бродяг, живущих подаяниями.

Ист-Энд — самый типичный район рабочего Лондона. Если нужно узнать, чем и как живет Лондон, нужно идти сюда.

Мы пришли в уличку, где жил Симпсон. Кирис взялся за кольцо, висевшее на двери, и сделал им несколько ударов. В лондонских квартирах нет звонков. Посетитель либо ударяет молоточком, висящим у двери, либо кольцом. Существует определенный порядок для ударов: почтальон — два удара, рассыльный телеграфа — два двойных удара, посетитель или гость — частые, дробные удары.

Навстречу вышел хозяин. Теперь он был похож на портного со всеми своими аксессуарами: с метром, наперстком и насаженными в жилете булавками.

Симпсон жил в типичной квартире лондонского бедняка-ремесленника, состоящей из комнаты в полуподвале и двух крохотных комнат в первом этаже. В Лондоне, как и во всей Англии, квартиры расположены вертикально, а не горизонтально. То есть внизу обычно помещаются кухня и столовая, а вверху — спальня и гостиная. Но такие квартиры имеют только зажиточные. Обычная же квартира лондонского рабочего в Ист-Энде как две капли воды похожа на ту, которую занимал Джозеф Симпсон.

Внизу, в полуподвале, у него была и кухня, и столовая, и гостиная, и его мастерская. Вверху — две крохотных комнаты, в которых едва умещались кровати. На одной из них спал он с женой, а на другой — четверо детей.

Никаких удобств, кроме водопровода на кухне. Моются в жестяной ванне в этой же комнате, около камина, для которого не всегда удается купить уголь.

Джозеф Симпсон живет в страшной бедности. Для того чтобы пойти к нам на пароход и получить заказ, он брал у закладчика пальто, шляпу и ботинки. В Англии нет городских ломбардов. Закладными операциями ведают частные лица. В Ист-Энде особенно много закладных контор. Над лавкой закладчика нет обычной вывески. Ее заменяют три золоченых шара. Эта эмблема осталась еще от средних веков, и завезена она в Англию, кажется, из Италии итальянскими банкирами. У закладных лавочек всегда оживленно. Особенно много дела закладчику в субботу, когда рабочие, придя с получкой, выкупают свои вещи к воскресенью, и в понедельник, когда все закладывается обратно.

Окончив примерку костюма, Симпсон тяжко вздохнул.

— Да, — сказал он, держа в зубах булавку, — шью костюмы, шью брюки, шью пальто, и как будто не обижаются. Но штопать не умею. Не умею! И что ни делал — не умею штопать собственных дыр. В мясную лавку — должен. Булочнику — должен, и я не знаю, что бы стал делать, если бы не ваши заказы...

Провожая нас, Симпсон мечтательно закатил глаза и сказал:

— Я хотел бы себе сшить крылья, чтобы улететь отсюда...

Бедный Симпсон! Уайтчэпель никого еще не сделал счастливым.

Город-колосс

Лондон — город контрастов. Если в Ист-Энде и Заречной слободе тянется на несколько миль самая неприглядная нищета, то в Западном районе все утопает в роскоши. Кварталы Бэлгревия и Мэйфер, расположенные возле Сент-Джемского и Букингемского королевских дворцов, — районы аристократии. Здесь не ходят трамваи и мало омнибусов. Тишина, покой, сады вокруг домов. Единственно оживленные улицы в этом районе — Бонд-стрит, Пикадилли и Риджент-стрит. Здесь самые лучшие магазины, отели, концертные залы, выставочные салоны. Бриллиантовые колье, шотландское сукно, меха, сигары ценою чуть ли не в десять рублей штука, шолковое белье, коллекционные вина — грудами этих товаров украшены витрины магазинов.

В Лондоне очень много парков, но в Ист-Энде я не видел ни одного клочка зелени, если не считать тщедушного парка Виктории.

Все парки и наиболее знаменитый из них Гайд-парк расположены в западной и северной частях города. Все парки—собственность короля. Лондонские парки замечательны тем, что по траве их можно ходить, бегать, — словом, делать все, что заблагорассудится. В воскресные дни тысячи лондонцев проводят время в парках. Сюда приходят семьями. Тащат с собой завтрак. Располагаются на газонах; дети бегают взапуски или гоняют мяч; взрослые часто спят где-нибудь в тени деревьев.

В некоторых парках, как например Гайд-парке и Ричмонд-парке, на свободе пасутся овцы и олени.

Иностранцы, когда приезжают в Лондон, удивляются тому, что в английских парках можно валяться на траве.

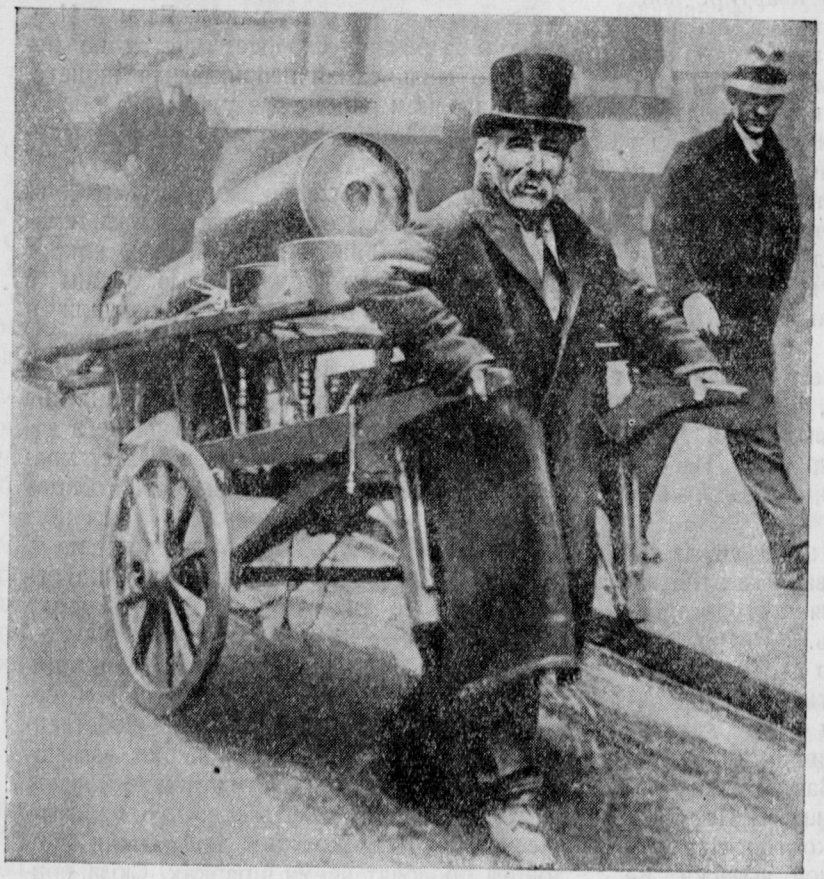
— Скажите, — спрашивают они у англичан, — как это вы делаете газоны, что по ним можно бегать и они не теряют своей свежести?

— Очень просто, — отвечают англичане, надо поливать и стричь машинкой траву, и делать это ежедневно в течение 300 лет.

Иностранцы верят этой шутке. На самом деле росту травы помогает сырой климат Англии.

Наиболее популярен Гайд-парк. Здесь каждое воскресенье собираются огромные толпы людей и с утра до вечера раздаются голоса ораторов. Гайд-парк — место для митингов. Здесь обсуждают все вопросы, какие только могут возникнуть на свете.

Обычно с утра сюда приезжают отдыхающие и располагаются на лугах. Вдруг откуда ни возьмись к группе отдыхающих подходит человек со складным стулом и книгой подмышкой. Он ставит стул на траву, взбирается на него и начинает говорить, время от времени заглядывая в книгу. Сначала к нему подходят любопытные, за ними—другие, и не проходит пяти—десяти минут, как его окружает целая толпа. Вскоре рядом появляется другой оратор с такой же раскладной скамеечкой и вступает в спор с первым. Разгорается диспут с острыми шутками («джок»). Англичане любят шутку и весело хохочут. Иногда диспут между ораторами переходит в брань. Это еще больше подогревает интерес публики, и она не расходится до конца спора.



Таких смешных старичков, одетых в старое, поношенное пальто, в потрепанных ботинках и... в цилиндре, нередко можно встретить в Уайтчэпеле. Они торгуют с тележек жареными каштанами, собирают утиль, развозят уголь, овощи и молоко. На фотографии: лондонский старьевщик. Ему нечасто приходится улыбаться, и на этот раз он улыбнулся лишь по просьбе фотографа.

„Золотые джунгли“

Один из любопытнейших районов Лондона— Сити. Это как бы город в городе. Здоровье человека узнают по пульсу, состояние Лондона и всей Англии можно узнать по Сити.

Днем в Сити трудно передвигаться. Мне приходилось подолгу простаивать на углу Ломбард-стрит в ожидании, когда полисмен остановит движение и можно будет перейти на другую сторону.

Но Сити полон движения только днем, после шести часов вечера город пустынен, словно жители его вымерли от внезапной и страшной болезни.

Сити называют «золотыми джунглями». Здесь сосредоточены все банки Лондона и Англии, биржи, конторы акционерных компаний, страховые общества, страховое пароходное общество «Ллойд» и т. д.

Примерно две тысячи

лет назад на месте Сити стоял небольшой кельтский поселок — Лондон. В то время Англия была завоевана римским императором Цезарем. Римляне возвели здесь укрепленный лагерь, обнесли его стенами с башнями, перекинули через Темзу мост, на холме, где сейчас стоит собор Павла, построили храм богини Дианы и проложили дорогу к Дувру, откуда и направлялись через пролив на континент. После ухода римлян на месте их лагеря вырос торговый поселок, со временем ставший столицей Англии.

Теперь в Лондоне живет 9½ миллионов человек. Лондон — величайший город мира. Население его почти равно Парижу и Берлину, вместе взятым.

Темза делит Лондон пополам. Через нее перекинуто 25 мостов, а под ней проложены 4 туннеля. Ежедневно в порт приходит несколько десятков пароходов и шхун. К многочисленным вокзалам города подходит ежедневно 9 тысяч поездов. Площадь, которую занимает современный Лондон, равна 700 квадратным милям. Площадь же Сити, на которой первоначально возник Лондон, не превышает одной квадратной мили.

Но на этой маленькой площади сосредоточено все финансовое управление одной пятой мира.

Интересен квартал Вестминстер. Здесь, рядом со старым зданием монастыря, стоит огромный дворец с высокой башней. Это английский парламент. Англичане его называют просто «дом». Здесь заседают выборные представители, обсуждая законопроекты. В одной из галлерей этого «дома» стоит памятник Вильяму Шекспиру, а у ног его лежит плита, поставленная в честь артиста Гаррика, который лучше всех исполнял роли в шекспировских пьесах.

«Дом», или Вестминстерский дворец, как он официально называется, очень велик. Здесь сотни комнат.

В 1605 году ирландец Гай Фокс с группой сторонников хотел взорвать парламент в то время, когда там шло заседание. Но бочки с порохом, которые он закатил в подвалы парламента, были обнаружены, а Гай Фокс и его сторонники схвачены и казнены. С тех пор прошло уже свыше трех веков, но до сих пор еще сохранился обычай — перед началом заседания сессии парламента пристав палаты в сопровождении солдат, одетых в старинные одежды, обходит все подвалы.

От площади парламента по небольшой улице Уайтхолл можно выйти к Трафальгарской площади — это центр города. Здесь все правительственные учреждения, военное министерство и адмиралтейство. Посреди площади возвышается колонна со статуей адмирала Нельсона.

Трафальгарская площадь знаменита не только тем, что она является центром города: Трафальгарская площадь является местом политических демонстраций. В истории Англии есть много славных страниц, когда возмущенный народ приходил сюда со своими требованиями. Демонстранты шли из других городов Англии, здесь к ним примыкали рабочие и ремесленники Ист-Энда и Заречной слободы, и все вместе, грозной толпой в несколько сотен тысяч людей, шли сюда. С подножья колонны Нельсона ораторы призывали к борьбе. Во время всеобщей забастовки 1926 года, охватившей весь рабочий класс Англии, на этой площади происходили грозные демонстрации. Сюда приходили углекопы—делегаты шахт Уэльса, манчестерские ткачи — участники голодного похода — со своими требованиями.

Лондон типичен для всей Англии. Чтобы познакомиться с жизнью Англии, можно не ездить дальше Лондона. Роскошь и нищета, набожность и лицемерие всюду одинаковы: нищета Ист-Энда ничем не отличается от нищеты в Ливерпуле, Манчестере, Глазго и других городах Англии.

Портной Симпсон редко топит свой камин: ему не на что купить угля.

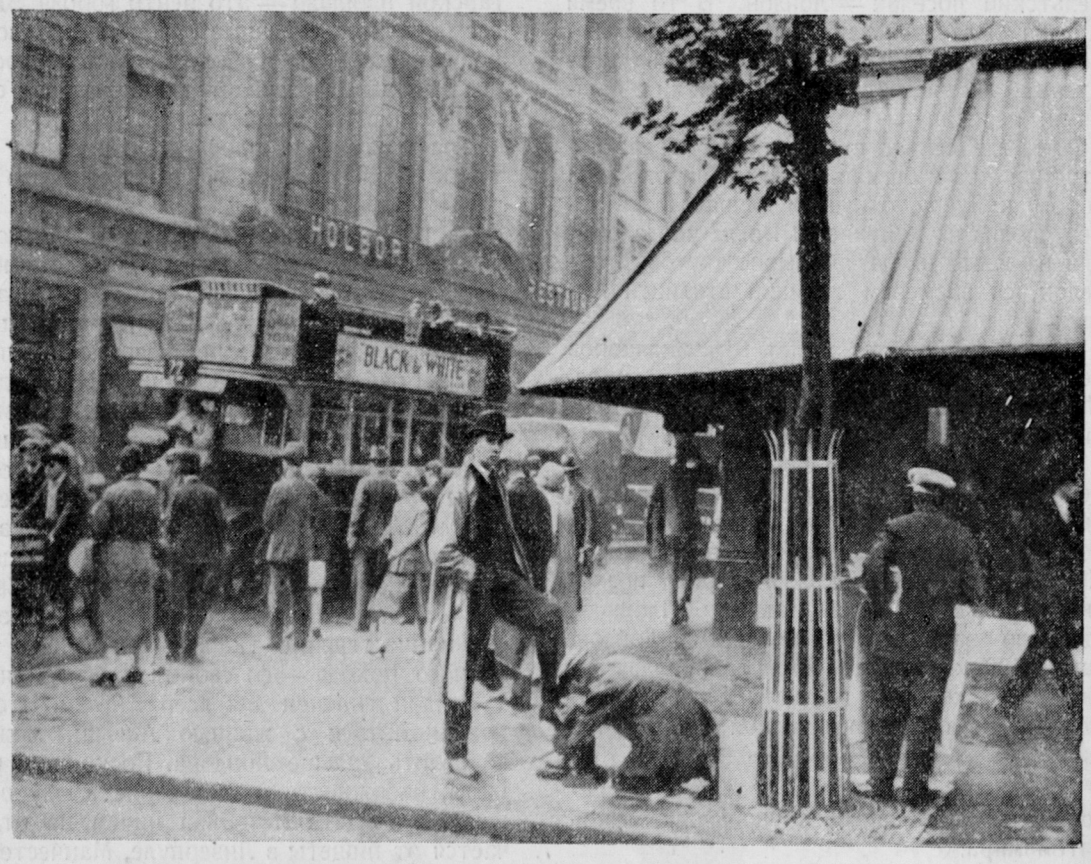
В домах английской аристократии камины топят дубовыми бревнами вышиной в человеческий рост.

Нигде в Англии различие между бедным и богатым не бросается в глаза так, как в Лондоне.

Англичанин

У меня завелся один друг, англичанин. Он был такой же моряк, как и я. Я ходил с ним вместе на кино, на матчи бокса, в парки, а один раз даже ездил на скачки в Ипсом. Но так я и не мог понять, что он за человек. Умеет ли он грустить, или мечтать о чем-нибудь красивом, или сердится, когда капитан обзывает его скотом,— мне не удалось этого выяснить. Я не хочу сказать, что все англичане похожи на него. Но есть что-то общее. В основном это очень хороший, здоровый народ, но там, где мы готовы возмутиться или расплакаться, англичанин молчит.

Из старых детских книжек мы привыкли представлять себе англичан рыжебородыми,



Двухэтажный автобус, переполненный пассажирами, чистильщик сапог, стоящий на коленях перед франтом, пешеходы, ждущие остановки движения, чтобы перейти на ту сторону улицы,— это типичная сценка лондонского перекрестка.

с трубкой в зубах и в клетчатых костюмах. Это неверно. Англичане есть всякие: рыжие, черные и блондины, высокие и низкие, с тяжелыми подбородками и с мягкими, округлыми. Одни из них курят трубки, другие — сигареты.

Англичанина трудно понять, если не побывать дома у него. Он говорит: «Мой дом — моя крепость. Сюда не может войти даже король».

Я думаю, что мнение об англичанах как о скучных людях сложилось случайно. В этом виноваты клерки. В деловом банковском центре Лондона — Сити — служат несколько сот тысяч этих самых клерков. К 9 часам утра они со всех концов города с'езжаются к станции метро Уотерлоу и оттуда идут пешком через Лондонский мост к своим конторам; нет более серого и скучного зрелища, как это их шествие через мост.

Представьте себе десятки тысяч людей, одетых почти в одинаковые костюмы, с трубками в зубах, на ходу читающих газеты «Дейли мейль» и «Дейли геральд»; десятки тысяч людей в одинаковых котелках и с усиками — это ужасно, но не пробуйте по ним судить обо всех англичанах. Клерки — это особая категория английских служащих, вымуштрованных, безмолвных, малокультурных и очень отсталых по взглядам людей.

Моряки, верно, очень не любят Англию Здесь рано закрываются рестораны. Вообще жизнь в Лондоне замирает с 10 часов вечера.

Особенно скучно в Англии в воскресные дни. В это время все закрыто, кроме церквей. Состоятельные англичане на воскресенье уезжают в Париж. Большинство же жителей уезжает на побережье моря — в это время железнодорожные билеты стоят дешевле. Те же, кто остается, либо молятся либо гуляют по паркам.

И когда англичанам говорят: «Как же вы

так живете? Можно умереть со скуки», — они неизменно отвечают: «Это вам кажется».

Все дело в привычке. А в Англии привычка — все. Совершенно неузнаваемым англичанин становится на спортивных состязаниях. Он вскакивает с места, подбадривает того, за кого болеет. Англичане — самые страстные «болельщики». Англичане очень любят спорт. На большие соревнования приезжают из других городов, с противоположных концов Англии.

Особенно популярны в Англии футбол, конный спорт, крикет и теннис.

Островная империя

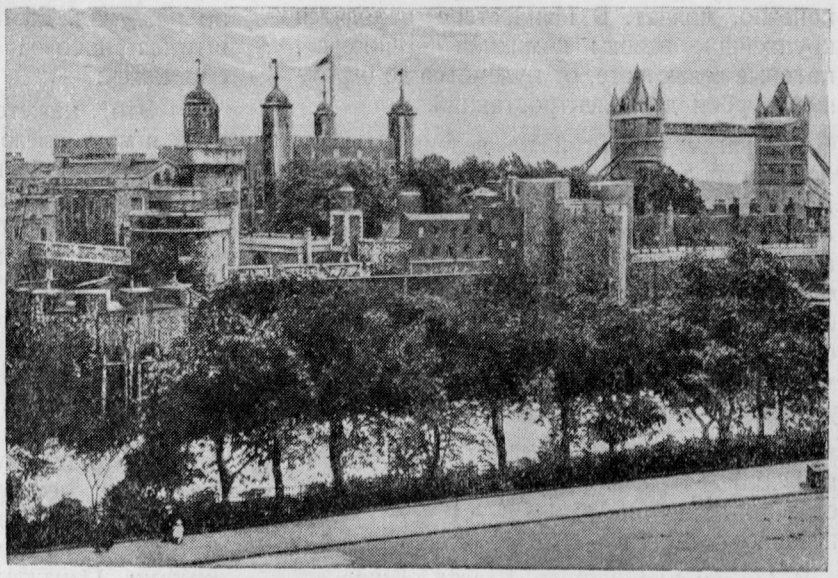
Англию называют «островной империей». Вся она состоит из больших и маленьких островов. Эти острова, вместе взятые, не больше Камчатки. Но Англия стоит в ряду великих держав. Ей принадлежит почти полмира: Индия, Канада, Австралия, Сингапур, Новая Зеландия и другие ее колонии составляют огромное многомиллионное государство. Одних цветных подданных Англия насчитывает около 400 миллионов. Сила Англии заключается в ее колониях. Путем зверской эксплоатации своих «подданных»: индусов, негров, малайцев, арабов — Англия высасывает из колоний все богатства. Без колоний ее никто не стал бы считать великой державой. Ежедневно в Лондонский порт приходят корабли с товарами. Они привозят почти все: шолк, серу и хлопок — из Египта; рис—из Бирмы; пшеницу, масло и сыр — из Канады; шерсть и благовония — из Австралии; яшму, хлопок и табак — из Вест-Индии; свинец — из Сингапура; слитки серебра и меди — из Малой Азии и из других стран.

Но в колониях таится и слабость Англии. Национальное угнетение, нечеловеческая эксплоатация, обнищание основного населения колоний вызывают недовольство; то и дело вспыхивают восстания и забастовки в Индии, Австралии и других колониях. Они проходят под красными знаменами, под лозунгами об'единения всех трудящихся на борьбу с угнетателями. В этой своей борьбе колониальные народы берут пример с народов Советского союза. Октябрьская революция и успехи социалистического строительства в СССР показывают им, как надо бороться с угнетателями.

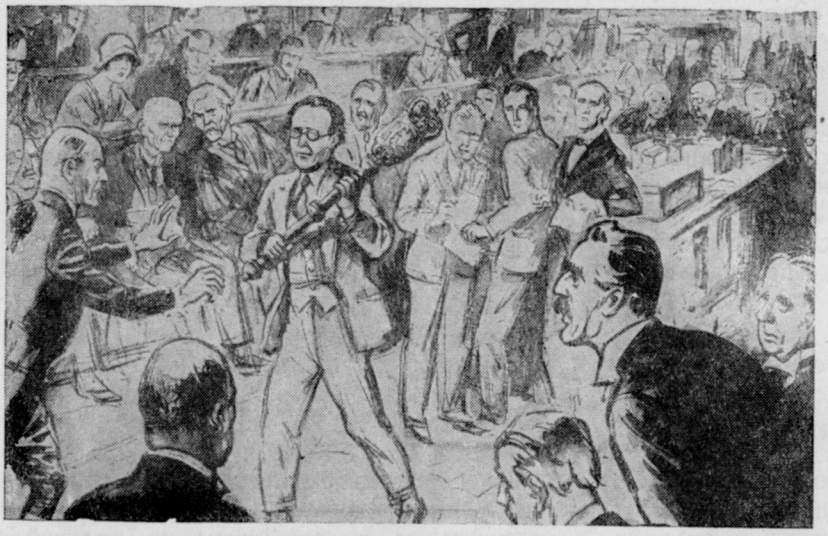
В самой Англии сельского хозяйства почти нет. Почти вся земля находится в руках английских аристократов. На большей части ее ничего не сеется и не жнется. Все это леса да парки, в которых много дичи: лисиц, зайцев и оленей. Когда какому-нибудь лорду становится скучно в Лондоне, он выезжает в свое имение и охотится в лесах.

Лорды рассуждают так: «Зачем нам портить свою природу, когда все мы можем получить по дешовой цене из колоний». И действительно, все колониальные продукты очень дешевы, потому что добывают их там для англичан рабы. Хотя закон о рабстве и отменен, но английские капиталисты в своих колониях эксплоатируют цветных не хуже чем рабов.

У себя на островах Англия имеет крупные заводы, фабрики, уголь и черный металл. Все промышленные районы расположены на северозападе от Лондона. Наиболее известные из них — Манчестер и Бермингэм. Самая тонкая шерстяная и хлопковая нитка крутится на прядильных фабриках Манчестера. Этому способствует



А это знаменитый Тоуэрский замок. Ему около тысячи лет. Здесь с момента основания Лондона жили короли Англии. С XV века Тоуэр стал тюрьмой.



Английский художник зарисовал депутата Бекетта, когда он, схватив жезл спикера, бежит с ним из парламента.

влажный климат Англии. Для выработки тонкой и ровной нитки нужно, чтобы в цехах был влажный воздух. В Англии эту влагу дает сама природа. Но сколько рабочих калечится из-за этого, заболевая ревматизмом и туберкулезом! Влажный спертый воздух помогает крутить тонкую и ровную нитку — английские фабриканты хвалятся этим, но о том, что от влаги и спертого воздуха в цехах гибнут рабочие, они, конечно, молчат. В Манчестере находятся крупнейшие заводы компании «Виккерс», которые делают все, от пулеметов до огромных турбин для электростанций.

Бирмингэм — третий по величине населения город в Англии после Лондона и Глазго. Он расположен в срединной английской равнине. Его называют «черным краем». В Бирмингэме находится одна треть всех доменных печей Англии. Здесь плавится чугун, варится сталь и изготовляются огромные, в несколько тысяч тонн весом, машины и крохотные, в несколько граммов, украшения из серебра и золота.

Англия — гигантская мастерская. Сырье, привозимое из колоний (хлопок, сера, медь, серебро, дерево, шолк, шерсть и т. д.), здесь перерабатывается в готовые изделия.

В Англии есть король. Власть официально принадлежит ему, но фактический хозяин Англии — кучка капиталистов, так называемый кабинет министров во главе с премьер - министром. Они вершат делами всей страны. В Лондоне, на небольшой узенькой уличке Даунинг-стрит, в доме № 10, помещается казенная квартира премьер-министра. Здесь происходят заседания министров, на которых решаются судьбы Англии. Почти как правило, премьер-министр является в то же время крупнейшим капиталистом. Бывший премьер-министр Стэнли Болдуин — самый крупный капиталист Англии. Он является владельцем 28 железоделательных, сталелитейных и алюминиевых заводов и 8 каменноугольных шахт в Бирмингэме. Нынешний премьер-министр Невилль Чемберлен — тоже очень крупный фабрикант. Вот кто управляет страной. Королю же позволяется принимать верительные грамоты от послов и говорить торжественные речи при открытии парламента. Про короля Георга V, не так давно умершего, ходит такой анекдот: однажды, присутствуя на заседании парламента, он хотел что-то сказать, но раздумал. Достал из своих королевских штанов носовой платок и тихо сказал сморкаясь:

— Это, кажется, единственное место, куда я могу смело совать свой нос.

Английская буржуазия восхищается своим парламентом, но его влияние на политику страны не очень большое. Парламент, конечно, принимает новые законы, иногда отменяет старые, но чаще всего превращается в дискуссионный клуб, ибо судьба закона, который выносится на обсуждение и утверждение в парламент, заранее уже была решена министрами. Английский парламент не принял еще ни одного закона в пользу народа. Вот почему он не может называться народным, демократическим. Английский парламент — игрушка в руках богачей. Дискуссии в парламенте иногда кончаются драками. Однажды произошел такой случай: один депутат, желая прервать заседание, вскочил со своего места, подбежал к столу, где сидел спикер (председатель

палаты, регулирующий прения), и схватил лежавший перед ним жезл. Сунув его подмышку, он выбежал из здания парламента. Заседание прервалось, так как, по обычаю, без жезла спикер не мог вести его. Заседание возобновилось только после того, как нарушителя уговорили вернуться в палату и отдать жезл.

Вообще заседания парламента похожи на театральные представления. Спикер приходит на свое место в парике и мантии и садится на мешок набитый шерстью, а перед собой кладет жезл. Без этого не бывает ни одного заседания. Это делается по традиции. Так было двести лет назад, так делают и сейчас.

Даже теперь, когда весь мир потрясен наглым вторжением итальянских и германских фашистов в Испанию, в английском парламенте мало что изменилось.

Так же медлительно председатель палаты проходит к своему месту, садится на мешок, звонит в колокольчик. И начинается томительная процедура прений. На заседании палаты 20 апреля 1937 года, происходившем в те дни, когда героические баски уничтожались бомбами с самолетов интервентов и испытывали нужду в продовольствии, прения шли в обычном парламентском порядке. Члены палаты, горячась, задавали вопросы министру, министр увиливал от прямого ответа и обещал «изучить» вопрос. А вопрос был простой: английское правительство запретило своим пароходам заходить в порты Бискайского залива. Мол, там много мин, и корабли могут взорваться. Члены палаты опровергали это, ссылаясь на сообщения испанского правительства, приводили факты. Было сообщено о том, что капитан английского парохода «Севен Сиз Сирэй» благополучно прошел в Бильбао и выгрузил под приветственные крики басков муку, бобы, соль. Капитан сделал это на свой страх и риск. Об этом сообщалось во всех газетах. Английский министр на запрос ответил, что он такими данными не располагает.

Даже тогда, когда один из членов палаты напомнил, что баски во время мировой войны потеряли 30 пароходов, перевозя продовольствие для Англии, а Англия сейчас благодарит их за это тем, что отказывается провезти продовольствие для умирающих от голода детей Басконии,— министр не смутился и ничего не ответил.

На заседании палаты 1 июня текущего года, собравшейся после разгрома немецким фашистским кораблем «Дейчлянд» беззащитного города Альмерии, один из членов палаты задал такой вопрос:

— Выразило ли британское правительство правительству испанского народа свое сочувствие в связи с гибелью женщин и детей Альмерии?

Министр Иден ответил:

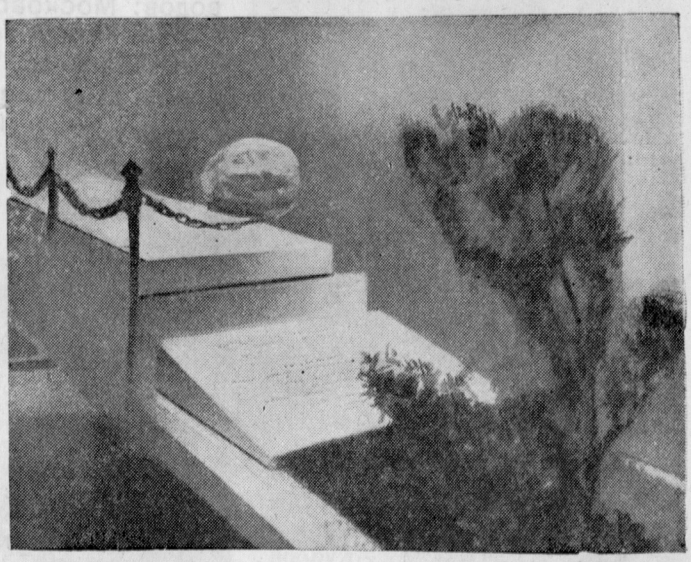
— Мы сожалеем, что произошло на корабле «Дейчлянд». Мы также сожалеем о том, что произошло в Альмерии.

Это типичный парламентский ответ министра, из которого нельзя понять, о чем же больше всего сожалеет английское правительство.

Политика Англии не делается парламентом: она творится министрами-капиталистами, которые плетут ее хитро, втайне от парламента. Английский парламент — это вывеска, под которой мало что есть, кроме болтовни. Когда-то английский парламент приводил в восторг приезжавших в Англию путешественников. Сейчас никого не удивляет эта устаревшая служанка английского капитала. Там произносятся заученные речи, задаются пережеванные вопросы и выслушиваются невозмутимые ответы.

Великая могила

В последний день пребывания в Лондоне я отправился в северную часть города, к



Могила Карла Маркса (на переднем плане).

парку Хемпстед-хис. Это один из красивейших парков. Неподалеку от него, на окраине города, на улице Мейтленд-парк род, 41, долгое время, до самой смерти, жил величайший мыслитель и вождь пролетариата Карл Маркс. Он часто гулял в этом парке. Здесь, в маленьком домике на Мейтленд-парк род, 41, он и умер. Его похоронили на кладбище Хай-гет, расположенном недалеко от Хемпстедт-хис.

Поднимаясь с холма на холм, я вскоре очутился у железной ограды кладбища. Я разыскал сторожа и вместе с ним направился к великой могиле.

У одной могилы я увидел большой букет живых красных роз. Около нее сторож остановился.

— Здесь, — сказал он.

Я долго стоял у могилы, охваченный раздумьем. Могила Маркса неприметна на кладбище Хай-гет. Вокруг нее нет ни ограды, ни ничего другого приметного. Нет даже скромного памятника или портрета. Тяжелая каменная плита лежит сверху. На ней перечислены покоящиеся под ней: Маркс, его жена Женни, малолетний внук Лонге и Елена Демут — друг семьи Маркса, верно служившая ей в течение всей своей жизни.

Но все же, несмотря на то что могила эта затеряна среди могил безвестных лавочников, пенсионеров, клерков и прочих, тихо проживших свой век людей, она выделялась. Яркие, красные розы говорили о неугасающей любви к величайшему из людей. Неизвестная рука положила их здесь, эти красные цветы — символ революции, за которую он боролся и умер.

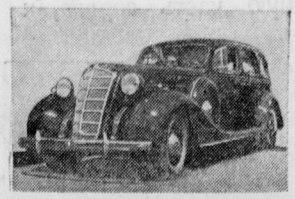
И мне вспомнились пророческие слова Энгельса, произнесенные им на могиле Карла Маркса в день его похорон 17 марта 1883 года:

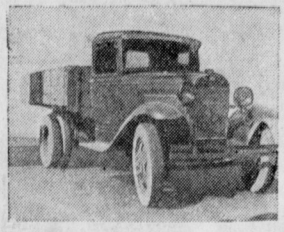
«Имя его переживет столетия, их переживет и его труд».

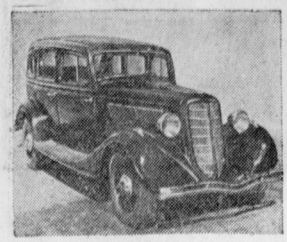
И это сбылось.

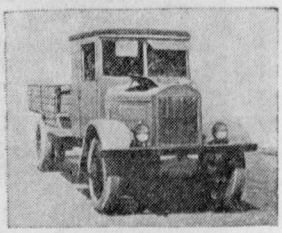
Автомобили и марки

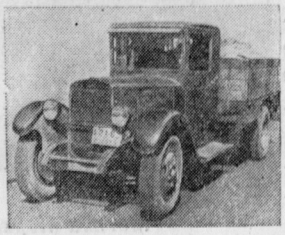
Наверху марки советских автомобильных заводов: Московского имени Сталина (ЗИС), две марки Горьковского имени Молотова (ГАЗ) и Ярославского. Внизу фотографии семи автомобилей этих заводов. Укажите, какая марка должна быть на каждом из этих автомобилей.

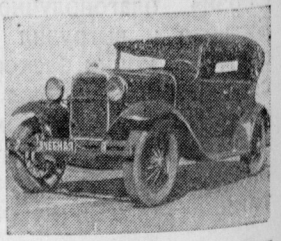


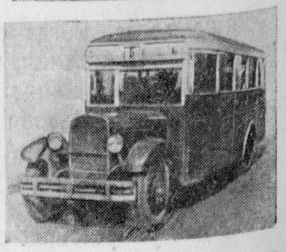












Джура и Тэке

Повесть Ю. Тушкана *Рис. В. Цельмера*

Часть 4-я. Маркан-су—пустыня смерчей

Глава первая

Узкая высокогорная долина втиснулась между горами к югу от озера Кара-Куль. Не видно на ней ни плодородных садов, ни лесов, ни кустарников. Куда ни глянешь—всюду камни; только кое-где между ними торчат сухие стебли полыни да небольшие кустики чия. Все здесь окрашено в серовато-желтый цвет: и камни, и земля, и даже одинокая крепость.

Много осад выдержала древняя крепость, и долго еще она простоит. Толстые зубчатые стены ее построены из глины пополам с ячменной мукой.

Над башней, на шесте, трепещет красный флаг. Частые бури разорвали его на длинные полосы, и при сильном, порывистом ветре полосы щелкают, как бичи.

На крепостной башне ходит с винтовкой сторожевой: он охраняет долину и партизанский отряд Козубая.

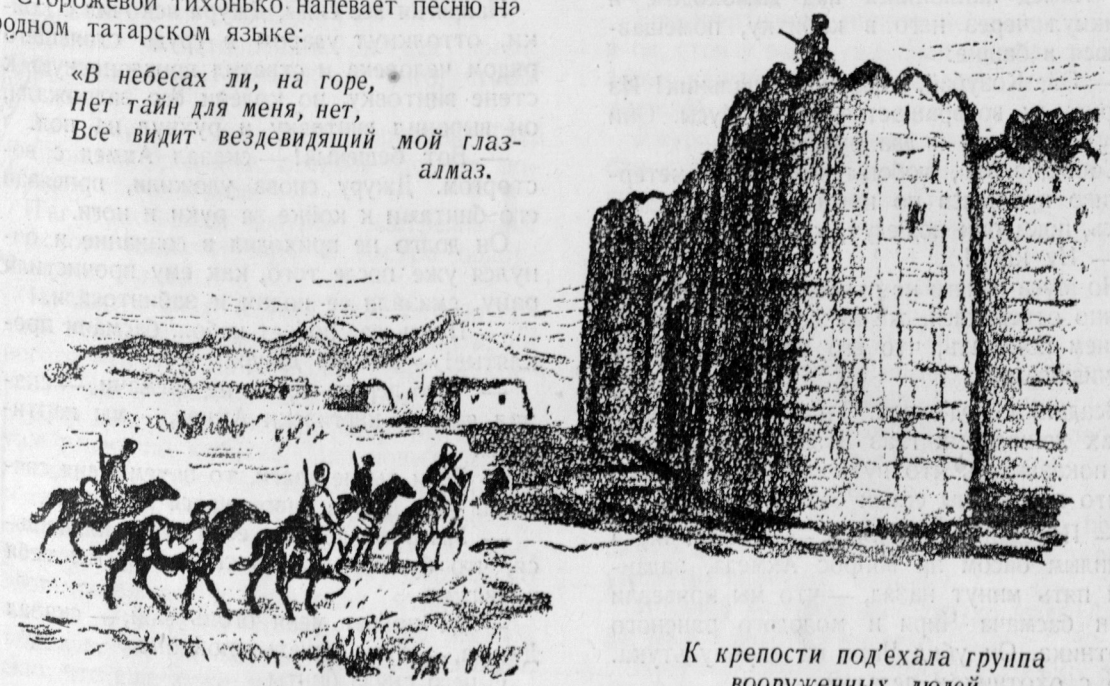
Сторожевой тихонько напевает песню на родном татарском языке:

«В небесах ли, на горе,
Нет тайн для меня, нет,
Все видит вездевидящий мой глаз-алмаз.
Вездеслышащее мое ухо —
Обо всех все я знаю — называю,
Айда, айда, айда!»

Услышав эту песню, каждый житель долины скажет, что это поет татарин Ахмед, первый весельчак в партизанском отряде. Много татарских песен и словечек Ахмеда гуляет по Памиру. Его любят партизаны и дехкане, и сам Козубай ценит его как хорошего следопыта.

Худощавый горбоносый Ахмед не может и секунды просидеть без движения. Напевая, Ахмед в такт притоптывает ногой. Это не мешает ему внимательно осматривать окрестности; но кругом видны только знакомые горы, да на другом конце долины виднеются юрты киргизского кишлака.

Мимолетная тень перечеркнула долину и на мгновение коснулась его губ. Этого ни-



К крепости под'ехала группа вооруженных людей.

чтожного повода, на который никто другой не обратил бы внимания, было достаточно, чтобы Ахмед резко оборвал песню и глянул вверх.

Высоко над горами летали орлы. Они кружились над северным горным проходом и с каждым кругом приближались к крепости.

Глядя на орлов, Ахмед понял, что они заметили мертвечину и что мертвечина эта не лежала, а, повидимому, перемещалась.

Еще никто не показался из горного прохода, но Ахмед увидел, что сурки на холме у горы встревожились, сели на задние лапки. По долине разнеслось их тревожное сюрчание. Они юркнули в норы. По этому сигналу спрятались в норах мыши и барсуки. Ахмед насторожился и вскоре увидел, как из горного прохода показалась группа вооруженных людей. Впереди на вороном жеребце ехал чернобородый удалец Муса, бесстрашный и отчаянный партизан, бравшийся за самые трудные дела.

Сзади него, на крупе жеребца, сидел худощавый, очень юный и очень вспыльчивый Джалиль, которого партизаны в шутку прозвали «порох». Джалиль вел за повод коня, на котором по обе стороны седла были привязаны два тела, а на луке седла висело два ружья.

За ними ехали еще три партизана, а далеко позади них бежал черный пес.

Увидев его, собаки, лежавшие возле юрт на джейляу, залаяли и помчались навстречу. Ахмед наклонился над дымоходом и крикнул через него в кибитку, помещавшуюся в башне:

— Эй, Козубай, товарищ начальник! Из Маркан-су возвращается отряд Мусы. Они везут два тела и два ружья.

Сообщив это, любопытный Ахмед нетерпеливо прошелся по крыше и, не дождавшись, пока они под'едут, крикнул:

— Ну как?!

Но Муса ничего не ответил, и Ахмед обиженно отвернулся, желая всем своим поведением показать, что его мало интересует случившееся.

Всадники под'ехали. Гнойные выпоты в углах лошадиных глаз и завалившиеся бока показывали, что путь был очень тяжел и что партизаны ехали без остановок.

— Передай начальнику, — ответил Муса хриплым басом на вопрос Ахмеда, заданный пять минут назад, — что мы привезли труп басмача Чиря и молодого раненого охотника. Он убил Чиря из карамультука. Что с охотником делать?

Ахмед передал это через дымоход. Из кибитки вышел Козубай. Это был пожилой круглолицый киргиз выше среднего роста. Одет он был в черный халат с длинными узкими рукавами, на голове у него была лисья шапка, а на ногах — мягкие сапоги. На киргизском матерчатом поясе, обмотанном вокруг него шесть раз, висел маузер в деревянной кобуре.

— Хорошо, — сказал Козубай, — очень хорошо. Наконец-то убит этот стервятник Чирь. Раненого охотника положите в лекарскую кибитку и скажите лекарю, пусть хорошо лечит. Иди, Ахмед, распорядись, пора сменяться.

*

Джура очнулся. Он увидел над собой потолок кибитки и трех наклонившихся над ним людей. Один из стоявших рядом людей — лекарь — тыкал блестящим железным прутом в рану. Боль становилась невыносимой, рану жгло.

Джура мгновенно вспомнил басмачей, вспомнил, как они мучили его раскаленным железом, погоню за Безносым и Чирем. Ему показалось, что в грудь ему опять всадили раскаленный шомпол.

— Куки, куки! — закричал он.

Почувствовав, что руки у него не связаны, Джура мгновенно ударил по голове лекаря, которого он принял за басмача. Человек упал, остальные растерялись.

Напрягая все силы, Джура вскочил с койки, оттолкнул ударом в грудь стоявшего рядом человека и схватил прислоненную к стене винтовку, но колени его задрожали, он выронил винтовку и рухнул на пол.

— Вот бешеный! — сказал Ахмед с восторгом. Джуру снова уложили, привязав его бинтами к койке за руки и ноги.

Он долго не приходил в сознание и очнулся уже после того, как ему прочистили рану, смазали ее иодом и забинтовали.

— Пусть вас побьет небо... басмачи проклятые! — шептал Джура.

— Чего дерешься, мы не басмачи, — сказал ему по-киргизски Ахмед, — мы партизаны.

— Если вы не враги, то зачем меня связали? — и Джура заворочался на койке.

— Мы твои друзья; если ты поклянешься, что будешь лежать спокойно, мы тебя развяжем.

— Да побьет меня огонь мой, — сказал Джура, — буду лежать спокойно.

С него сняли бинты.

— Спи, — сказал ему лекарь, и все трое вышли из кибитки.

Джура лежал в страшном возбуждении.

— Партизаны! — произнес он громко и вспомнил Ивашко. Джура пытливо посмотрел на двери, уж не идет ли Ивашко мстить ему за то, что он хотел его зимой зарезать.

Широко открытые глаза Джуры помутнели, он тяжело дышал. Ему послышался свист, тонкий пронзительный свист. Вначале тихий, он нарастал, ширился, и от него болела голова и стискивало грудь.

— А!.. Ааа! — закричал Джура и стал срывать повязки с груди.

Из раны пошла кровь. «Умираю», — подумал Джура и повалился с кровати на пол.

В дыре, прорубленной в толстой глиняной стене, заменявшей окно, показалась собачья голова. Это был Тэке.

Он спрыгнул на пол, подбежал и облизал лицо Джуры.

Вскоре в кибитку вошел партизан с едой для Джуры. Он увидел черного пса, который тотчас же кинулся ему навстречу. Партизан выбежал и позвал на помощь.

В кибитку вошло трое партизан с палками. Они хотели прогнать собаку.

Но Тэке бросался на них, хватал зубами за палки и кружился вокруг Джуры, защищая его.

Он исступленно лаял на партизан. Лекарь топтался у дверей.

Муса рассердился, вынул из кармана револьвер и прицелился в собаку, но Тэке, заметив наведенное на него дуло, начал прыгать из стороны в сторону.

Привлеченный лаем собаки, в лекарскую кибитку вошел и Козубай.

— Не тронь собаку,—сказал Козубай,— разве ты не видишь, что она защищает хозяина? — и, не обращая внимания на грозно рычащего Тэке, он подошел к раненому.

В движениях Козубая не было ни опаски, ни поспешности, ни преувеличенной осторожности.

Тэке умолк, отошел в угол и лег.

— Собаку не гоните: хозяину веселей будет, скорее поправится,—сказал Козубай и вышел из кибитки.

Глава вторая

Дни сменялись ночами, ночи — днями. Джура уже замечал это, потому что мгла, застилавшая его глаза, растаяла, вместе с ней исчезли тени мучивших его басмачей. Зажили раны от ожогов.

Больной и истощенный, он все время спал, просыпаясь только для того, чтобы поесть.

За Джурой ухаживал подросток Таг. В прошлом бродяжка, озорной Таг был любимцем всего отряда.

Таг восхищался Джурой, застрелившим опасного басмача Чиря, и быстро подружился с Тэке.

Но Джура спал, и Тагу было скучно сидеть возле раненого: ни тебе побегать, ни поговорить — и он убегал с Тэке за крепость, где устраивал собачьи бои.

Шли дни. Джура быстро поправлялся. Он уже ходил по кибитке. Мир новых людей, невиданных животных и вещей его удивлял и тревожил. Но, слишком гордый и самолюбивый, он старался сам, без чужой помощи, разобраться во всем. Он подолгу смотрел во двор, скрываясь в тени окна, чтобы кто-нибудь не заметил его и не поднял насмех, подумав, что он любопытен, как женщина, или, что еще хуже, что он выказывает удивление, недостойное мужчины.

Таг относился к нему с уважением. Еще бы, Джура застрелил Чиря! Джура скоро перестал его дичиться и стал с ним разговаривать.

Еще партизаны ничего не знали о нем, а он, стоя у окна, уже знал не только, как зовут каждого партизана, но и клички их лошадей.

Джура мысленно представлял себе Козубая старым, седым великаном непомерной силы, с голосом громким, как выстрел, одетым в богатые меха. Конечно, его всегда вели под руки.

Вскоре он увидел Козубая во дворе. Это был пожилой, плотный киргиз, одетый, как все; говорил он тихо и спокойно.

Вначале Джура не поверил, что это тот самый Козубай, а убедившись в этом, обиделся на то, что он не походил на воображаемый образ бесстрашного батыря, который Джура себе создал.

Но почтение партизан к Козубаю передалось Джуре, и он все же почувствовал уважение к этому человеку.

И когда Козубай выходил во двор, Джура жадно смотрел на него.

Козубай заходил к нему несколько раз, но Джура притворялся спящим.

Однако стоило только двери закрыться

за Козубаем, как Джура вскакивал и подбегал к окну. Он часами наблюдал, как Козубай командует строевыми учениями во дворе крепости. Джура следил за каждым его движением.

Козубай заходил утром, днем и вечером, а Джура все спал и спал.

Тэке уже не сидел все время в кибитке. Он убегал и подолгу не возвращался. Однажды Джура услышал злобный лай Тэке во дворе. Он подошел к окну и увидел, что Тэке, привязанный на длинной веревке, с лаем бросается на человека, одетого в толстый ватный халат, а этот человек его бьет.

— Не бей, не бей! — закричал Джура и выбежал во двор.

— Мы учим твою собаку. Спасибо скажешь потом.

Солнце его ослепило, и он на мгновенье остановился, прищурив глаза и закрыв лицо руками, а затем поднял камень и швырнул в этого человека.

— Остановись! — сказал по-киргизски Козубай, подходя к Джуре.—Мы учим твою собаку. Спасибо скажешь потом. Мы отучаем ее брать хлеб и пищу из чужих рук. Повторить! — приказал он.

Другой партизан закутался в халат, подошел к Тэке и бросил кусок лепешки. Взбешенный Тэке бросился на партизана, но лепешки не тронул, а обошел ее, как кусок раскаленного угля.

— Не надо этого, — сказал Джура, — я только прикажу, и он будет брать пищу только от меня.

Тэке отвязали, и он подбежал к Джуре, но Джура был еще очень слаб, и попытка внушения ему не удавалась. Тэке зевал, отводил глаза в сторону и махал хвостом: за время болезни Джуры Тэке успел подпасть под другое влияние.

— Пойдем, поговорим, — сказал начальник Джуре, — наконец-то ты проснулся.

Джура нехотя пошел за ним.

— Куда, куда?! — испуганно закричал лекарь. — Ему лежать надо, рана откроется, — и он схватил Джуру за руку и потащил в кибитку, но Джура тряхнул рукой — и лекарь упал на землю.

— Полегче,— сказал Козубай,— ишь ты, какой батырь!

Они уселись в кибитке Козубая. Джура бросал косые взгляды на стены, увешанные винтовками. Они висели даже на потолке. «Самый богатый человек», — подумал он о Козубае.

— Как тебя зовут? — спросил Козубай.

— Джура.

— Откуда?

— Из кишлака Мин-Архар.

— Где это?

Джура махнул рукой на восток и сказал:

— На север от Сауксая.

Начальник вынул из сумки карту и разостлал ее на коленях. Он долго водил по ней пальцем и потом сказал:

— Нет такого кишлака.

Джура побагровел, жилы на его висках вздулись, и он так посмотрел на начальника, что тот отодвинулся, положив руку на кобуру, и сказал:

— Ну, ну, чего сердишься? Меня зовут Козубай Ходжаев. Я воюю с басмачами, и ты их стреляешь. Ты убил очень хитрого, очень злого басмача Чиря. Значит, ты батырь. Я дам тебе винтовку, коня, и ты будешь партизаном в моем отряде.

— Басмач Тагай увез мою Зейнеб, и я убью его. Безносый жег меня железом — я зарежу его и выпущу кровь по капле,— сказал хмурясь Джура.

— Хорошо. Эй! — и Козубай хлопнул в ладоши. Пришел дежурный.

— Подай плов и кумыс, — сказал Козубай.

— А кишлак Мин-Архар есть, — говорил уже спокойнее Джура, продолжая начатый спор. — Зимой к нам из Дараут-Кургана партизаны приезжали, карамультук мой забрали.

— Неужели это Ивашко приезжал? — изумленно спросил Козубай.

— Не знаю, высокий такой, сердитый, сарысакал[1], с голубыми глазами, и с ним киргиз.

— Ну да, это Ивашко! Теперь я припоминаю, что это было год назад, когда я был в Дараут-Кургане. Так его ты зарезать хотел?

— Я хотел взять его винтовку, — ответил Джура.

— Ты убил басмача Чиря, и за это ты получишь его винтовку, — сказал Козубай, — вот она, видишь, отметка на прикладе! — и он показал на стену, где висели винтовки. — Ты хочешь поймать Тагая — очень хорошо. Но знай, что это опасный и большой курбаши, а Безносый — его помощник.

В кибитку вошло несколько партизан.

— Я нашел старого знакомого, — сказал им Козубай; обращаясь к Джуре, он продолжал: — Мы красные партизаны, мы отнимаем у баев лошадей, коров, овец, верблюдов, ружья и даем бедным.

— А ты сам тоже бай, — сказал неожиданно Джура.

— Он без головы, — сказал возмущенно Муса партизанам.

— Почему я бай? — спросил Козубай спокойно.

— Я видел твоих лошадей, овец, кутасов, — сказал Джура. — Посмотри, — и он показал на винтовки, висевшие на стенах,— какой ты богатый.

Партизаны засмеялись.

— У нас все общее,—сказал Козубай.— Эти винтовки отбиты у басмачей, они не мои, они наши, они принадлежат республике.

Джура удивленно поднял брови.

— Республика, — стал об'яснять ему Козубай, — это когда все, кто работает, собираются вместе и выбирают сами самого старшего аксакала, а потом младших аксакалов, и сами себе пишут закон. А мы охраняем от басмачей всех, кто работает. Понял?

К концу ужина у Джуры рассеялось чувство недоверия и тревоги. Принесли три больших блюда плова. Партизаны из соседних кибиток сошлись к Козубаю и сели вокруг блюд.

— Каждый из них герой, — сказал Козубай.—Верные большевики, храбрые. Друга на юбку не променяют. Таким и ты будь.

— Принимаем нового партизана, — сказал собравшимся Козубай, — это киргиз Джура, охотник. Он убил Чиря, налейте ему кумыса. Пей, — и он передал Джуре большую деревянную пиалу кумыса.

Джура выпил ее одним духом.

Все с любопытством смотрели на Джуру: немногие из них смогли бы выпить больше половины.

— Ну и силач, настоящий батырь! — радостно кричали присутствующие.

— Хороший партизан будет, — весело сказал Козубай.

Ночью Козубай проснулся от криков. Он выбежал во двор с револьвером в руках.

— Почему тревога? — спросил он.

Он крикнул сторожевого, но на башне никого не было. Сторожевой Шараф, связанный по рукам и ногам собственным поясом, катался по земле. Козубай подошел к нему.

— Джура пришел... и кричал, чтобы я отдал винтовку... я не давал... боролся, он сильный, как медведь. Сломал мне руку, винтовку взял и руку мне сломал, сам убежал... — со стоном говорил Шараф.

Козубай развязал его и выстрелил вверх.

[1] Сарысакал — рыжебородый.

Из всех кибиток выскочили партизаны. Защелкали затворы.

— На коней! — закричал Козубай. И вскоре несколько партизан поскакало ловить Джуру.

К утру они возвратились, но без Джуры.

Козубай сидел у себя в кибитке, злой и сердитый.

— Напрасно мы лечили Джуру, — сказал он вошедшему лекарю, — он ночью обезоружил Шарафа и сбежал с винтовкой.

— Да ведь он спит у себя в кибитке,— сказал лекарь.

Козубай быстро пошел к Джуре. Он распахнул дверь — и удивленно остановился на пороге: Джура спокойно спал, положив голову на винтовку.

Козубай разбудил его и спросил:

— Зачем ты ночью чатак [1] устроил, зачем винтовку отобрал и Шарафа связал?

— Ты сам мне сказал,—ответил Джура, садясь на кошме, — что винтовка Чиря теперь моя. Я вечером ее не взял, думал, возьму утром, а ночью очень соскучился по ней и пошел к тебе, чтобы взять ее. Сторожевой кричит: «Кто ходит?» Я влез к нему, смотрю: у него в руках моя винтовка. «Отдай», — говорю, а он не отдает, ну я ее и взял...

— А зачем ты ему руку сломал?

— Я не ломал, я только взял его за руку.

— Слушай, Джура, — спокойно сказал Козубай, — у нас все общее, и ты теперь тоже хозяин наших лошадей, овец, патронов. Но оружия у нас не хватает, и сторожевому выдается дежурная винтовка. Он не знал, что это твоя винтовка, — и, не сдержавшись, Козубай сердито закричал: — Ты должен был меня спросить, а не самовольничать, за самовольство у нас наказывают. Такой у нас закон. Увидишь непорядок — тащи винтовки ко мне. Понял? Эх, ты!

— Понял, — ответил Джура.

— Винтовки своей никому не отдавай. Патроны береги. Помни, что их мало.

Все это было сказано так строго, что Джура невольно встал с кошмы.

— На первый раз я тебя прощаю, — Козубай, положив руку на плечо Джуры, заглянул ему в глаза. Поняв, что Джура его послушается, он ушел.

Вернувшись в свою кибитку он вызвал Ахмеда и сказал:

— Что бы ни случилось, молодого охотника Джуру без моего приказа не трогать.

Глава третья

Прошло еще несколько дней. Джура не расставался со своей винтовкой и даже за обедом держал ее на коленях. Каждый день он ее чистил, разбирал и собирал. Постоянно целился в камни, птиц, горы, но не стрелял.

Воспитанный в горах, где дорого ценится каждый заряд, он и мысли не допускал, что можно стрелять так, просто в камень.

Держался он замкнуто и партизан избегал. Шараф боялся Джуру и всех уверял, что Джура — плохой товарищ и «немного сумасшедший».

Старые партизаны смеялись над Шарафом, но вновь принятые в отряд поглядывали на Джуру недружелюбно и презрительно.

Это оскорбляло его.

Однажды Джура притащил во двор крепости за шиворот двух молодых партизан.

— В чем дело? — сердито спросил Козубай, когда Джура швырнул обоих партизан на землю к его ногам.

Джура снял винтовку, болтавшуюся на ремне у него на шее, и ткнул дулом в сидевшего партизана:

— Эти синие ослы стреляли в камень — они хуже басмачей. Ты сам говорил: патроны беречь надо. Один патрон—один басмач. Еще ты говорил: «Не трогай виновных, а приводи ко мне», — вот я и привел.

Джура стоял, гордо подняв голову.

Козубай пытливо посмотрел и спросил:

— Скажи, Джура, когда ты был мальчиком, ты учился убивать камнями птиц?

— Учился и убивал.

— А они, — и Козубай показал на партизан, — они не охотники, а пастухи: они никогда не стреляли из карамультука. Понимаешь?

Джура понял, что он опять сделал промах, и рассердился.

— Я на охоте одной пулей двух козлов убивал, — заволновался он, — а они в одну минуту несколько патронов испортили.

— Пусть он сам попадет в камень на шестьсот шагов! Пусть попадет! — кричали обиженные партизаны, наступая на Джуру.

— Попадешь в тот камень? — и Козубай показал на камень, белевший на горе.

[1] Чатак — скандал.

Партизаны недружелюбно смотрели на Джуру. Он взял винтовку, быстро прицелился и выстрелил. От камня пошел дымок: это полетели осколки.

— Хорошо! — сказал Козубай и показал на орла, парящего высоко в небе.

Джура снова прицелился и выстрелил. Орел покачнулся и начал падать, цепляясь

Однажды Джура притащил во двор крепости за шиворот двух молодых партизан.

одним крылом за воздух: второе было у него перебито.

Джура с презрением посмотрел на партизан. Он увидел в их глазах изумление.

— Продолжайте стрелять, — сказал Козубай партизанам и увел с собой Джуру.

— Дикий ты! Как тебя только в отряд брать, не знаю. Подумаю, — сказал Козубай.

— Думай, — буркнул Джура.

Его охватили такая злость и отчаяние, что не будь это Козубай, не спустил бы он ему.

После этого случая Таг, восхищенный меткостью Джуры, по пятам ходил за ним и выполнял все его приказы. Даже бегал в кишлак и хвастал, что он друг самого меткого стрелка в отряде.

Джура окончательно выздоровел. Рана у него затянулась, и лихорадка перестала его трясти. Выздоравливая, он не лежал, а слонялся по кибиткам.

Джура каждый день доставлял Козубаю новое беспокойство.

Целыми днями он ходил за ним по пятам и все время расспрашивал о различных системах винтовок и револьверов. Однажды он пришел к нему поздно вечером и спросил:

— Вот Ахмед говорит, есть большая тысячезарядка, правда?

Козубай хотел спать, сердился, но отвечал.

— Это пулемет, он может выстрелить не тысячу, а сто тысяч пуль. Жаль, у нас нет.

Джура бежал к Ахмеду, который к этому времени тоже спал, будил его и говорил:

— Эй, Ахмед, проснись, что я тебе скажу: не тысячу пуль, а сто тысяч пуль тысячезарядка стреляет.

— Хорошо, — отвечал Ахмед и переворачивался на другой бок.

— А револьверы стозарядные есть?

Ахмед этого не знал, но, чтобы отвязаться, говорил:

— Есть, есть, ты у Мусы спроси, — и заворачивался в халат с головой.

Джура пошел к Мусе. Муса долго не хотел просыпаться, а проснувшись, ругался.

— Ты бешеный, — говорил он Джуре, — зачем ночью бегаешь, народ беспокоишь? Не все ли тебе равно, какое есть на свете оружие. Ведь у тебя только винтовка.

Джура сокрушенно вздыхал и шел спать. Ему снились битвы, тысячезарядки и пушки.

Партизаны вначале удивлялись его вопросам, но, узнав от Козубая, что Джура никогда не видел других людей, кроме жи-

телей своего кишлака, перестали удивляться.

Они рассказывали, что такое арба, Джура удивлялся и говорил: «Умный человек придумал». Они рассказывали ему о жизни узбеков, таджиков, об урусах. Говорили о прежней власти эмира, о дехканской власти, но Джура спрашивал их о кибитках, плывущих по воде, людях, летающих на железных кондорах, о тенях живых людей, которые можно увидеть на белой стене в темной комнате, и других таинственных вещах, о которых многие партизаны ничего не знали. Донесли Козубаю.

Козубай вызвал Джуру к себе и спросил, откуда он слышал обо всем этом. Джура рассказал о чародействе, которое ему показал бог гор в верховьях Сауксая, и о том, что говорил аксакал в кишлаке.

Козубай молча выслушал его и сказал:

— Правильно. Ты видел воду, кишлаки на берегу, базар. Никакого бога гор нет, арвахов нет. Это просто закым [1] в горах. Это бывает. Это часто бывает в пустыне. Видал пустыню? Нет? Это когда едешь десять дней, кругом один песок или камень и нет воды. Ты видел закым. Понял?

Джура не понимал Козубая, поэтому не верил, и ему было стыдно смотреть Козубаю в глаза.

Козубай понял это и велел позвать Ахмеда.

— Ахмед, — сказал Козубай, — ты бывалый и много видел и слышал. Расскажи Джуре о большом городе Ташкенте, о пароходах на Аму-Дарье, об аэропланах.

— Хорошо, — ответил Ахмед, — пойдем.

Они ушли в кузню, и Ахмед, искусный мастер, исправляя испорченное оружие, рассказывал Джуре о большом городе Ташкенте, об Аму-Дарье, о правилах вежливости, о том, что нельзя входить в кибитку, жуя пищу, этим обидишь хозяина, а надо выходить жуя.

Ахмед говорил о многом: о железном ящере-поезде, который возит людей, о том, как баи крали у дехкан воду. О многом узнал Джура впервые. Впервые он узнал о том, что если конь споткнется,—это хороший признак, потому что он споткнулся с будущую добычу. Они проговорили до поздней ночи.

В крепости было два места, где всегда можно было застать Джуру: у Ахмеда в кузне, где он помогал ему, или в атхане, где он проводил время с партизанами, ухаживающими за лошадьми.

В отряде было только тридцать три лошади, а бойцов около пятидесяти.

Лошадей для всех не хватало. Лошади были даны первым трем десяткам, а остальные партизаны ходили пешком или ездили на верблюдах и кутасах. Были и ишаки, но на ишаках никто ездить не хотел.

Джура осмелел и пристал к Козубаю с просьбой дать ему лошадь.

— Откуда я тебе возьму, ведь ты, наверное, и ездить не умеешь?

— Умею, — говорил Джура, — я с детства скакал на быстрых кутасах.

Но Козубай не дал ему лошади.

Однажды между молодыми партизанами зашел разговор о лошадях. Все хвалили недавно отбитого у басмачей молодого полудикого жеребца.

— А тебе-то на нем не усидеть, — поддразнил Джуру присутствующий при споре Шараф. Они поспорили, и хотя без разрешения Козубая лошадей брать запрещалось, решили взять жеребца, пользуясь тем, что Козубай с утра уехал.

Партизаны взобрались на крышу вновь построенной около крепости кибитки и с восхищением смотрели на рыжего жеребца, которого вывели Шараф и еще один партизан.

Жеребец храпел, перебирал ногами и рвался. Шараф в седло всадил гвоздь.

Джура подошел к жеребцу и взялся за седло. Жеребец задрожал и вздыбился.

Партизаны еле удерживали его.

Выждав момент, когда жеребца подвели ближе, Джура ловко прыгнул, очутился в седле, жеребец стал надыбы, прыгнул и помчался бешеным галопом.

Камни и комья глины летели из-под копыт.

Все с восхищением смотрели на эту бешеную скачку, но больше всех радовался Джура. Сжав коленями бока жеребца, он как бы прирос к нему.

Жеребец бил задом, становился надыбы и не слушался повода. Он мчался к обрыву. Джура пытался сдержать его, рвал удила, разорвал ему губы, но жеребец все несся вперед.

У обрыва он сделал несколько поворотов на месте и сорвался вниз. Джура вылетел из седла.

Скатившись с невысокого обрыва, Джура вскочил на ноги и, не оглядываясь, пошел в сторону от крепости. Он не смог усидеть на жеребце! Позор!! Теперь все над

[1] Закым — мираж.

Джура ловко прыгнул, очутился в седле, жеребец стал надыбы, прыгнул и помчался бешеным галопом.

ним будут смеяться. Что другим до того, что раньше он ездил верхом только на кутасах, а лошадей узнал только в крепости!

Помощник Козубая, Козицкий, возвратился в этот день из длительной поездки на юг. Ему рассказали все новости и прежде всего об охотнике Джуре из района Сауксая.

Козицкий сразу же заинтересовался Джурой. Из разговоров о Джуре он понял, что молчаливый и гордый Джура не сразу расскажет ему все, что его интересовало.

Поэтому, когда Козицкий узнал о проделке Шарафа, он вскочил на коня и помчался за Джурой.

Он понимал, что этот случай дает ему возможность заслужить доверие Джуры и что после этого Джура будет с ним вполне откровенен. Не переодевшись после приезда, черный от загара, с облупившимся носом, скакал он на жеребце, высматривая Джуру.

Многое говорили о Козицком. Говорили, что он бывший курбаши белых урусов Анненкова, говорили, что он знает разные языки, но толком никто ничего не знал.

Достоверно было известно только, что он лучше всех знает Памир и не раз помогал захватывать банды басмачей, чем и заслужил доверие Козубая, став его помощником.

Небольшого роста, с черной бородкой клинышком, он одевался по-киргизски и брил голову. «Совсем киргиз», — говорили о нем партизаны.

Козицкий нагнал Джуру через час. Джура стоял потупившись: ему было очень стыдно.

— Посмотри, — сказал Козицкий. Джура поднял голову и увидел, что Козицкий протягивает ему гвоздь. — Он был в седле, — пояснил он. — Ты не виноват, что упал с жеребца.

Выхватив гвоздь из рук Козицкого, Джура побежал в крепость и на бышаю, где стоял на часах Шараф, но тот выстрелил в воздух. Выбежавшие партизаны схватили Джуру и заперли в кибитку. Таг, обидевшись за Джуру, бросал камнями в Шарафа, и его тоже заперли вместе с Джурой.

Козицкий приехал позже и, узнав обо всем, освободил Джуру и увел его, оскорбленного, к себе в кибитку.

Пользуясь тем, что Джура взволнован, Козицкий постарался выведать у него, что он знает о районе Сауксая.

Долго говорили они. Козицкий был страшно поражен, узнав, что Джура, повидимому, нашел золото погибшей части экспедиции Марко Поло.

Джура рассказал ему о рисунках на золотых чашах и на блюдах, и Козицкий, волнуясь, курил без перерыва, выспрашивая все новые и новые подробности. Тускло горел светильник в табачном дыму.

— Не может быть, это ошибка, роковая ошибка, — бормотал он по-русски.

Когда же Джура упомянул о золотой доске длиной в локоть, на которой было что-то написано, Козицкий понял, что ошибки быть не может... Он вскочил с койки, подошел к Джуре, сидевшему на кошме, и, впившись пальцами в плечо, сказал:

— Клянись, клянись!

Джура встряхнул плечом и гордо отодвинулся.

Козицкий овладел собой, сел опять на кровать, закрыл глаза и, сжав пальцами переносицу, задумался.

Джура долго ждал, пока он заговорит, и, не дождавшись, пошел к двери.

Козицкий вернул его обратно. Узнав, что Джура и Кучак достали из щели не все курджумы, он оживился и заставил Джуру несколько раз повторить, где это происходило, какие горы и реки они переходили, и наносил все эти сведения на карту. Записав все это, он устало зевнул и посмотрел на Джуру, как смотрит змея на мышь.

Джура поймал этот взгляд и тотчас же почувствовал беспокойство.

Как только двери за Джурой закрылись, Козицкий достал бутылку китайской водки и стакан.

Выпив залпом стакан, он шумно понюхал ладонь. Потом долго сидел молча, обхватив руками голову. Снова налил стакан до краев и выпил залпом. Икнул, понюхал ладонь, и ему захотелось закусить. Он опьянел. Заметив на столе кусок киргизской лепешки, он сбил ее на пол, пробормотав: «Осточертело», — и открыл сундук, на котором сидел.

Оттуда пахнуло затхлостью и плесенью. Порывшись в одежде, он вытащил со дна дырявый мешочек со старыми ржаными сухарями. Переезжая в крепость, он с'ездил за Ферганскую долину и захватил сундук с сухарями, и вот от них остался только один мешочек. Порывистым пьяным движением он высыпал сухари на стол. Из них выскочил таракан и побежал по столу.

— Ага-ага! — радостно закричал Козицкий, как будто увидел старого знакомого. Он поймал таракана и привязал его ниткой за заднюю ножку.

Налив водки, он пробормотал: «Поехали за сокровищами!» — и отпустил нитку — таракан побежал по столу. Когда он достиг противоположного края, Козицкий притянул его за нитку обратно и, сказав: «С приездом вас»,—выпил водку, плюнул, передернулся и, шумно опять понюхав ладонь, принялся грызть сухарь. Он невнятно бормотал, разговаривая сам с собой:

— Эх, одни мы с тобой истинно русские среди этих азиатов!

— Поедем за сокровищами, — пробормотал он и отпустил нитку, таракан побежал через стол, потом он его притянул за нитку обратно и, сказав: «С приездом»,—опять выпил.

— Эх, таракан, таракан! — бормотал Козицкий. — Но ничего, спокойствие, прежде всего спокойствие. Дайте только срок, будет вам и белка, будет и свисток.

Долго бормотал так Козицкий и, наконец, уронив голову на стол, заснул.

Проснулся он утром. Опохмелился. Пожевал сухой чай, чтобы отбить запах водки. Заметив на столе таракана на нитке, брезгливо передернул плечами и щелчком сбил его на пол.

— Мерзость, вот до чего доходишь. С ума сойти можно, — проворчал он.

★

Дней через десять Козицкий вызвал Шарафа к себе и сказал:

— Не сердись, что я рассказал Джуре о гвозде. Но Козубая не было, и этот дикарь мог убежать, а я бы отвечал. Хочу загладить обиду и дарю тебе револьвер.

Он дал ему браунинг.

Шараф обрадовался, заткнул револьвер за пояс и важно вышел во двор.

Джура, увидев револьвер, захотел иметь такой же.

— Куда тебе! — хвастливо сказал Шараф. — Я не побоялся Козубая и отнял револьвер у аксакала из соседнего кишлака.

— А кто этот аксакал? — поинтересовался Джура.

— Бывший басмач, — сказал Шараф уходя.

Днем Козубай приехал, а Козицкий уехал на разведку. Вечером Джура пошел в соседний кишлак и учинил там обыск у аксакала в поисках револьвера.

Но не успел он окончить обыск, как примчался взбешенный Козубай с десятком партизан; и вскоре Джура сидел уже в арестантской.

Козубай долго говорил с Джурой, а утром он вызвал к себе Ахмеда, приказал ему выбрать среди партизан пять человек и отправить их с Джурой охотиться на архаров.

— Дехканам об'яви, что Джуре на первый раз вину надо простить. Он еще не привык ни к дисциплине, ни к людям. В отряд поступать ему еще рано. Он очень меткий стрелок, пусть лучше заготовляет мясо архаров на зиму. Будет старшиной охотников, а потом посмотрим.

Когда Козицкий возвратился, Козубай рассказал ему о Джуре.

— Зря! Я бы расстрелял, чтобы другим неповадно было.

Козубай внимательно посмотрел на Козицкого, но ничего не сказал.

На другой день, еще затемно, охотники уехали на верблюдах в Маркан-су, мимо озера Кара-Куль.

К вечеру на третий день вдали показался возвращающийся караван.

Таг побежал навстречу.

Впереди на двугорбом мохнатом верблюде ехал Джура и мурлыкал себе под нос песенку: «Вот я еду и везу пятнадцать архаров, а другие сидят на убитых мною архарах и везут только свою зависть и неудовольствие, что убили по одному, по два архара! О, плохие охотники!»

Подбежал Таг и попросил поводок. Джура бросил ему веревку, продетую в нос верблюда. Таг гордо пошел впереди, ведя за веревку первого верблюда, на котором сидел Джура.

Вскоре они достигли крепости. Таг ввел переднего верблюда во двор, дернул за веревку, и верблюд с пронзительным криком согнул передние ноги и стал на колени, потом подобрал под живот задние ноги и лег.

С шутками и смехом отвязывали партизаны архаров, поздравляя охотников с удачной охотой.

Все пять охотников быстро пошли в кибитку Козубая.

— Что случилось? — спросил Ахмед Джуру.

— Так, ничего! — ответил Джура. — Я убил пятнадцать архаров, они по одному, по два.

Ахмед пошел к Козубаю. Уже открывая дверь в кибитку, он услышал сердитые голоса.

— Мы пошли охотиться,— говорил один из охотников,— а Джура, вместо того чтобы охотиться вместе, охотился один.

— Он не может охотиться с другими,— сказал второй.

— Если бы мы их окружили, мы бы настреляли штук сорок,— сказал третий.

— Он, как его собака. Тэке грыз наших собак и гнал архаров в другую сторону, на Джуру!

— Мы не будем охотиться с ним!

— Идите, отдыхайте,— сказал Козубай, а когда все вышли, спросил Ахмеда:

— Как думаешь? Что делать с Джурой? Не уживается с партизанами, не уживается с охотниками — все один и один. Беда!

— Пусть один и охотится,— сказал Ахмед.

Джура обрадовался, когда узнал об этом. Тагу он сказал, что возьмет его с собой на охоту. Для него он попросил у Ахмеда старый карамультук и немного боеприпасов.

Таг ходил с карамультуком за спиной и старался говорить грубо и походить на Джуру.

За пять дней охоты Джура один убил восемнадцать архаров. Таг убил двух.

— Дай свою одиннадцатизарядку,— говорил Джура Козубаю, жадно глядя на английскую винтовку, висевшую над постелью Козубая,— я тебе сразу пятьдесят архаров привезу.

— Не могу, — сказал Козубай, — ее мне подарил чекист Кузьмин, очень храбрый кизил-аскер. Он ни огня, ни воды не боится, такой человек! Нет, не могу, у нас только одна одиннадцатизарядка в отряде. Все, что отберешь у басмачей, твое.

— Твое крепко слово?

— Крепкое, не крылатое, — ответил Козубай.

— Ну смотри же, смотри,—сказал Джура и ушел.

В кибитку вбежал Шараф:

— Товарищ начальник, Джура двух архаров отдал аксакалу в соседний кишлак так, ни за что. Зачем такое дело? Зачем мясо раздает?

Козубай нахмурился, смерил Шарафа взглядом и сказал:

— Он у аксакала обыск сделал, обидел старика. Дал он аксакалу двух архаров — это хорошо. Ты порядка не знаешь! Иди, скажи Ахмеду, пусть тебе об'яснит. Не мне кланяйся, Джуре поклонись. Зачем его обижаешь? Иди!

Глава четвертая

Не было дня, когда бы Джура не охотился. В бурю, в метель, в мороз он вьючил верблюдов и вместе с Тагом выезжал на охоту.

Впереди бежал Тэке.

Джуре рассказывали, да он и сам видел, как архары собирались стадами на холмах у Кара-Куля, чтобы перекочевать в другие места Памира.

Но пока большая часть их еще не ушла, Джура спешил заготовить побольше мяса.

Ведь Козубай обещал подарить ему маузер, если он заготовит двести пятьдесят архаров, а уже сто восемьдесят три туши висели в кладовых на ремнях, подвязанных к сваям на потолке.

В этот день, еще затемно, уехал Джура с Тагом в Маркан-су, к перевалу Кизил-

Арт. За озером Кара-Куль, на холмах, вправо и влево от дороги, паслись архары.

Заметив караван, они отходили в сторону. Джура не спешил.

Проезжая у скалы, он вскинул винтовку и выстрелил. Зазевавшийся на выступе архар, перевернувшись два раза в воздухе, упал на дорогу. Таг навьючил архара, и они поехали дальше.

Только вечером достигли они заброшенной конусовидной кибитки, у которой летом обычно останавливались на ночевку караваны, следовавшие из Ферганской долины в Кашгарию.

Пустив верблюдов пастись на сухотравье, они насобирали сухих катышков верблюжьего навоза — этого единственного здесь топлива.

Пока в ведре варились задние ляжки убитого по дороге архара, Джура говорил:

— Завтра будем охотиться на кииков, сделаем засаду... знаешь гору Серый Камень? Хорошо! Я ночью влезу на гору и сяду у камня «Глаз дракона», знаешь?

Таг опять молча кивнул головой.

— Хорошо,—сказал Джура.—Ты на рассвете погонишь на меня кииков, пасущихся внизу.

— Хоп [1], — ответил Таг.

Больше они не сказали друг другу ни слова.

Когда мясо сварилось, они также молча взяли каждый по ляжке и, держа их за бедренные кости, об'едали с них мясо. С'ев мясо, разбили кости, высосали мозг и омыли руки.

Тэке не дали ни кусочка, чтобы он был злее на охоте.

Пока Джура стелил шкуры, Таг собрал верблюдов и заставил их лечь возле кибитки.

★

Еще туман покрывал Маркан-су и издалека доносился волчий вой, когда Таг вышел с карамультуком на двор. Джура ушел раньше, захватив с собой Тэке.

К тому времени, когда туман поредел, Таг был в условном месте. Сидя за камнем, он увидел пасущихся кииков. Они виднелись все отчетливее и отчетливее. Их было очень много, но Таг старался не смотреть в их сторону, чтобы не спугнуть: он верил, что они чувствуют, если на них смотрит человеческий глаз.

Когда рассвело, Таг зажег фитиль карамультука и долго целился. Прицелившись в одного, он перевел карамультук на другого киика, который показался ему больше, и, наконец, выбрав самого большого, прицелился ему в грудь и выстрелил. Когда черный дым рассеялся, он увидел, что киик лежит возле камня, а все стадо цепочкой мчится в гору.

Таг дорезал кииков и присел на корточки, наблюдая, что будет дальше. Киики, казавшиеся издалека серыми точками, достигли отвесного обрыва и, пробравшись по еле заметному выступу, начали подниматься по узкому гребню к камню «Глаз дракона».

Вдруг вожак подпрыгнул и покатился вниз, до Тага донесся слабый звук выстрела.

Киики валились один за другим. Задние бросились обратно, но Тэке перерезал им дорогу.

Теперь единственный путь был вверх по гребню, рядом с которым сидел Джура и стрелял по мчавшимся мимо него киикам.

Джура стрелял и злился, что, вставляя новую обойму, приходится терять драгоценное время.

Таг, оставив свою напускную серьезность, кричал от восторга, подпрыгивал и хлопал ладонями по бедрам. Вот так охота! За одно утро сколько кииков!

Задыхаясь, он поспешил наверх и помог Джуре дорезать и выпотрошить двадцать одного кииа. Тэка успел уже наестся кишек и радостно махал хвостом.

В охотничьем азарте им все казалось мало.

— Гони их с горы,—кричал Джура Тагу, хотя тот был рядом,— а я зайду на перевал контрабандистов, киики опять побегут на меня!

Потные, задыхающиеся, счастливые, они побежали: Таг — на гору, а Джура — на перевал.

Таг вскоре настиг и погнал кииков на перевал. Он с горы видел, как киики мчались прямо на Джуру. Вот они уже близко, вот они проходят почти рядом с камнем, за которым сидит Джура, но почему Джура не стреляет? Таг был в отчаянии, он выстрелил из карамультука, чтобы дать знак Джуре, но и тогда Джура не обратил внимания на кииков, и они все неспеша пробежали мимо камня.

Таг швырнул карамультук о землю и, сев на корточки, заплакал от досады.

---

[1] Хоп — согласен.

Джура видел кииков, пробегавших мимо него, и слышал выстрел Тага, но нечто более интересное, чем киики, заставило его сдержаться и не стрелять, хотя это было нелегко.

Джура видел то, чего не видел Таг.

Джура с горы заметил далеко внизу, у границы, двух всадников, двигавшихся между холмами к Кизил-Арту, а наперерез им, не замечая их, ехало трое партизан. Джура узнал белого жеребца Козицкого, рыжего жеребца Шарафа и карюю кобылу Ахмеда.

Он видел, как партизаны остановились и Козицкий один поехал вперед, оставив Шарафа и Ахмеда, как все ближе и ближе под'езжал Козицкий к двум остановившимся всадникам, еще не видя их.

В это время мимо Джуры пробежали киики, но Джура не стрелял,— он наблюдал. Когда раздался выстрел Тага, Шараф и Ахмед поскакали за Козицким.

Этот выстрел встревожил и двух вооруженных всадников, приехавших из-за границы, и они приготовили винтовки к бою.

Джура видел, как Шараф и Ахмед догнали Козицкого, как Козицкий махал им руками, отсылая их назад.

Повидимому, Ахмед заметил издалека блеск ствола, выстрелил в этом направлении. Незнакомцы ответили.

По неожиданной жестикуляции Джура понял, что Ахмед предлагает обойти с двух сторон, но Козицкий показывал прямо. Повидимому, они спорили.

Джура видел, как Ахмед ударил шапкой о землю и пошел с винтовкой вперед.

Джура хотел помочь и не мог. Он был слишком далеко. Джура видел, как рядом с Ахмедом шел Козицкий. Джура удивился, он видел, как от удара пуль подымаются облачка пыли вокруг Ахмеда, а возле Козицкого этого не было.

Шараф спрятался за камнем.

Джура побежал вниз по склону. В это время Ахмед упал лицом вниз, и подбежавший Шараф вместе с Козицким оттащили его в сторону.

Потом они отнесли его к лошади. По тому, как пятились лошади, Джура понял, что Ахмед мертв. Шараф и Козицкий уехали обратно, ведя лошадь с трупом Ахмеда в поводу.

Джура бесшумно, как барс, бежал вниз по склону, прячась за камнями. Он почти достиг места, где сидели басмачи, и подполз за камнями. Вскоре он услышал их голоса.

Выглянув в щель между камнями, он увидел, как один из басмачей, рослый дунган с изрытым оспой лицом, что-то говорил на непонятном языке, размахивая письмом.

Пожилой толстый узбек что-то отвечал визгливым, как у женщины, голосом.

Затем толстяк-узбек снял сапог, запрятал в него письмо и снова надел.

Услыхав громкий крик: «Не шевелись!»,— они обернулись и увидели дуло винтовки, направленное на них из-за ближайшего камня. Дунган схватился за свою винтовку, но пуля выбила винтовку из его рук.

— Руки вверх! — крикнул Джура, подымаясь во весь рост с винтовкой наизготовку. Басмачи подняли руки.

— Отойдите в сторону и лягте ничком,— приказал Джура.

Они отошли в сторону и, выполнив приказ, легли ничком. Тэке с рычаньем стал над ними.

Джура снял с их поясов ножны с ножами, связал им руки за спиной и, ведя за собой басмаческих лошадей, приказал пленникам идти по склону на запад.

На полпути они встретили запыхавшегося Тага.

— Басмачей поймал, — сказал Джура, — Возьми себе — дарю.

Таг бросил карамультук, подбежал к лошади и сорвал с луки немецкий карабин. Он сдул с него пыль и усердно тер рукавом, чтобы карабин блестел, как новый.

— Дай, я их застрелю! — крикнул он, щелкая затвором.

— Не надо,— ответил Джура,— они помогут нам стащить с горы кииков и навьючить их, а карамультук не бросай.

Спускаясь с горы вместе с пленниками, Джура заметил далеко в Маркан-су одинокого всадника. Присмотревшись, он узнал белого жеребца Козицкого и удивился, почему Козицкий по той же дороге возвращается обратно один.

Вскоре небольшой караван отправился от Кизил-Арта на юг, к крепости.

Впереди бежал Тэке, за ним, переваливаясь с ноги на ногу, шли оба басмача со связанными на спине руками, потом верхом на лошади ехал Джура с винтовкой в руках, за ним Таг верхом на другой лошади вел в поводу пять груженых кииками верблюдов. Карабин лежал на луке седла. Чтобы облегчить груз, везли только киичье мясо, срезанное с костей и завернутое в шкуры.

К вечеру караван под'ехал к крепости. Одновременно с другой стороны под'езжал Шараф с трупом Ахмеда.

Из калитки в воротах крепости навстречу им вышел Муса.

Высокий, широкоплечий, с густой черной бородой, Муса вышел так, как он ходил всегда, одним плечом вперед, как будто пробивая себе дорогу.

В правой руке он сжимал нагайку на узорной костяной ручке, с этой нагайкой он никогда не расставался.

Одетый в костюм из кожи яка, окрашенной в желтый цвет, и отороченную мехом шапку, он казался закованным в кольчугу.

Разговаривая, он смотрел в сторону, всем своим видом показывая полное равнодушие к тому, что скажет его собеседник.

Щелкнув в воздухе нагайкой, он подошел к пленникам.

— Развяжите руки. Мы дехкане, мы искали своих овец, заблудившихся после черного бурана,— сказал пожилой узбек женским визгливым голосом, никак не соответствовавшим его большому росту и толщине.

Муса разрезал веревки на руках арестованных и вопросительно посмотрел на партизан. Молчаливый и угрюмый Джура, услышав слова басмача, показал дулом винтовки, которую сжимал в руках, на арестованных.

— Ахмеда убили,— сказал он отрывисто. — Я сам убью их.

— Иди,— сказал Муса, вынимая револьвер из кобуры.

Толстяк заохал. Второй басмач, рослый, плотный дунган, с рябым от оспы лицом, не скрывал своей вражды и не считал нужным притворяться дехканином, потерявшим овец.

Потирая онемевшие кисти рук, так что слышен был хруст костей, он исподлобья, ненавидящими глазами смотрел на партизан.

Весть об убийстве Ахмеда облетела уже всю крепость.

— Подожди, Муса,—сказал Джура, спрыгивая с лошади и передавая свою винтовку Тагу. Все повернулись в его сторону.

— Садись, — сказал Джура толстяку и, не ожидая, пока оторопевший от неожиданности басмач исполнит его приказ, нагнулся, схватил его за сапог на правой ноге и дернул.

Сапог легко снялся, а басмач не удержался и упал.

Запустив руку в сапог, Джура извлек письмо.

— Вот! — сказал он, потрясая письмом в воздухе.

В то же мгновенье рябой басмач бросился к нему, вырвал письмо и, засунув в рот, начал жевать.

В первое мгновенье все опешили, но Джура подскочил к басмачу и, схватив левой рукой за голову, а правой — за нижнюю челюсть, нажал пальцами на щеки, разжимая зубы; рот разжался, и Муса выхватил скомканное письмо.

Басмач рванулся, но не тут-то было. Джура крепко держал его и говорил:

— Шакалья глотка, ты убил моего лучшего друга, и ты умрешь от моей руки. Я не буду связывать тебя. Где бы ты ни был, я найду тебя. Иди,— и он отпустил руки басмача.

— Пропустите бандитов,— сказал Муса.

Партизаны расступились.

— Эй, Джура и Шараф, идите расскажите все Козубаю!

— Ну, иди! — и Джура подтолкнул прикладом винтовки басмача-дунгана, остановившегося в нерешительности у ворот крепости.

— Нельзя бить, забыл приказ, все надо делать по порядку.

Муса дулом своего револьвера отстранил винтовку Джуры.

Партизаны отвязали труп товарища, положили его на попону и молча понесли в ворота. Впереди вели коня и несли оружие убитого.

Все партизаны, товарищи убитого, недоумевали, каким образом два басмача убили такого опытного бойца, как Ахмед, который один задерживал в засаде банду контрабандистов. Тем более, что Ахмед был в отряде из трех человек под командой Козицкого.

Муса, взобравшись на крышу к сторожевому, внимательно посматривал кругом. Овцы на восточном склоне горы перестали есть и встревоженно подняли головы. Муса стал пристально всматриваться. На востоке он увидел всадника и без труда узнал в нем Козицкого на белом жеребце.

★

Козицкий уже собирался открыть тяжелую дверь в кибитку Козубая, но шопот Шарафа удержал его.

— Начальник,— быстро прошептал Шараф,— Джура поймал гонцов, которых курбаши Шо послал к тебе.

Козицкий даже не обернулся и тоже шопотом сказал: «Иди, слушай» — и сам осторожно нажал пальцами на засаленную дверь.

Козубай сидел, поджав ноги, на широком

сундуке, устланном барсовыми шкурами. Лицо его было спокойно. Стоящий перед ним басмач размахивал кулаками перед его лицом, неистово кричал, доказывая, что они дехкане, что Козубай поплатится, если не отпустит их.

Прошло полчаса, но Козубай сидел все такой же сдержанный и, казалось, бесстрастный.

Наконец, басмач-узбек устал кричать и говорил уже тихо, утирая ладонями пот с лица. Козубай сидел все так же спокойно.

Козицкий хотел пройти вперед, но Козубай движением бровей дал ему понять, чтобы он оставался на месте.

Басмач, наконец, умолк.

Тогда Козубай перевел глаза вправо и кивнул. Джура, стоявший сбоку, подал ему письмо, найденное у арестованных; оно было написано по-арабски.

— Уведи их в арестантскую, — приказал Козубай Джуре.

Козубай и Козицкий остались наедине. Козубай повертел в руках письмо и протянул его Козицкому. Сам он был неграмотен, стыдился своей неграмотности, скрывая ее от всех, а Козицкий хоть и обещал научить его читать и писать, но все почему-то не мог собраться.

— В ичиге было спрятано, а потом басмач проглотить хотел,— сказал Козубай.

Козицкий развернул письмо.

Козубай внимательно следил за выражением его лица, стараясь угадать, что написано в письме, а Козицкий в свою очередь старался придать своему лицу выражение совершенного безразличия.

Он небрежно скомкал письмо и бросил его возле очага.

— Ерунда! — сказал Козицкий, зевая.— Письмо отца к сыну о семейных делах.

Дверь заскрипела, и вошел Муса, оставляя дверь открытой.

— Что? — спросил его Козубай.

— К тебе дело,— сказал Муса Козубаю, нерешительно глядя на Козицкого.

— Говори,— ответил Козубай.

— Начальник,— сказал он,— партизаны обижаются. Чатак. Они говорят, что Казиски нарочно послал Ахмеда на верную смерть, потому что Ахмед с ним ссорился. Джура рассказывал, что впереди была засада и Ахмед хотел обойти ее кругом, Ахмед не хотел идти прямо, а Казиски послал его вперед. Ахмед так рассердился, как никогда, он пошел прямо, и его убили в упор из-за камня. Ну и дела в Маркан-су!

— Правильно он говорит?—спросил Козубай Козицкого.

— Да,— ответил Козицкий, — правда, я назвал Ахмеда трусом, когда он не захотел идти вперед.

За дверью послышались возбужденные голоса партизан, некоторые из них заглянули в кибитку, чтобы убедиться, что это говорит сам Козицкий.

Козубай, прищурив глаза и подняв брови, тихо спросил:

— Зачем так сделал?

Козицкий молчал. Он высокомерно смотрел на толпившихся у дверей партизан и видел их злые глаза.

— Я сам шел рядом с Ахмедом,— спокойно добавил Козицкий.

Партизаны зашумели.

— Эй, Шараф! — позвал Козубай.

— Шараф, Шараф! — раздались голоса.

Шараф вошел, жуя что-то на ходу и вытирая руки о халат.

Вслед за ним вошел Джура.

— Казиски шел на басмачей рядом с Ахмедом? — спросил Козубай у Шарафа.

Наступила тишина. Козицкий смотрел в окно. Шараф поспешно проглотил пищу и ответил:

— Шел.

Козицкий высоко поднял голову и пошел к двери. Партизаны расступились, уступая ему дорогу.

— Расходитесь,— сказал Козубай.

Все, кроме Джуры, вышли.

Джура задумчиво смотрел на огонь и тихо говорил:

— Я думаю, думаю и не понимаю, почему басмачи стреляли в Ахмеда. Почему они не стреляли в Казиски? Басмач, я слышал от Ахмеда, всегда стреляет сначала в русского. Почему Казиски опять возвратился туда же? — Джура подошел к очагу в углу и сел на корточки. Заметив бумажку, брошенную Козицким, он положил ее на угли.

Козубай молчал, крепко сжав губы. Джура, горестно склонив голову на бок, смотрел, как шевелилась на горячих углях бумажка, и вдруг с удивлением заметил, что на белой бумажке выступили черные буквы. Край ее вспыхнул, но Джура быстро выхватил ее из огня.

— Что ты делаешь? — спросил его Козубай.

— Посмотри,— сказал Джура.

Козубай заметил, что на белой бумажке выступили черные буквы, но не подал и вида.

— Я знаю, это — письмо,— сказал он,— брось его и никому о нем не говори. Ступай.

Едва только за Джурой закрылась дверь, как Козубай спрыгнул с сундука и быстро поднял письмо.

Дверь заскрипела. Козубай быстро спрятал письмо за пояс. Вошел Козицкий и внимательно посмотрел в очаг, возле которого он бросил бумажку.

— Что ищешь? — спросил Козубай.

— Я бросил тут письмо, курить захотел, а бумаги нет.

— Наверно, сгорела, — ответил Козубай, — сядь, к тебе разговор есть.

— Досадно,— сказал Козицкий, нервно шагая по кибитке из угла в угол и притворно зевая.

В дверь постучали.

— Входите,— сказал Козицкий.

Вошел Муса и нерешительно посмотрел на Козицкого.

— Говори,— сказал Козубай.

— Басмачи ссорятся, я их посадил в басмаческую кибитку и сказал, что если они всего не расскажут, то их расстреляют. Толстый испугался, и я через дымоход слышал, как он уговаривал рябого все рассказать, чтобы их не расстреляли, а рябой говорит: «Молчи».

— Я их сейчас допрошу,— быстро сказал Козицкий и, не ожидая решения Козубая, вышел из кибитки.

— Товарищ начальник,— сказал Муса,— к Тагу приходил его друг из кишлака, что за горой, и говорил, что в кишлаке проездом в Ош остановился Иван.

— Какой Иван?

— Тот самый, что помогал партизанскому отряду Шамсутдина.

— А, а, Иван, бухгалтер Иван. Очень хорошо. Седлай лошадей, поедем к нему,— приказал Козубай.

— Посмотри, — сказал Джура.

Бухгалтер по профессии, Иван помогал Шамсутдину вести секретную переписку.

Вскоре они уже скакали по ущелью. Была полная луна, и тропинки были видны, но только за полночь приехали они в кишлак, перевалив через гору.

Козубай разбудил Ивана и попросил его прочесть письмо.

Когда Козубай назвал себя, Иван Петрович Черняков, пожилой, худощавый человек, которого киргизы звали просто Иван, поправляя очки, сказал:

— Слыхал о тебе.

И, прочитав письмо, добавил:

— Письмо на английском языке, написано молоком, которое потемнело при нагревании. Старый способ... а написано вот что: «Господин Козицкий 5. XI. Курбаши Шо предупрежден Н. Б. 123».

Козубай не выругался, не затопал ногами — у него только ноздри раздулись и побелели, и глаза прищурились.

Он взял письмо, акуратно сложил его и положил в кожаный мешочек на груди, где он носил секретные документы.

— Может, помочь тебе? — спросил Иван.

— Спасибо, я один справлюсь,— и, крепко пожав руку Ивану, он поскакал с Мусой в крепость.

— Эх, жаль,—прошептал Козубай,—что не допросил сразу арестованных. Ничего, приеду, допрошу, все узнаю.

Теперь Козубай понял, почему Козицкого не убили, когда он шел рядом с Ахмедом на басмачей. «Ай лисица, лисица!» — думал он о Козицком.

Многое передумал Козубай, пока они приехали с Мусой в крепость.

В'ехав в крепость, Козубай решил сейчас же допросить басмачей, чтобы узнать, от кого они привезли письмо Козицкому.

— Где Козицкий? — спросил он сторожевого.

— Пишет акт.

— Какой акт?

— О расстреле басмачей.

— Ага! — сказал Козубай.

Он быстро направился к Козицкому, взяв с собой Мусу.

Козицкого в кибитке не оказалось.

— Он у Джуры,— сказал им Джалиль, и они пошли на крики, долетавшие из лекарской кибитки, где до сих пор жил Джура.

Глава пятая

Как только Козубай уехал, Таг прибежал к Джуре и рассказал ему, что Козицкий отобрал у него подаренный Джурой немецкий карабин.

Джура пошел к Козицкому.

— Ты не имеешь права дарить оружие. Кто ты такой? Простой охотник! Ты много о себе думаешь! — кричал Козицкий.

Он нарочно выбирал обидные слова, он знал, что, рассердившись, Джура уходит бродить в горы или идет к своему новому другу — аксакалу соседнего кишлака. Разгневанный Джура, взвалив на плечи тушу архара из кладовой, ушел к аксакалу, к тому самому старику, у которого он делал обыск. Это была странная дружба старика и молодого охотника.

Сидя в кибитке аксакала, у костра, на котором в казане варилось мясо принесенного им архара, Джура грел руки над огнем и говорил отрывисто. Аксакал молча слушал его.

— Я научил Тага охотиться, и он за это время убил одиннадцать архаров. Хорошо... Надо спешить... Архары скоро уйдут... Подарил винтовку... а Казиски отобрал и не пускает Тага. Пусть, говорит, он помогает чинить винтовки. А кто, говорю, недавно нашел в горах семь спрятанных винтовок, которые ты чинишь? Неважно, что ты нашел их... Важно, что их надо поскорее исправить... Хорошо... Тогда я не поеду охотиться в Маркан-су. Разве это правильно? — внезапно резким голосом спросил Джура у аксакала.

Аксакал сидел у костра, закрыв глаза, и, казалось, не слышал вопроса.

— Правильно? — еще громче спросил Джура, пристально вглядываясь в лицо аксакала, изрытое морщинами.

— Неправильно,— тихо ответил аксакал, не открывая глаз.

Он был высокий, худой, сгорбленный. Редкая бородка и несколько волосков вместо усов внезапно задрожали, и аксакал, приоткрыв слегка веки, сказал скрипучим голосом:

— Стар я, ох, стар я, и чего только не видел я, доживши до такой старости! Сам был знаменитый джигит, прадеда твоего, Домбуля, и того я, старик, видел. Но такого храброго, как ты, джигита еще не видел. Много я слышал о тебе. Ты орел, выросший в горном гнезде. Двадцать пять сынов было у меня, все погибли в битвах, одна внучка осталась. Стар я, ох, стар я! Уважаю я тебя Джура и желаю тебе счастья. А теперь тебе скажу: послезавтра в Маркан-су из Китая перейдет помощник Шо курбаши Азим с басмачами. Они пройдут у могилы святого, у той могилы, что каждый год увеличивается на пядь. Уважь меня, старика! Застрели Азима и привези

мне его голову, он убил любимого сына моего, младшего. Сделаешь это — возьми себе мою внучку. Я дам тебе настоящую английскую винтовку.

У Джуры заблестели глаза.

— Хорошо... — ответил Джура,— я привезу тебе голову Азима, а внучки твоей не надо...

Аксакал пошел в угол юрты, порылся в кошмах и возвратился, держа на вытянутых руках английскую винтовку и мешочек с патронами.

— На,— сказал он, протянув винтовку.

Джура обернулся, взглянул и тихо сказал:

— Старик, голова Азима будет у тебя.

Аксакал позвал внучку, ожидавшую окончания разговора в другой юрте, и приказал ей подавать мясо.

Джура ел поспешно и даже не заметил, что внучка аксакала была в лучшем своем наряде из черного бархата и синего шолка и что у нее на груди висит много золотых и серебряных монет: так был он поглощен рассматриванием новой винтовки.

Он возвратился в крепость поздно ночью, решив никому не говорить ни слова о том, что басмачи курбаши Азима послезавтра пройдут через Маркан-су на перевал Кизил-Арт, чтобы идти дальше. Он хотел сам поймать басмачей и был твердо уверен, что справится один.

Поджав ноги на кошме, Джура сидел в лекарской кибитке, где он остался жить после выздоровления. Он услышал лай Тэке и близкие выстрелы, но не тронулся с места. Прошло полчаса.

Вдруг пламя карачирака задрожало, и порыв холодного ветра заставил Джуру быстро обернуться к двери.

Козицкий стоял на пороге.

— Хочешь, возьму тебя к себе помощником, поедем на басмачей? — спросил он.

Джура ничего не ответил. Ему очень хотелось ошеломить Козицкого, рассказав, что вот он, Джура, «только охотник», как его назвал Козицкий несколько часов назад, знает, что послезавтра банда перейдет границу в Маркан-су; этим он возвеличил бы себя и унизил бы Козицкого. Джура колебался: сказать или нет.

Джура молча обдумывал предложение, и не успел он ответить, как Козицкий, прищурив веки, насмешливо спросил:

— Может быть, ты боишься?

Джура вздрогнул, дико посмотрел на него, сердито засопел и тут же решил, что ничего ему не расскажет, а сам встретит банду и докажет, трус он или нет.

— Сам трус! — сказал Джура.

— Как ты смеешь!—рассердился Козицкий, подходя, и, вдруг увидев английскую винтовку, лежавшую на кошме за спиной Джуры, схватил ее и резко спросил:

— Откуда это?

Джура промолчал.

— Ого-го! — сказал Козицкий, поднося ружье к карачираку.— Да это новая английская винтовка. Странно! Очень странно! Откуда? — повторил он и подозрительно посмотрел на Джуру.

— Не скажу,— сказал Джура и нахмурился.

— Как со мной разговариваешь?—крикнул Козицкий.— Распустился! Почему для тебя особый режим? Я возьму эту винтовку,— и он направился с винтовкой к двери.

— Эй! — крикнул Джура, вскакивая.— Куда понес винтовку? Козубай сказал, что кто достал винтовку, тот и хозяин.

Козицкий не отвечал; Джура подскочил и вырвал у Козицкого из рук винтовку.

Козицкий выхватил револьвер, Джура щелкнул затвором и прицелился ему в грудь. В это время дверь распахнулась и на пороге появился Козубай.

— Джура!—повелительно крикнул он, и Джура опустил винтовку.

— Спрячь револьвер,— сказал спокойно Козубай Козицкому.

— Это чорт знает что!.. Его давно расстрелять надо за самовольный обыск у дехкан, за неповиновение! Безобразие! — кричал Козицкий по-русски и тыкал револьвером в кобуру, но руки его дрожали, и револьвер не попадал в нее.

Не говоря ни слова, Козубай подошел, взял Козицкого за руку и помог ему засунуть револьвер в кобуру.

Когда Козубай привел Козицкого к себе в кибитку, он позвал Мусу и сказал Козицкому:

— Передай револьвер Мусе.

Козицкий удивленно посмотрел на Козубая.

— Передай револьвер Мусе,— повторил Козубай.

— Какая ерунда, из-за мальчишки срамишь меня перед всем отрядом,— нервно сказал Козицкий, теребя бородку.

— Я сказал! — и Козубай положил руку на кобуру.

Муса подошел к Козицкому и взял у него револьвер.

Козубай кивнул Мусе. Он вышел и стал за дверями.

Козубай и Козицкий стояли посреди кибитки и молча смотрели друг другу в глаза.

— Говори,— сказал Козубай.

— Английские винтовки на дороге не валяются, а у Джуры новая английская винтовка последнего образца. Я считаю...

Козубай перебил его:

— Зачем расстрелял басмачей?

Козицкий не отвечал.

Прищурив глаза, он внимательно наблюдал, как Козубай, выхватив из-за пазухи кожаный мешочек, рванул завязку и вынул из него смятое письмо.

— Бандит, собака, сознавайся! — шопотом сказал Козубай, показывая письмо, лицо его почернело, и жилы на шее напряглись.

Козицкий выпрямился:

— В чем мне сознаваться? Ты не один раз получал славу из моих рук. Знал ли ты до последнего момента, что я завлек банду Сарыбека в засаду?

— Ну? — нетерпеливо сказал Козубай.

— Так вспомни, что этой победой ты обязан мне, бандиту и собаке.

— Это было давно,— сказал Козубай.— Сарыбек шел сдаваться.

— А банда Манаса? Кто проник в банду и, подкупив стражу, похитил курбаши Манаса? За этого курбаши ты получил в награду от Кузьмина английскую винтовку.

— Ахмед говорил, что ты был позади, когда похищали Манаса.

— Ложь! Это сделал я. А кто провел тебя на тропинки, где мы отбили контрабандный скот?! Кто это сделал?

— Ты сделал это.

— Так почему же я, твой помощник, расстреливавший десятки басмачей, не мог расстрелять двух явных бандитов, убивших одного из лучших партизан?!

— Почему-то они убили его, а не тебя. А это что? Письмо «отца к сыну»?

— Что это? — переспросил Козицкий.— Повторение операции с Сарыбеком. Я договаривался с курбаши Шо, обещая пропустить банду Азима, чтобы заманить их в засаду. Повторение операции с Сарыбеком, понимаешь?

— Понимаю! — кивнул головой Козубай.

— Смотри,— сказал Козицкий, вынимая из кармана парабеллум.— Будь я твоим врагом... — он отвел предохранитель и прицелился в Козубая.

— Понимаю! — кивнул головой Козубай, засунув пальцы рук за пояс и притаптывая каблуком.

— Дарю тебе,— сказал Козицкий и подал ему револьвер.

— Где и когда басмачи перейдут границу? — резким голосом спросил Козубай.

Козицкий вдруг понял, как мало он знает Козубая, который казался ему все время таким простым и непосредственным.

— Послезавтра в районе озера Кара-Куль, по северному склону горы «Верблюжий нос». Они нарвутся на мою засаду, и ты получишь сорок английских винтовок, тридцать японских карабинов... маузеры... кольты... не будем ссориться, Козубай. Ну... по рукам, — и он протянул руку. Козубай зажал его руку в своей.— Хорошо, что хорошо кончается, — сказал Козицкий и потряс руку Козубая, но Козубай не выпускал его руки и пристально смотрел ему в глаза.

— Ну, я пошел, — сказал Козицкий.

— Эй, Муса, проводи Козицкого,—крикнул Козубай.

— Зачем? Я сам, — ответил Козицкий.

— А кто же дверь за тобой запрет? — спросил усмехаясь Козубай, все еще не выпуская его руки.

— Какую дверь?

— Арестантской!

— Значит?.. — спросил, сжав тонкие губы, Козицкий и задохнулся от нехватки воздуха.

— Значит! — ответил Козубай и приказал вошедшему Мусе:

— Возьми из заднего кармана у Козицкого револьвер.

Козицкий невольно рванулся, но Козубай не выпустил его руки, и Козицкий сдержался. Муса вынул из потайного кармана маленький браунинг и металлическую коробочку.

Козубай выпустил руку Козицкого, взял у Мусы револьвер и коробочку и, постучав по ней пальцем, спросил:

— Яд?

Козицкий ничего не ответил. Козубай подошел к нему вплотную и сказал:

— Скорпион! За двести винтовок я не отдал бы Ахмеда. Если ты мне соврал о басмачах, помни! — и он провел себе пальцем по горлу.

Козицкий одно мгновенье колебался.

— О том, что ты сидишь в арестантской, пока никто не будет знать кроме Мусы, Шарафа и Джуры. Может быть, я много прощал тебе? Иди.

— Ладно. Сам увидишь! — крикнул Ко-

зицкий и, с трудом сохраняя гордый вид, вышел из кибитки. Муса запер его в арестантскую, помещавшуюся возле кладовки. Ключ он передал Шарафу.

— Позвать ко мне Джуру, — приказал Козубай.

Через несколько минут Козубаю сообщили, что Джура уехал на охоту.

— А почему я только что слышал голос Тага?

— Он не уехал на охоту с Джурой.

— Странно, — сказал Козубай, и когда он остался один, еще раз повторил:—Очень странно! — и, сев на корточки у очага, погрузился в размышления.

Глава шестая

Ночь была темная. Низко висели тучи. С вечера шел снег, но к утру перестал, и облако окутало горы, опустившись на Маркан-су.

У перевала Кизил-Арт, на склоне горы, меж камней, спал засыпанный снегом Джура. Рядом с ним лежал Тэке.

Немного дальше, в камнях, понурив голову, стоял покрытый теплым ватником белый жеребец, которого дал Джуре аксакал. Пустыня спала, только откуда-то издалека доносился волчий вой.

В воздухе посерело. Рассветало, но туман еще не поднялся. Волчий вой, доносившийся с востока, смолк. Тэке насторожился на одну секунду, потом вскочил, подбежал к Джуре, просунул голову под чапан, которым укрылся Джура, и молча ткнул его мордой. Джура проснулся и быстро оделся. Он всегда спал голым, завернувшись в меховые чапаны.

Разостлав чапан у скалы, он лег на него, положил возле себя патроны и просунул винтовку в щель между камнями.

Он находился на холме, огражденном со всех сторон обломками скал. С севера его защищал крутой склон большой скалы, а на восток, на юг и на запад перед ним расстилалась пустыня смерчей — Маркан-су.

Подул ветерок, туман рассеялся.

С востока нестройной гурьбой ехало несколько десятков вооруженных всадников. Они стегали коней нагайками, но кони устали и, немного пробежав, шли шагом.

Охваченный охотничьим азартом, Джура осматривал всадников, как дичь.

Наконец-то он увидел седобородого курбаши, ехавшего в середине. Он поднял винтовку, тщательно прицелился, но один из всадников загородил курбаши своим телом. Джура, не опуская винтовки, терпеливо ждал. И только голова курбаши показалась из-за спины заслонявшего его всадника, грянул выстрел, и курбаши повалился на землю.

Послышались крики: «Измена, измена!» Часть отряда повернула коней на восток. Другие спешились и, присев за камнями, стреляли по Джуре, перебегая от камня к камню.

Пули с визгом отскакивали от камней, но Джура не замечал их. Он все время стрелял. Вот трое верховых спешились у тела курбаши, чтобы поднять его на лошадь. Джура прицелился, раздался выстрел — и стоявший справа человек упал. Почти одновременно упал на колени средний, а третий, бросив тело курбаши, пытался вскочить на кружившегося в испуге коня.

Возле Джуры валялась груда стреляных гильз, кони сиротливо бегали по пустыне.

Джура высматривал оставшихся в живых басмачей, которые прятались впереди его в камнях, и, дождавшись, когда из-за камня покажется голова, стрелял.

Вначале басмачи решили, что нарвались на большую партизанскую засаду, и растерялись.

Часть их убежала обратно; те, кто не успел, засели в лощинах и за камнями.

Убедившись, что на бугре сидит только один стрелок, они стали перебегать от камня к камню, окружая его и все еще не веря, что он один. Но стрелок бил по ним, бежавшим, без промаха, и басмачи притаились за камнями.

Вот тогда-то Джура натравил Тэке на басмачей.

Тэке, возбужденный выстрелами и азартом, который передался ему от Джуры, помчался вниз.

За несколькими камнями он нашел трупы, а там, где лежали живые, он вскакивал им на спину, впиваясь зубами в затылок, и басмачи в ужасе выбегали из-за камней, подставляя себя под пули Джуры.

Тэке отскакивал в сторону, Джура стрелял и басмач валился на землю.

Около сорока басмачей спряталось в лощине и не могло отступить, не рискуя жизнью. Пули Джуры их не доставали, до темноты было далеко, и на выстрелы могли прискакать партизаны.

Часть отряда басмачей повернула коней на восток.

Вот тогда-то и были посланы в обход три отчаянных басмача. Они заползли с тыла, пробираясь по склону почти отвесной скалы, которую Джура считал своей верной защитой с севера.

Трое басмачей спешили. Лицом к скале, цепляясь пальцами ног за узкий карниз, они просовывали пальцы рук в щели, чтобы удержаться.

Повернув головы набок, почти вывернув их назад, они внимательно следили за каждым движением Джуры.

Стоило Джуре заметить их на отвесном склоне, ничем не защищенных, и он бы перестрелял их, как куропаток.

Но Джура увлекся. Он не оглядывался назад, на отвесную скалу, откуда ему грозила опасность.

Тем временем Тэке метался среди камней, выискивая живых басмачей, но их было все меньше и меньше, и все реже стрелял Джура.

Доставая патроны, он резко протягивал руку назад, и все три басмача замирали на месте, притискиваясь к скале.

Как-то, протянув руку, Джура не нащупал патронов и резко повернулся.

Решив, что Джура их заметил, передний басмач рванулся вперед к близкому выступу, чтобы спрятаться за его зубцом, но сорвался и упал вниз, на камни. В пылу боя Джура и этого не заметил. Захватив горсть патронов, он поспешно заряжал винтовку.

Издали донесся злобный лай Тэке: он заметил басмачей в лощине.

За камнями больше басмачей не было.

Замолкли выстрелы; красный, злой, торжествующий, поднялся Джура из-за камней, потрясая винтовкой.

Но в это время сзади о камень ударилась пуля и, отскочив, щелкнула Джуру по голове. Джура выронил винтовку, упал на бок.

★

Когда Джура очнулся, он увидел себя верхом. Руки его были связаны под шеей коня.

Контуженная голова гудела.

«Эх, — подумал Джура,—зачем я не сказал о басмачах Козубаю, зачем не сказал Мусе, не позвал их в Маркан-су. Где мой друг Тэке?» — и он стал оглядываться вправо и влево, но Тэке нигде не было.

Уцелевшая часть басмачей возвращалась обратно, в Кашгарию. Много коней с трупами вели басмачи в поводу, сиротливо звенело оружие, привязанное к седлам.

К вечеру басмачи под'ехали к юртам. Посреди них белела большая нарядная палатка.

Старший басмач Боа, кряхтя, слез с лошади и пошел в знак уважения пешком к хозяину палатки.

— О уважаемый, о курбаши Шо!—закричал он. — Выйди, почтенный, и посмотри на злодея, перестрелявшего половину нашего отряда...

Палатка распахнулась, и из нее вышел рослый мужчина в расшитом халате, с маузером на боку.

— Курбаши Шо, курбаши Шо! — закричали прибывшие. — Измена! Наш отряд наткнулся на засаду! Прикажи выдавить пленнику глаза и по капле выпустить его кровь!

Курбаши Шо пристально посмотрел на Джуру и невольно попятился.

Джура только мгновение смотрел на курбаши, затем сделал невероятное усилие, разорвал веревки на руках и, выхватив у соседнего всадника нож из ножен, крикнул: «Тагай!» — и спрыгнул с лошади.

Десяток басмачей навалился на Джуру, чтобы связать его по рукам и по ногам.

Джура вырывался, разбрасывая насевших на него басмачей.

На шум из палатки вышли еще двое. В одном из них изумленный Джура узнал Козицкого, другой был козы Кипчакбай.

— Ты изменил мне! — закричал Тагай Козицкому. — Ты обещал отвести партизан в сторону, а мой отряд попал в засаду, и славный Азим убит!

— Клянусь! Верь мне! — ударил себя в грудь Козицкий, подражая манерам и тону Тагая. Он тяжело дышал и дрожащей рукой расстегивал кобуру. — Все было сделано, как мы условились, — партизаны устроили засаду в другом месте... Но ведь я сидел в арестантской и не мог проследить. Не выпусти меня Шараф, сейчас я был бы трупом.

Джура плюнул Козицкому в лицо.

Козицкий в бешенстве выхватил револьвер.

— Убей, убей его! Это не человек! Это дьявол! Смерть шайтану! — вопили исступленные басмачи, окружив их тесной толпой.

Особенно страстно кричал Шараф, боявшийся Джуры даже сейчас.

— Не надо, — схватился за револьвер козы Кипчакбай. — Мне об этом человеке говорил сбежавший Кучак. Этот человек знает, где спрятан золотой клад. Мы успеем его убить.

Тагай начал допрашивать Джуру, но тот, не отвечая на вопросы, неустанно твердил: «Где Зейнеб?»

На другой день Боа привязал Джуру к коню и в сопровождении Шарафа и еще пяти басмачей повез его в глубь страны.

— Убийцу везем, важного преступника, — отвечал Боа на вопросы встречных.

Горы сменились предгорьями, потом каменистыми полупустынями, и, наконец, вдали показался город.

Джура ехал и оглядывался, не бежит ли за ним Тэке, но собаки нигде не было видно.

— Застрелили твою собаку в Маркан-су, и тебе скоро конец, — говорил Шараф и бил Джуру нагайкой.

— Убивайте скорее, — говорил Джура, но не кричал и не стонал.

— Успеешь умереть, тебя еще козы Кипчакбай с огоньком допрашивать будет, а пока посидишь в тюрьме как убийца.

И Боа стегал Джуру нагайкой.

— Давай убьем его! — просил Шараф, но Боа не соглашался, боясь гнева Кипчакбая.

Через несколько дней они под'ехали к городу. На краю его высились большие бугры: это были мусорные кучи. Оттуда доносился собачий лай: там жили сотни собак. Местные жители называли эти бугры собачьим городом.

— Сюда, сюда! — закричал всадник, в котором Джура узнал помощника Боа, Шарафа, уехавшего вперед.

Всадники под'ехали к мусорным кучам, и Джуру ссадили с коня.

Обвязав Джуру подмышками веревкой, его спустили в тюрьму, в грушевидную яму, и накрыли решоткой.

В яме был сумрак, но Джура заметил в ней еще двух человек.

— Вай, вай, Джура! — закричал кто-то рядом.

Джура смотрел, но не узнавал соседа.

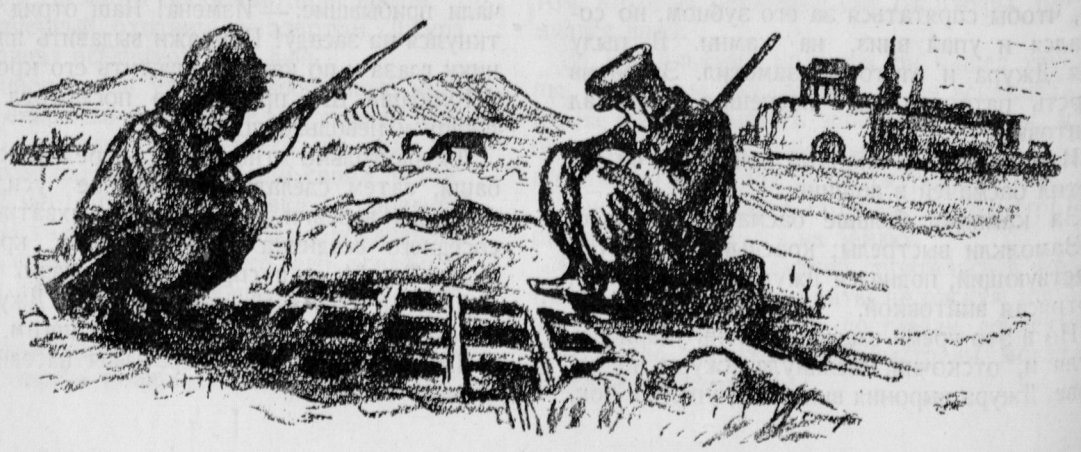
— Я Саид, — сказал человек.

Джура всмотрелся и в худом оборванце с трудом узнал Саида. Только косые черные глаза блестели еще сильнее.

— Может, у тебя есть кусок лепешки? Сюда только раз в сутки спускают на веревке казанок аталы и кувшин воды. Дай мне, и я скажу тебе, где твой Кучак.

— Где же он? — быстро спросил Джура.

— Хо, хо, нельзя все сказки рассказывать за один присест, так говаривал мне Кучак. Успеешь. — ответил хитрый Саид



(Окончание следует)

СЕКРЕТНАЯ ВОЙНА

Н. Шамет

Они идут впереди армии

С самой глубокой древности ни одна война не обходилась без шпионов и разведчиков. Каждому полководцу было очень важно узнать, что замышляет его противник, и поэтому не жалели денег на шпионов и лазутчиков. Особенно славились использованием шпионов прусский король Фридрих II и Наполеон I. Фридрих говорил, что во время войны впереди генералов должны идти шпионы. У Наполеона был знаменитый шпион Шульмейстер, прославившийся своими переодеваниями и способностью изменять свое лицо. В 1809 году началась война с Австрией и Шульмейстер отправился в Баварию. Он узнал, что там на другой день назначен смотр корпуса австрийской армии. На смотр должен был приехать один немецкий принц. Шульмейстер достал его портрет, придал своей внешности сходство с принцем, надел такой же костюм и переодел трех своих спутников в генеральские мундиры. В сопровождении такой блестящей свиты Шульмейстер прискакал на прекрасных лошадях на место парада за два часа до прибытия настоящего принца. Встреченный с почестями, «принц» произвел смотр войскам, узнал много ценных сведений и умчался. Можно себе представить лица австрийских командиров, когда через полчаса после от'езда фальшивого принца прибыл настоящий.

Но шпионами стали пользоваться не только во время войны: шпионы помогали готовить войну. Задолго перед франко-прусской войной 1870—1871 года начальник прусского шпионажа Штибер наводнил Францию шпионами. У него было 36 тысяч тайных агентов. Во Франции появилось много любителей рыбной ловли... Они измеряли глубину рек. Сотни художников срисовывали живописные окрестности... крепостей. Туристы бродили по горам и городам, тщательно отмечая в своих дневниках тысячи сведений, интересующих прусский штаб.

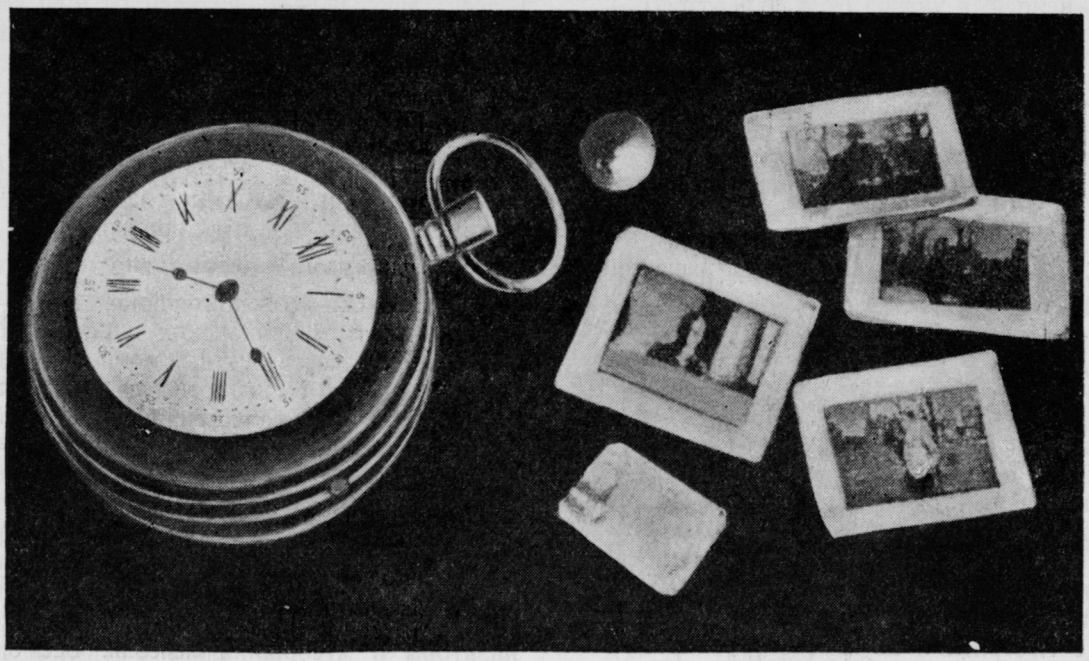
Когда началась франко-прусская война, прусские офицеры так хорошо знали Францию, что, посылая вперед кавалерийские дозоры, указывали им холмы, с которых лучше всего можно заметить противника.

Страна шпионажа

Перед русско-японской войной 1904 — 1905 годов тысячи японских шпионов обследовали все места будущей войны и Дальний Восток. Они были торговцами, туристами, фотографами, ремесленниками, буддийскими монахами, прислугой, матросами — шпионы не брезговали любой работой, любой профессией. В самой сильной русской крепости на Дальнем Востоке — Порт-Артуре — одна японская фирма взялась очищать канализационные трубы и убирать улицы. Перед самой войной японские ассенизаторы и мусорщики исчезли. Все они оказались переодетыми японскими офицерами. Под видом ассенизаторов им было легко проникнуть во все части крепости.

Во время русско-японской войны у Японии было две армии: одна — явная и другая — тайная, которая действовала в русском тылу. На тайную армию Япония не жалела денег. Тысячи шпионов были рассеяны не только в России, но и в тех странах, где Россия заказывала снаряжение.

Незадолго до конца войны Россия заказала в Австрии на секретном военном заводе 500 тысяч снарядов. Австрийский наследный принц дал честное слово, что русский заказ будет выполнен не хуже чем для австрийской армии. Русские приемщики не были даже допущены на завод. Снаряды пришли в Россию, когда война уже кончилась. Ими начали пользоваться на учениях. Ни один снаряд не разрывается! Проверили — и оказалось, что ни в одну из разрывных трубок не был насыпан порох. Золото японских шпионов оказалось сильнее честного слова австрийского наследника. Благодаря неспособности, измене и предательству русских генералов царские войска терпели поражение за поражением. Царь послал из Петербурга во Владивосток последнюю свою надежду—сборную эскадру. Путь ее лежал вокруг земного шара. По договору, немецкое пароходство «Гамбург—Америка» должно было поставлять русской эскадре уголь в тех портах, где она будет останавливаться. Эскадра вышла из Балтийского моря. Сначала немецкое па-



Фотоаппарат ввиде часов, отобранный у немецкого шпиона во Франции.

роходство выполняло договор. Эскадра быстро шла к цели. Но вот она добралась до Манчжурии — близок был Владивосток. Японские агенты договорились с немцами. В манчжурских портах угольных пароходов не было. Немцы обещали, что они придут со дня на день. Русские корабли ждали, а в это время японцы собирали свой флот около Цусимского пролива. Когда все было готово, японцы дали знать немцам, и угольщики быстро подошли к русской эскадре. Теперь русские суда грузились углем, чтобы идти на верную гибель.

Даже в штабах русских войск сидели шпионы. Русский главнокомандующий Куропаткин под самым строгим секретом вел с царем переговоры по телеграфу о важном наступлении на Вафангоу. Телеграммы были тщательно зашифрованы, и все же японские шпионы сумели их раздобыть. 31 мая царь послал Куропаткину разрешение на наступление, а на другой день—1 июня—все эти телеграммы уже лежали на столе в японском главном штабе в Токио.

Как видите, и в военное и в мирное время капиталистические государства засылают друг другу громадное количество шпионов. Но все рекорды шпионажа побила война 1914—1918 годов, когда шпионаж стал такой же частью армии, как артиллерия или авиация.

Шпионы готовят войну

Еще перед империалистической войной 1914 года в комнатах немецкой разведки сотни ящиков были заполнены особыми карточками. На 47 тысячах карточек были сведения о 47 тысячах жителей России, Англии и Франции, которых можно было использовать как шпионов.

В Англии по всему побережью многие домики были украшены жестяными об'явлениями. Толстая румяная кухарка несла миску дымящегося супа из кубиков «Магги». Агенты этой фирмы платили хозяевам домиков небольшие деньги за право прибивать плакаты. Началась война. Одна из хозяек дома получила телеграмму: агент фирмы извещал ее, что приедет переменить номер на об'явлении. Сын хозяйки заинтересовался, где же этот номер. На об'явлении его не было видно. Он отодрал об'явление и на оборотной стороне увидел подробную карту прилегающего побережья.

Во Франции, около германской границы, жило много немецких фермеров. Хозяйство свое они вели неумело, сеяли поздно, урожай собирали ничтожный, а жили хорошо. Тайна их хорошей жизни раскрылась, когда во Францию вступили немецкие войска. Эти фермеры стали проводниками немецких отрядов. Фермы и сараи сносились и

под ними оказывались бетонные площадки, с которых очень удобно было обстреливать французские крепости из тяжелых орудий.

Такие же площадки и даже небольшие крепости были построены немецкими помещиками и в России. Господский двор «Шукли» и двор «Порожнево» были построены из бетона с бойницами вместо окон. Перед домом была очищена от леса громадная поляна, перерезанная канавами. Через поляну была отведена речка, в тростниках которой были устроены проволочные заграждения. Из дому в лес вели подземные ходы. Благодаря высокому расположению дома пулеметы и орудия держали под огнем всю местность на 5 километров перед домом. Русские войска 5 дней штурмовали эту неожиданную крепость.

Разведки Англии, Франции и других стран, хотя им и далеко было до размаха Германии, также посылали своих агентов в Германию. Они не уступали в ловкости германским шпионам. Перед самым началом войны младший сын германского императора принц Иоахим под чужой фамилией путешествовал по пограничным районам Франции и присматривался к французским укреплениям.

Когда началась война, французская контрразведка арестовала подозрительного немецкого путешественника. Принц не выдал себя, и военно-полевой суд приговорил его к расстрелу как простого шпиона. После приговора принца отвели в тюрьму и приставили к нему усиленный караул. Принц считал себя погибшим, как вдруг один из французских унтерофицеров шепнул ему, что он готов бежать вместе с ним. Он считает себя немцем, так как родился в Эльзасе, который принадлежал Германии. За несколько часов до казни унтерофицер принес принцу костюм, они переоделись и скрылись. С трудом, пробираясь по ночам, беглецы добрались до границы Франции с Испанией. Ночью они поползли через границу. Французские пограничники заметили нарушителей границы и открыли по ним стрельбу из пулемета. Все же беглецам удалось пробраться в Испанию, хотя унтерофицер и был ранен.

Из Испании немецкое посольство переправило принца и его спасителя в Германию, где они были встречены как герои. Эльзасец стал первым другом спасенного им принца. Особенно гордилось принцем императорское семейство. Эльзасец попросил принца помочь ему выписать оставшуюся во Франции жену. Жена приехала, но была скоро арестована германской контрразведкой: она оказалась «связником» (агентом для связи) и переправляла во Францию шпионские донесения эльзасца. Унтерофицер был агентом французской контрразведки, и весь побег принца, за которым все время следила французская разведка, был подстроен для того, чтобы послать шпиона в самый центр Германии. Принц, который гордился тем, что не выдал себя, и не подозревал, что французы прекрасно знали, кто попал к ним в руки.

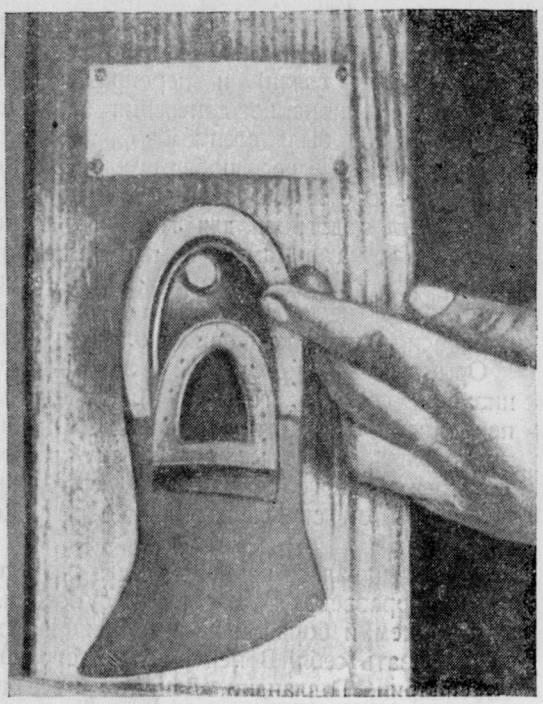
Организатор буржуазной детской организации скаутов генерал Баден-Пауэлль перед войной посетил Германию. Он был прекрасным рисовальщиком, и ему удалось зарисовать много германских укреплений. Их планы он скрыл под видом рисунков листьев.

Но вот началась война. Тут для разведок и контрразведок, которые руководили шпионажем и борьбой с ним, пришло время показать себя. В нейтральных странах: Швейцарии, Голландии, Дании — все гостиницы были заняты шпионами.

Яд и адские машины

Немецкие дипломаты в нейтральных странах стали организаторами шпионажа. В Соединенные штаты Америки, когда они еще не вступили в войну, приехал долговязый немецкий офицер фон Папен. Он был назначен военным атташе (советником) немецкого посольства. Вскоре после его приезда начали взрываться заводы, изготовлявшие снаряжение для Англии и Франции. Морские агентства сообщали о таинственных исчезновениях пароходов, следовавших в порты Англии и Франции. На некоторых пароходах находили адские машины, которые с помощью часового механизма должны были взорваться через несколько дней, а иногда и несколько часов. Наконец, в 1916 году в ньюйоркской гавани раздался страшный взрыв — в море рухнула целая набережная «Черный Том», на которой находилось огромное количество грузов для Антанты.

Американская полиция сбилась с ног в поисках виновников взрывов. Наконец, из английской контрразведки были доставлены документы, в которых указывалось, что организатором диверсии был Папен с бандой шпионов. Часть из них была прислана из Германии, где окончила шпионские курсы, а другая часть набрана из немцев, которые работали в американских учреждениях и на заводах. Отчеты о взрывах и шпионской



Фальшивый каблук, в котором шпионы переносят сведения.

работе Папен отправлял на кораблях нейтральных стран в Германию.

Однако пока Папена не накрыли с поличным, с ним ничего нельзя было сделать. Он был дипломат. Его нельзя было ни выслать, ни арестовать. Против шпиона-дипломата английская контрразведка приняла другие меры.

Однажды Папен любезно помогал своей секретарше упаковывать ящик с очередным отчетом. Чтобы отметить ящик, секретарша нарисовала на нем сердце, а Папен дорисовал стрелу, пронзающую сердце. В открытом море к нейтральному пароходу, везшему ящик, подошел английский крейсер. Английские офицеры взобрались на пароход, осмотрели почту и забрали из нее ящик с нарисованным на нем сердцем. Теперь уж Папена поймали с поличным. Ему пришлось убраться из Америки. Агентом английской контрразведки, с помощью которого удалось накрыть Папена, была не кто иная, как его секретарша. Это она сообщила англичанам, с каким пароходом был отправлен отчет. А чтобы его было можно быстро найти, она и нарисовала на нем сердце. Так шпион поймал шпиона.

В 1916 году в Аргентину приехал немецкий шпион Арнольд, который специализировался на отравлении скота. Он заражал его бактериями болезней, полученными из Германии. В сентябре 1917 года четыре судна с 4500 мулами должны были вернуться обратно, потому что все мулы оказались больными.

В России немецкие диверсанты, работавшие на заводах еще до войны, взорвали Охтенский пороховой завод в Петербурге.

Кончилась война 1914—1918 годов, армии военного времени были распущены, но штаты разведок и контрразведок капиталистических стран не были сокращены. Между капиталистическими странами продолжалась «тихая война»—с помощью шпионов.

Все мастера старого шпионажа были снова приглашены фашистами на ту же работу. Полковник Николаи, руководивший немецкой контрразведкой во время войны, снова заведует ею. Папен, тот самый, что действовал в Америке, снова занял место в рядах шпионов. Все способы шпионажа, изобретенные во время войны, снова пошли в дело.

Шпионаж стал занятием всех фашистов, где бы они ни жили.

По всей границе Чехословакии с Германией открыто много трактиров, хозяева которых немцы-фашисты. Все это центры разведывательной работы немецких шпионов. Вся Чехословакия разбита на квадраты, которые тщательно изучают агенты Гестапо.

После начала фашистского мятежа в Испании полиция произвела обыски у представителей торговой фирмы «Геллерман и Филиппи» в Барселоне. Под маской фирмы скрывался центр германского шпионажа в Испании и одновременно эта же фирма руководила немецкими фашистами в Испании.

В папках с невинными надписями «стальные изделия», «автомобильные части» хранились секретная переписка с немецкими агентами в Марокко, списки агентов и результаты наблюдения за беженцами из Германии.

Шпионы против СССР

Нам важно знать, как работают шпионы в капиталистических странах, потому что все способы шпионской работы они пытаются применить и против СССР, только в гораздо большем размере.

Товарищ Сталин на Пленуме ЦК ВКП(б) указал на то, что СССР находится в капиталистическом окружении: «Спрашивается,

почему буржуазные государства должны относиться к советскому социалистическому государству более мягко и более добрососедски, чем к однотипным буржуазным государствам? Почему они должны засылать в тылы Советского Союза меньше шпионов, вредителей, диверсантов и убийц, чем засылают их в тылы родственных им буржуазных государств? Откуда вы это взяли? Не вернее ли будет, с точки зрения марксизма, предположить, что в тылы Советского Союза буржуазные государства должны засылать вдвое и втрое больше вредителей, шпионов, диверсантов и убийц, чем в тылы любого буржуазного государства?»

Шпионы и диверсанты пользуются малейшей лазейкой, чтобы пролезть в СССР, вербовать себе на службу предателей, использовать ротозеев и растяп из советских граждан.

Вторые отделы генеральных штабов капиталистических стран, которые занимаются разведкой, содержат школы шпионов. В них шпионы тщательно изучают русский язык, советский быт, советскую Конституцию, историю партии, даже читают книги Маркса, Ленина, советскую литературу. Все это изучается для того, чтобы их было трудно отличить от советских граждан. Затем шпионов перебрасывают через границу или посылают в СССР под видом инженеров, политических эмигрантов, туристов и т. п.

Комиссар государственной безопасности 1-го ранга тов. Заковский в своем докладе привел много примеров деятельности шпионов в СССР.

Вот один из них. В 1936 году был арестован японский шпион А., механик одной из фабрик в Ленинграде. Он еще в 1912 году окончил шпионскую школу в Нагасаки. Японская разведка решила послать его в Россию и для этого придумала хитроумный способ. Его послали через Россию в Англию и дали ему документы, будто он едет в Англию учиться. В 1916 году А. доехал до Петрограда, тут у него не хватило денег, и он попросил разрешения поработать в автомобильной мастерской, чтобы заработать денег на дальнейшее путешествие. А. так и остался в России и посылал шпионские сведения в Японию. После революции японская разведка поручила ему интересоваться судостроительными заводами, но пока не пересылать никаких сведений, чтобы не попасться. А. завел много знакомств среди инженеров и рабочих этих заводов, все считали его своим человеком, беседовали при нем о заводских делах, о различных неполадках, а А. все это запоминал. Он заводил споры, использовал склонность к пьянству одного работника, болтливость другого и по отрывочным сведениям, по кускам разговоров составлял для себя картины состояния заводов, воинских частей, флота.

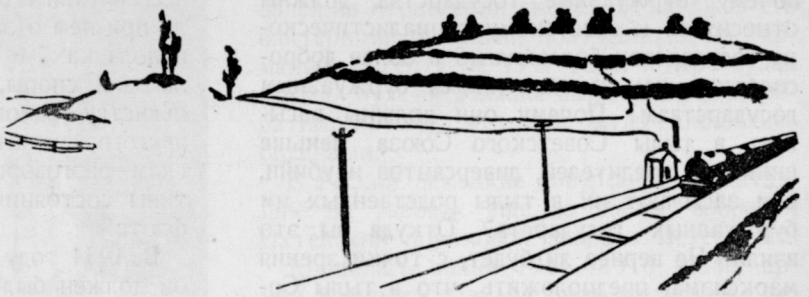
В 1934 году А. получил новое задание: он должен был прекратить шпионскую работу и притаиться до начала войны против СССР. Так как А. больше 20 лет живет в СССР, то никто его не будет подозревать в шпионаже, и вот тут-то А. и должен заняться диверсиями, уничтожая заводы. Хотя и трудно было разоблачить такого ловкого шпиона, как А., советская разведка все же его поймала. Таких шпионов-диверсантов, которые должны были затаиться до начала войны, много разоблачила советская разведка.

Японская и польская разведки давно уже работают вместе. Они договорились, что из Польши будут переходить в СССР под видом перебежчиков шпионы. Некоторых из них плохо проверяли и, поверивши им, посылали на работу в глубь страны, в Сибирь. Они устраивались на железной дороге и организовали там диверсионные ячейки, чтобы вредить во время войны.

Один польский перебежчик, шпион Хадыко, очень хитро замаскировался: ругал Польшу, хвалил Советский союз. Он устроился в Ленинграде на работу в ресторан, где часто бывали летчики. Ходыко познакомился с хозяйственниками летной части, и они пригласили его заведывать столовой летной части. Ходыко подслушивал разговоры летчиков, сам выспрашивал их, узнавал военные секреты. Разведка дала ему задание: «Во время войны мы тебе пришлем порошок, этим порошком ты отравишь весь командный состав». Однако советская разведка разоблачила Ходыко, и он был расстрелян.

Много шпионов разоблачил НКВД среди иностранных специалистов. Один из германских инженеров, Д., приехал в СССР в 1932 году и устроился на работу на завод «Красная заря». Он женился на комсомолке — работнице завода. У его жены был брат Л. — большой болтун. Д. часто с ним разговаривал, а Л. выбалтывал военные секреты, которые Д. передавал германской разведке. Когда Л. очень разболтался, немецкий разведчик Д. заявил, что, если он не будет выполнять его задания, то он ра-

зоблачит Л. и ему придется отвечать по всей строгости закона СССР. Болтун и предатель родины Л., вместо того чтоб самому разоблачить шпиона, испугался и покорно стал выполнять его задания: организовал террористическую группу, которая была поймана и уничтожена.



Этот безобидный рисунок был найден в записной книжке шпиона

Из Ленинградского порта должен был уйти после разгрузки иностранный пароход. Вечером перед отплытием моряки из команды иностранного парохода стали избивать своего товарища. Советские моряки с трудом вырвали избиваемого из рук иностранных матросов.

Избитый рассказал, что он один из всей команды — коммунист, все остальные моряки — фашисты. Узнав, что он коммунист, фашисты начали его избивать. Он боится, что теперь его выбросят в море, как только корабль уйдет из порта. Но когда «избитого» начали расспрашивать пограничники, оказалось, что это комедия, разыгранная агентами фашистской разведки, которая пыталась оставить своего разведчика в СССР. Фашистский разведчик признался во всем.

Шпионы используют и ребят для своей подлой работы. В одном из пограничных районов пограничники обнаружили следы детских ног, которые вели заграницу. Оказалось, что это следы 12-летнего Валентина С. Он сказал, что заблудился и пошел к своему дяде, который живет недалеко от советской границы, а потом пришел обратно. Через несколько дней пограничники задержали его 8-летнего брата, возвращавшегося из-за границы.

Вызвали отца. Он стал говорить, что ребята исхулиганились, не слушаются его и сами бегают за границу. Отец был председателем сельсовета, но был разоблачен как враг народа — троцкист. Когда его арестовали, ребята признались, что под угрозой избиения отец посылал относить их за границу пакеты со шпионскими сведениями.

Находка для фашизма

Суды над врагами народа — троцкистами и правыми бандитами — показали, что эти негодяи являются находкой для фашистской разведки и служат ей не за страх, а за совесть.

Товарищ Сталин указал, что современный троцкизм — это банда вредителей, диверсантов, разведчиков, шпионов, убийц, действующих по найму у разведывательных органов иностранных государств.

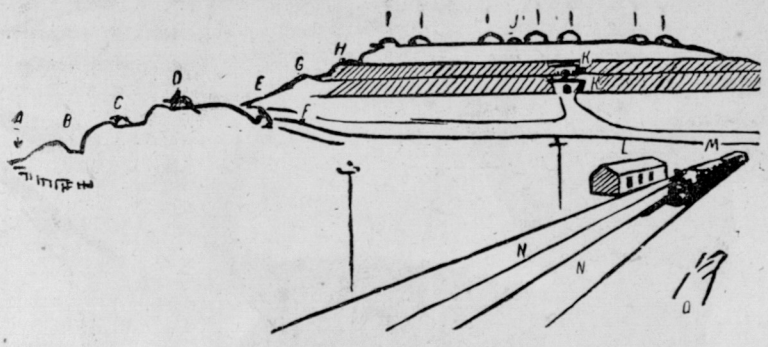
Эта банда врагов народа, по заданию капиталистических разведок, применяет все методы шпионажа и вредительства, помогает фашистским шпионам.

Советская разведка оказалась сильнее разведки капиталистических стран. Агенты и помощники фашистских разведок были разоблачены советской разведкой и уничтожены советским судом. Советская разведка разоблачит всех шпионов и врагов великого советского народа.

Разоблачить шпиона подчас не менее важно, чем победить врага в открытом бою. Шпион, который выкрал важные планы и несет их врагу, может быть опасней чем целый вражеский полк, который идет вам навстречу. Поэтому каждое разоблачение шпиона — это победа.

Разоблачение Тухачевского, Якира, Уборевича и всей восьмерки фашистских шпионов, отвратительных предателей нашей родины, было оглушительным ударом по тем фашистским штабам, где готовится война против нашей страны. Не даром германские фашистские газеты и японские генералы печатно и публично утирали слезы по расстрелянным негодяям.

А мы говорим: «Слава советской разведке, разоблачившей наших злейших врагов! Слава советским разведчикам, которые нашли и обезоружили шпионов, подлых изменников, купленных на фашистские деньги!»



Тот же рисунок, но расшифрованный. Буквы обозначают: A — проволочное заграждение, B — окоп, C — позицию полевой артиллерии, D — тяжелые орудия, E — гаубицы, F — дороги, G — H — рвы, I — башни, J — наблюдательные башни, КК — вход в форт.

На примерах бесчестных негодяев и предателей — якиров, уборевичей, тухачевских (мы их пишем с маленькой буквы потому, что каждое из этих имен стало общим названием для всякого изменника и предателя) — мы видим предел человеческой низости. Что может быть грязнее и подлее, чем предать родину? А ведь предать нашу страну — это означает предать родину всего трудящегося человечества. Ведь наша родина — это надежда всех угнетенных мира. Ведь испанские бойцы сражаются, зная, что «есть на свете Москва».

Наша страна уничтожила предателей, которые не заслуживают права называться людьми.

Звание человека в нашей стране — это высокое звание. Наша страна показывает всему миру, что может завоевать человек, когда он освобожден от тяжелого ярма капитализма. Беломорский канал, канал Волга—Москва, Днепрогэс, новые города, замечательные урожаи, блестящие научные открытия — все это — дело рук человека в стране, которая была одной из самых отсталых в мире. Каждый наш рабочий, каждый колхозник, каждый ученый, служащий, красноармеец, работающий честно, любящий свою страну,— это Человек с большой буквы.

На вершине земного шара, на плывучем ледяном острове, живут советские люди: Папанин, Кренкель, Федоров, Ширшов. Над ними пролетают Чкалов, Байдуков и Беляков по самому трудному в мире воздушному пути. Над ними пролетают Громов, Юмашев и Данилин.

Вот каковы наши люди, говорим мы всему миру. Таков настоящий человек. Смелый, честный, знающий свое дело, до последней капли крови преданный своей родине и великому делу Ленина — Сталина.

Такими должны расти и вы, наши читатели. Не каждому из вас придется перелететь через полюс: каждый из вас найдет с в о е место в жизни, и каждому из вас придется на том или другом посту защищать свою родину. Впереди еще великие бои. Нужно быть к ним готовым, нужно знать все происки врага и учиться их отражать.

А для этого нужно прежде всего самому быть честным и прямым перед своей страной, перед партией, комсомолом, перед своими товарищами в школе и в пионерском отряде. Нужно быть смелым и для перелетов через Северный полюс и для схваток со шпионами и нарушителями наших границ, нужно быть знающим и умелым. Белоручки, безрукие люди ненужны в нашей стране. Нужно быть зорким, чтобы заметить врага, нужно иметь голову на плечах, чтобы распознать его хитрые махинации. Нужно уметь держать язык за зубами и хранить наши государственные и военные тайны, не судачить без толку, не болтать. Нужно всегда быть готовым к борьбе за дело Ленина — Сталина.

□ □ □

Днем и ночью советские границы на замке. Сторожевые собаки помогают пограничникам. Проводник Ивлев (западная граница) указывает «Верному» следы.

«Верный» быстро повел проводника по следам нарушителя границы.

Не скрыться нарушителю границы: «Верный» настиг его.

Нарушителя границы ведут на пограничную заставу.

Живые мертвецы

Проф. П. Ю. Шмидт

Суконщик из Дельфта

ОЛЛАНДСКИЙ суконщик Антон Левенгук был первым, увидевшим микроскопический мир.

Еще молодым человеком, живя в Амстердаме, Левенгук научился шлифовать стекла для очков и увеличительные стекла. В те времена это было новое, трудное и мало кому знакомое дело, но Левенгук все же добился того, что отшлифованные им стеклышки увеличивали до 270 раз. Эти стеклышки и стали первым микроскопом.

И Левенгук так увлекся своими микроскопами, что почти забросил все остальные дела.

Из Амстердама Левенгук перебрался в маленький городок Дельфт. В одной из комнат своего дома Левенгук устроил рабочую комнату. В комнате было тесно и неуютно: она была заставлена всякой всячиной и напоминала странную мастерскую. Тут стоял и токарный станок, засыпанный медными стружками, и станок для шлифовки стекол. Половину комнаты занимала низенькая печурка с горном, уставленная глиняными тиглями, банками и неуклюжими ретортами со стеклянными хоботами. На столах, на стульях, на стенных полках навалены были книги в пергаментных переплетах.

Часами просиживал Левенгук со своими микроскопами в руках, рассматривая все, что попадало ему под руки. Он не был настоящим ученым, даже не знал латинского языка, на котором писались тогда все научные книги, но любознательность его была безгранична. Ему хотелось узнать, как устроен весь окружающий его мир, а его микроскопы позволяли проникнуть в тайны, не видимые простым глазом. Он был к тому же превосходным наблюдателем, точным, терпеливым и акуратным: почти все, что он видел и описал, потом было подтверждено другими исследователями, располагавшими гораздо более совершенными микроскопами.

Как-то Левенгук налил в стеклянную трубочку несколько капель воды, взятой из небольшого прудка, сплошь заросшего водяными растениями. Вода была как вода; простым глазом можно было заметить, разве, что она слегка мутная, но когда Левенгук взглянул на нее сквозь сильно увеличивающее стеклышко, он увидел нечто совершенно необычайное: вода кишмя кишела какими-то крохотными живыми существами, сновавшими в поле зрения микроскопа по всем направлениям. Их были там сотни, тысячи, десятки тысяч, сосчитать их было так же невозможно, как звезды на небе.

Мы их называем теперь инфузориями, жгутиконосцами, бактериями. Левенгук называл их просто крохотными зверьками, а некоторых считал даже мельчайшими насекомыми. И на самом деле, часто ему казалось, что перед ним рой танцующих в воздухе комаров или мошек.

«Мы пьем воду и не подозреваем, что вместе с ней поглощаем миллионы живых существ!» — это поражало Левенгука.

«Кругом нас невидимая жизнь, мириады существ, таких же незримых, как ангелы, а я своими стеклышками могу сделать эту жизнь видимой!»

Все новые и новые предметы попадали под микроскоп Левенгука. Мел и соль, мука и глина, кусочки мяса, жало комара и крылышки насекомых — все исследовал он сквозь свои стекла.

А потом ему пришло в голову посмотреть, как будет выглядеть под микроскопом песок. И вот в сентябре 1701 года Левенгук выскочил во двор в халате, в туфлях, в ночном колпаке. Он приставил лестницу к крыше своего дома, взобрался на нее, достал из жолоба горсть песку и всыпал его в стеклянную трубочку. Спустившись, Левенгук пошел в свою мастерскую и, укрепив трубочку позади увеличительного стекла, принялся разглядывать песок. Посмотрел на свет — видна только темная масса.

Он подлил воды.

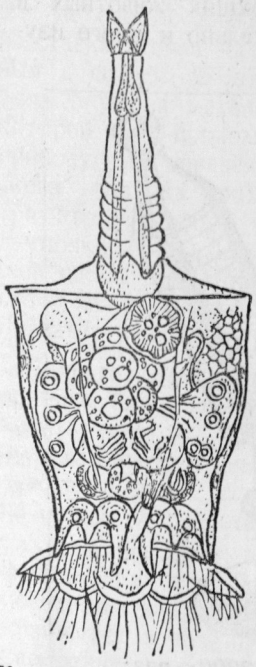
Теперь песчинки обрисовались резче; намоченные, они стали более прозрачными и казались при увеличении огромными ска-

лами. Левенгук долго всматривался в их причудливые очертания. Но вдруг в трубочке показалось что-то живое. Это было какое-то новое, сравнительно крупное, но все же простым глазом неразличимое «насекомое», коричневатое существо с удлиненным членистым тельцем, плававшее довольно быстро с помощью двух венцов ресничек на переднем расширенном конце. Плавало оно, вращаясь вокруг своей оси, как волчок, а иногда прикреплялось к стенке трубки своим расщепленным хвостиком и тогда медленно ползло, как гусеница. Но вот в воде появилось и второе и третье такое же существо, и скоро в трубочке плавали уже десятки их. Это окончательно изумило наблюдателя.

«Откуда они взялись?—недоумевал он.— Ведь песок был сух, как порох, в нем не могло быть ничего живого».

Он повторил опыт с другой порцией песку. И опять минут через 20 в воде плавали заинтересовавшие его вертушки. Казалось, что у них на переднем конце тела вертятся два колеса: так быстро мелькали там реснички на двух лопастях. Позднее их за это англичане назвали колесоножками, а мы называем их сейчас коловратками.

Он попытался поставить новый опыт. Насыпал немного песку тонким слоем между двух стеклянных пластинок и стал внимательно рассматривать при самом сильном увеличении.



Коловратка (увеличенная).

«Если они родятся из песка, то ведь должны же в песке быть их яйца».

И на самом деле, скоро он заметил какие-то комочки, крохотные, коричневые, неправильной формы. Тогда он снова подлил воды.

И вот комочек в воде стал как бы разбухать, вытягиваться, и вдруг на переднем конце его появились и заработали «колеса».

«Так это, значит,— вовсе не яйцо! Скорлупы никакой нет. Это просто высохшее сморщившееся насекомое. В воде оно расправилось и

Антон Левенгук.

ожило! Но если они, высохшие, оживают, то, наверное, живых можно высушить, а потом воскресить?»

Левенгук взял трубочку с живыми коловратками, вылил на стеклянную пластинку и стал ждать, пока вода испарится. Дело требовало терпения, только под вечер вода исчезла, и при осторожном исследовании под микроскопом Левенгуку посчастливилось найти один—другой высохший комочек. Он прикрыл все колпачком и оставил до следующего дня.

На другое утро опыт удался. Высохшие на глазах у наблюдателя коловратки, превратившиеся в бесформенные комочки, в воде ожили и стали плавать как ни в чем не бывало.

Он десятки раз повторял опыты оживления и всегда с одинаковым успехом. Даже одни и те же коловратки могли оживать и «умирать» по нескольку раз подряд, как будто это им ничего не стоило.

Вскоре слава о Левенгуке как о специалисте по «воскрешению из мертвых» распространилась по всему городку. В результате были даже кое-какие неприятные разговоры с пастором.

Дети с соседней улицы просили суконщика оживить кошку.

Как-то приплелась к нему старушка с мертвым попугаем.

Левенгук пытался об'яснить, что он-то тут не при чем, что коловратки оживают сами. Но разве от этого оживление коловраток становилось менее чудесным?

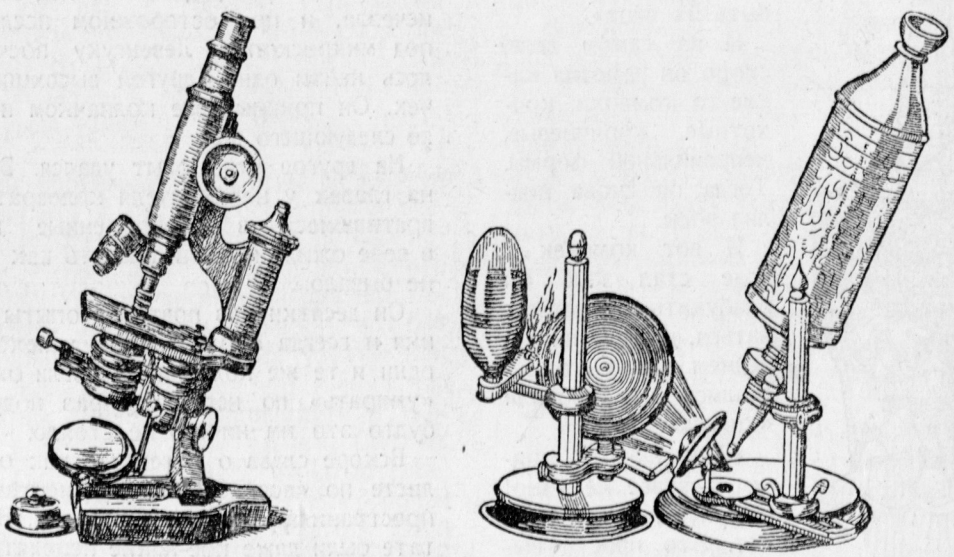
Даже ученые ему, повидимому, не поверили. Он описал очень обстоятельно все свои опыты, нарисовал, как умел, коловраток и послал письмо Лондонскому королевскому обществу, заменявшему собой в Англии Академию наук. Но только через 50 лет, когда Левенгука не было в живых, английский ученый, Бэкер, располагая гораздо лучшим микроскопом, повторил и подтвердил все наблюдения голландского самоучки.

Температура — 269 градусов.

ТАК было сделано одно из замечательнейших открытий: была открыта способность некоторых живых существ высыхать и как бы умирать, а затем оживать снова. Позднее было выяснено, что коловратки живут, собственно говоря, в зеленом мху, которым часто бывают покрыты камни, стволы деревьев, а также деревянные или черепичные крыши. Из мха, росшего на крыше дома Левенгука, они и попали в песок, скопившийся в жолобе, смытые туда дождем. Мох этот под лучами солнца сам высыхает и прекращает свой рост; он также оживает только тогда, когда его смочит дождь. Коловратки, обитающие в нем, подчиняются той же судьбе: под жгучими лучами солнца они высыхают; смоченные дождем — возвращаются к жизни. Им приходится приспособляться к условиям, в которых они живут, и в течение веков и тысячелетий у них выработалась способность испарять из своего тела воду и высыхать до последней степени совершенно безнаказанно.

Любопытно, что это необыкновенное свойство присуще не одним коловраткам, а и всем другим мелким жителям мхов и лишайников. Позднее были открыты тихоходки — забавные существа, немногим крупнее коловраток, медленно ползающие на четырех парах коротких ножек с коготками. Под микроскопом они напоминают неуклюжих медвежат, карабкающихся по деревьям, какими представляются тонкие стебельки мха при увеличении. Стоит мху высохнуть, и тихоходки также втягивают свои ножки, с'еживаются в комочек и так дожидаются дождя.

Это замечательное явление оживания, видимо, мертвых, высохших животных и после Левенгука внимательно и много изу-



Слева — современный мощный микроскоп, увеличивающий до 2000 раз; справа — микроскоп времен Левенгука.

чалось учеными разных стран. Позднее оно получило особое греческое название — «анабиоз», что и значит «оживание», «воскресение». Часто возникали у ученых сомнения: действительно ли животные высыхают полностью? Опыты показали, однако, что коловратки и тихоходки в сухом состоянии выдерживают даже нагревание в течение получаса до точки кипения воды, до 100° Цельсия. Высохнуть, следовательно, они должны полностью, вся вода из них должна испариться, и, тем не менее, они оживают.

Лет 15 назад один германский ученый, Г. Рам, поставил еще более интересные опыты. Он подвергал высохших коловраток и тихоходок такому сильному холоду, какой только возможно получить в наших лабораториях, — 269 градусам ниже нуля. При этом холоде замерзают не только все жидкости, но и воздух становится твердым.

И все же, оказывается, крохотные высохшие обитатели мха выдерживают и такое жестокое испытание. После полной остановки жизни, помещенные в воду, они снова оживают!

Так было окончательно доказано, что в некоторых случаях жизнь можно совсем остановить, а затем она опять может вернуться в, казалось бы, мертвое тело.

Что открыл профессор Бахметьев

ЕСНОЙ 1898 года в столице Болгарии, Софии, в небольшой и скромно обставленной физической лаборатории Софийского университета, как-то поздно вечером, готовился опыт. Профессор физики, русский ученый, вынужденный из царской России уехать в Болгарию, Порфирий Иванович Бахметьев, хлопотал около приборов. Ему помогал молодой болгарин, его ученик П. Петков.

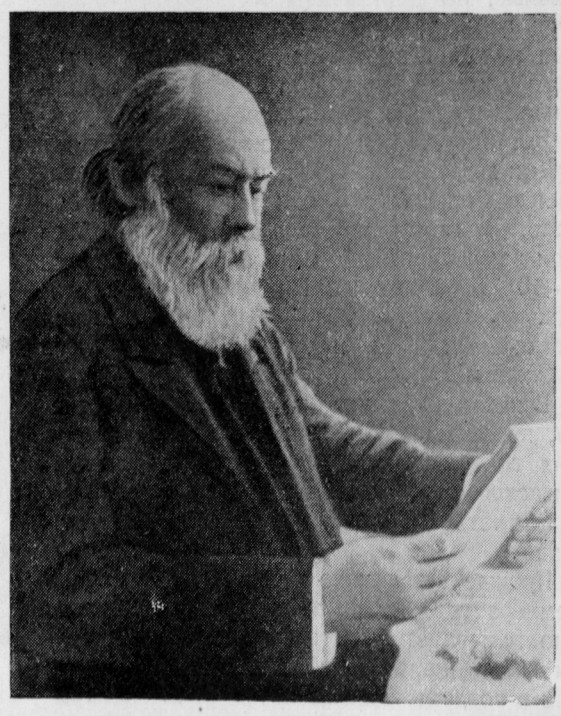
Опыт, над которым они оба возились, был не совсем обыкновенный. На высокой подставке стояла кадка со льдом, смешанным с солью. В эту холодильную смесь была опущена металлическая коробка, из которой шли провода к гальванометру — прибору для определения силы электрического тока. На крохотное зеркальце внутри этого прибора падали лучи света от лампочки и отражались зайчиком на большой шкале с делениями. Тут же рядом, на столе, стояли коробки с сеточками, в них ползали, бились крупные ночные бабочки.

Приготовления к опыту были закончены, но надо было выждать, когда перестанут ходить мимо окон лаборатории трамвайные вагоны: уличный ток действовал на чувствительный гальванометр — и зайчик на шкале не переставал колебаться.

Какой же опыт хотел произвести профессор Бахметьев? Он хотел точно установить, когда и при каких условиях прекращается жизнь при замерзании и когда замерзшее животное еще может ожить... Своим опытам Бахметьев придавал огромное практическое значение. Он был уверен, что рано или поздно удастся замораживать на зиму пчел. Тогда их не пришлось бы бесполезно кормить медом в течение нескольких месяцев. А если бы удалось замораживать на время бескормицы скот, ведь это произвело бы целый переворот в сельском хозяйстве!

Быть может, мечты Бахметьева шли еще дальше.

Еще за пятьдесят лет до его опытов знаменитый английский хирург и анатом Джон Гентер размышлял над тем, как бы выра-



Профессор Порфирий Иванович Бахметьев.

ботать способ замораживать человека лет на сто, затем пробуждать его, потом опять замораживать и таким образом позволить ему прожить тысячу лет. Гентер поставил даже опыт — правда, не над человеком, — он заморозил в охладительной смеси двух карпов и... убедился затем, что они замерзли насмерть!

Но если опыты над человеком представлялись Бахметьеву делом отдаленного будущего, то с рыбами вопрос казался ему легче разрешимым.

В древности считали оживление замерзших рыб вполне возможным.

Знаменитый римский поэт Овидий Назон, сосланный императором Августом на самый север тогдашней Римской империи, на берег Черного моря, к устьям Днестра, где теперь стоит город Овидиополь, пишет в одном из своих стихотворных посланий:

«Видели рыб мы во льду,
скованных и неподвижных,
Часть из них все же потом снова
стала живой...»

Полярные путешественники также утверждали, что им случалось наблюдать на севере замерзших рыб, которые в тепле оживали...

Помимо Гентера опыты замораживания рыб и мелких животных делали и другие ученые, но результаты их опытов оказались разноречивыми. Так, Пуше замораживал золотых рыбок при — 14° Ц, и они у него всегда погибали, а Пикте, замораживавший тех же рыбок при такой же температуре (причем образовывался сплошной кусок льда), утверждает, что после оттаивания рыбки плавали как ни в чем не бывало. В опытах Ределя улитки погибали при замораживании в течение 10 часов при — 10° Ц, а тот же Пикте подвергал улиток охлаждению до — 110° Ц в течение нескольких дней, и будто бы они у него выживали...

Вся эта путаница, по мнению Бахметьева, происходила оттого, что никто не изучил точно условий, при которых останавливается и снова возвращается жизнь.

Бахметьев и решил выяснить эти условия.

Прежде всего надо было узнать, какова температура внутри тела животного, когда оно замерзает. Все исследователи измеряли лишь наружную температуру, в воде или в воздухе. Бахметьев устроил электрический термометр. Его игла, спаянная из двух проволочек — манганиновой и медной, — дает электрический ток, который тем сильнее, чем выше температура, а сила тока определяется гальванометром, и зайчик, бегущий по шкале с делениями, точно показывает ее.

Бахметьев достал из коробки крупного сиреневого бражника и осторожно вколол в его толстое тельце термоэлектрическую иглу. Зайчик гальванометра остановился на делении, соответствующем температуре окружающего воздуха, но затем быстро стал колебаться взад и вперед по шкале. Бабочка отчаянно билась, и каждое сильное сокращение мышц вызывало повышение температуры тела.

Бахметьев перенес бабочку в коробку, стоявшую в кадке с охладительной смесью, и укрепил ее там. Зайчик тотчас же остановился и затем стал подвигаться вниз по шкале: температура быстро падала.

Петков стал отмечать по секундомеру каждые полминуты. Температура тела бабочки минут 15 все понижалась и понижалась. Вдруг зайчик остановился на мгновенье и стремительно стал двигаться в обратную сторону, указывая на внезапный под'ем температуры.

Что случилось?

Произошел температурный скачок. Это явление хорошо известно физикам. Так можно переохладить воду: ее температура станет — 5°, даже — 10° Ц, и она не замерзнет. Это удается особенно легко, если вода помещена в тонкие как волосок стеклянные трубочки. Но даже в простой пробирке вода может быть охлаждена до — 3° Ц без замерзания, если на ее поверхность налить немного масла и охлаждать осторожно, не встряхивая... Но когда затем при еще более низкой температуре или при толчке вода начнет быстро замерзать, то при этом сразу выделяется тепло. Это и есть температурный скачок.

Соки насекомого в его теле находятся также в тонких трубочках и в узких промежутках между органами. Вот почему и здесь наблюдаются то же самое явление переохлаждения и температурный скачок.

В опыте Бахметьева температурный скачок наступил, когда жидкости в теле бабочки переохладились до — 9°. Зайчик быстро пошел вверх, но не дошел до нуля, а затем опять стал двигаться вниз. Бабочка теперь уже по-настоящему замерзала: в ее крови образовывалось все больше и больше льда...

Вот зайчик-указатель остановился на 10° мороза.

Тогда ученые раскрыли коробку, осторожно вытащили термоиглу из замороженного тела бабочки и положили насекомое в тепло. Через четверть часа бабочка согрелась, брюшко ее стало опять мягким, но она не шевелилась: она была мертва.

«Видно, температура — 10° Ц уже не переносится замерзающим насекомым, — решил Бахметьев. — Но где же температурная граница, при которой еще возможно оживление?»

Они взяли другую бабочку из коробки и проделали с ней тот же опыт, но только прекратили его тогда, когда после температурного скачка зайчик дошел до — 8° Ц. Бабочку положили в тепло, и уже через несколько минут у нее начали двигаться ножки и усики. Прошло еще минут пять— задвигались и крылья, бабочка перевернулась, села на стол, приготовилась лететь: она ожила!

Необходим был, однако, длинный ряд опытов в течение многих вечеров, чтобы точно установить все подробности. Наконец, было выяснено, что у бабочек «точкой смерти», как назвал Бахметьев, являются — 9 — 10° Ц; когда после температурного скачка тело бабочки охлаждается до этой температуры, бабочка погибает. Если же ее вынуть из холодильной смеси раньше, то бабочка, хотя она кажется точно так же совершенно замороженной, мертвой, все же оттаивает и оживает.

Так был открыт анабиоз у насекомых при замерзании.

Путешествия замороженных рыб

НОГО времени и труда понадобилось еще, чтобы установить, при какой температуре все жидкости в теле бабочки замерзают полностью. В этом отношении опыты Бахметьева, очень сложные и трудные, оказались менее удачны. Он думал, что при температуре тела — 4,5° Ц все жидкости обращаются в твердое состояние и насекомое представляет собой кусок сплошного льда. Позднейшие, более точные исследования других ученых показали, что это не так: полное замерзание происходит при гораздо более низких температурах и всегда ведет к окончательной гибели насекомого. Насекомое оживает только в том случае, если лишь небольшая часть его соков замерзла. Однако и при таком, неполном замерзании жизнь насекомого почти останавливается: оно лежит без движения, повидимому, не дышит, не чувствует. И замерзшее насекомое вполне можно сравнить с высушенной коловраткой.

Бахметьев не ограничился опытами над насекомыми: он попробовал позднее замораживать летучих мышей во время их глубокой зимней спячки. Оказалось, что и для летучей мыши — 9,0° является точкой смерти. А летучая мышь, вынутая из холода при температуре тела — 4,0°, в тепле быстро оттаивала и оживала, несмотря на то что при вскрытии таких замороженных летучих мышей оказывалось, что их сердце совершенно твердо и не бьется.

Бахметьев надеялся, что, быть может, при дальнейших опытах удастся получить такое же состояние анабиоза у других млекопитающих, не впадающих в спячку. Но до сих пор, однако, никому не удалось сделать этого.

В 1912 году Бахметьев, прославившийся на весь мир, был приглашен, наконец, в Россию, в Москву, на кафедру университета Шанявского.

Но в январе 1913 года смерть отняла у науки этого замечательного ученого.

Дело, начатое им, пришлось продолжать много времени спустя другим исследователям и в том числе мне. В 1935—1936 годах я и два моих сотрудника, Г. П. Платонов и С. А. Персон, поставили ряд опытов по замораживанию рыб в Ленинградском холодильном институте. Если бы удалось найти способ замораживания рыб, при котором они не погибают, то насколько это облегчило бы перевозку живой рыбы во все концы страны!

Для опытов мы взяли самых обыкновенных рыб, больше всего карпов и карасей. Мы их замораживали в особо устроенных ящиках — криостатах, — в которых удерживалась более или менее равномерная низкая температура. Таким же способом, как Бахметьев определял температуру тела у бабочек, мы определяли ее у рыб — вкалыванием в их тело термоиглы, соединенной с гальванометром.

Опыты наши показали, что замораживание рыб до твердого состояния, когда кровь и все другие соки их тела превра-

щаются в лед, всегда ведет к их окончательной гибели: при оттаивании после такого замерзания рыбы не оживают. Если, однако, замораживание не доведено до конца, если лед только начинает образовываться в поверхностных частях тела, под кожей, а внутри тела температура не спускается ниже чем до — 0,6° или — 0,7° Ц, тогда рыбы могут ожить после оттаивания и даже иногда долго живут после этого в аквариуме.

Вместе с тем опыты показали нам и кое-что новое. Когда мы рыб не замораживали, а только охлаждали в воде до нуля, они по мере падения температуры воды становились все менее и менее подвижными и, наконец, казались совсем мертвыми. Если вынуть их в таком состоянии из воды и положить на лед, то они могут лежать там часами и даже днями без признаков жизни, а затем в воде оживают. Небольшие караси выдерживали так во льду 10 суток.

Осенью прошлого года мой сотрудник Г. П. Платонов сделал опыт и с крупными рыбами, с осетрами, длиной примерно в метр. На Оранжерейном промысле (в низовьях Волги) охладили нескольких осетров до нуля в большой кадке. Когда их вынули из воды, они производили впечатление совершенно замороженных, «в колодку», как говорили рыбаки. Затем этих осетров поместили в большой ящик с толстыми стенками, изолирующими от тепла, на лед, и в этом ящике они совершили путь от промысла до Астрахани на барже, медленно тащившейся на буксире, в течение суток. В Астрахани их встретила целая комиссия. Рыб пустили в воду — они ожили и поплыли.

Еще более интересный опыт мы проделали в ноябре прошлого года. Г. П. Платонов отправился в Саратов и там подготовил к перевозке стерлядей. Десятка два охлажденных стерлядей положили в чемодан с изолированными от тепла стенками, на куски льда в два слоя.

С таким чемоданом Платонов вылетел из Саратова на аэроплане в Москву. Обыкновенно аэроплан совершает этот путь в 4—5 часов, но была уже глубокая осень, туманная погода, неблагоприятная для полета, и аэроплан долго не мог отправиться в путь. Затем в дороге произошла авария, и аэроплану пришлось приземлиться и переночевать в Рязани, так что в Москву он прилетел только через сутки, а стерляди провели на льду в общей сложности 42 часа. Когда в Москве, в лаборатории Института рыбного хозяйства, чемодан был вскрыт, то оказалось, что нижний слой льда совершенно растаял и превратился в жидкую кашицу, в которой плавали мертвые стерляди. Они не ожили, когда их перенесли в аквариум: очевидно, они ожили еще в пути, как только лед превратился в воду, а затем задохлись в слишком малом количестве воды. Но те стерляди, которые находились на остатках льда, ожили все.

Итак, вопрос об анабиозе, о возможности приостанавливать жизнь на время, все еще не разрешен до конца. В некоторых случаях, как мы видели на примере коловраток, доказана возможность полной остановки жизни. Но коловратки и тихоходки самым своим образом жизни приспособлены к высыханию, к анабиозу. В других случаях, повидимому, возможна лишь менее полная остановка жизни.

Удастся ли нам когда-нибудь осуществить мечту Бахметьева — открыть способы искусственной остановки жизни у высших животных, у теплокровных и особенно у человека, — сказать трудно. Но кто может в науке заранее сказать: это невозможно? Не казалось ли еще недавно совершенно недостижимой мечтой многое из того, что осуществлено сейчас? Возможно, что новые поколения ученых будут счастливее нас и разрешат задачу, которую не можем разрешить мы.

□ □ □

ПОЧТА

Капитан Бросс

Рассказ В. Джекобса. Перев. с английского Жени Лютикова

Москва, Истоминский проезд, д. 3, кв. 25

Женя Лютиков, ученик 9-го класса, много занимался английским языком. Этот рассказ он самостоятельно перевел с английского языка на русский.

Капитан Бросс второй день не приходил на корабль «Сара Джон». Это случалось с ним не впервые.

Директор компании вызвал к себе помощника капитана и сказал ему:

— Если капитан не придет к отплытию, вы поведете корабль сами. С первым же приливом!

Помощник капитана был уверен, что после этого рейса он получит место капитана. А матрос Тед Джонс тоже думал, что неплохо бы стать помощником капитана. Команда корабля не любила капитана Бросса, и все были довольны, что поплывут без него.

— Еще два часа,— сказал помощник,— и я поведу корабль.

Тед Джонс посмотрел за борт на поднимавшуюся воду.

— Даже раньше! — сказал он.— Интересно, а куда все-таки он пропал?

— Не все ли равно,— сказал помощник.— Вероятно, опять играет в карты. Важно то, что сказал директор. Я поведу корабль с первым же приливом.

— Он старый дурак,— сказал Билль Ло.— Никто не будет жалеть о нем, кроме мальчика.

В это время племянник капитана Бросса, мальчик Томми, четвертый раз читал про себя следующее письмо:

«Дорогой Томми, сообщаю тебе, что я не могу выйти из этого дома, потому что прошлой ночью я проиграл в карты, кроме всех моих денег, все платье. На борту не говори никому ни слова, а сам принеси мне сюда платье.

Твой любящий дядя».

— Еще два часа,— сказал себе Томми.— Но где я найду для него платье? Я никому не должен ничего рассказывать. Но в каюте нет мужского платья.

Томми перерыл всю каюту. Но он нашел только платье мистрисс Бросс, которая прошлый раз плыла на шхуне вместе со своим мужем.

— Я возьму и обменяю на мужской костюм,— сказал Томми.

Он положил все вещи в мешок и, улучив момент, когда никто на него не смотрел, сошел на берег и пошел через город.

Но продать или обменять платье было не так-то легко. Во всех местах, куда он обращался, хозяева лавок говорили, что он украл платье, и прогоняли его.

Наконец, Томми решил больше не терять времени, потому что до отплытия оставалось совсем мало времени, и пошел прямо к дому, где его ждал капитан.

Перед домом, куря трубку, сидел пожилой мужчина.

— Капитан Бросс здесь? — спросил Томми.

— Он наверху — сказал мужчина.— Ты достал ему одежду?

— Слушайте,— сказал Томми.— Дайте

мне старый костюм для него. Я дам вам в обмен хорошее женское платье.

— У меня нет костюмов,— сказал мужчина.— Почему ты предлагаешь мне? Ты думаешь, я продаю платья?

— Ну дайте мне какую-нибудь одежду,— сказал Томми.— Если вы не дадите, то капитан должен будет идти в женском платье, а это ему не понравится.

— Интересно знать, на что он будет похож, — сказал мужчина.

— Дайте мне, пожалуйста, какую-нибудь одежду,— сказал Томми.

— Я не хочу лишить себя удовольствия. Я хочу видеть его одетым, как женщина.

Он повел Томми наверх, в небольшую комнату. Там в одних носках сидел капитан «Сары Джон».

— Вот молодой джентльмен, который принес вам платье,— сказал человек.

Он вытащил из мешка платье мистрисс Бросс.

— Я не мог принести ничего другого,— быстро сказал Томми.— Наденьте это платье и идемте. На улице дождь, и нас никто не увидит. А когда вы придете на борт, вы сможете взять платье у кого-нибудь из матросов. Нам нужно торопиться: помощник сказал, что он отправится с первым приливом.

Капитан тяжело вздохнул, встал, и оба помощника стали его быстро одевать.

— Теперь,—сказал мужчина, когда они почти кончили,— повяжите шарфом подбородок и спрячьте в него свою бороду. Хорошо еще, что у вас нет усов!

Шел сильный дождь, и никто не обращал внимания на странную пару. Когда они подошли к набережной, корабль отчалил и поплыл. Капитан поднял свои юбки и закричал: «Подождите минуту!»

В этот момент корма шхуны подошла ближе, и капитан Бросс вместе с Томми взобрались на палубу.

— Почему вы не хотели ждать меня?— спросил капитан помощника.

— А я откуда мог знать, что это вы?— спросил его помощник.

— Знаете, что? — продолжал он, посмотрев на капитана — Оставайтесь в этом платье. Я никогда не видел вас таким красивым.

— Я хочу спросить вас, Билль,— сказал капитан,— не одолжите ли вы мне свой костюм?

— А где ваш собственный? — спросил Билль.

— Я не знаю,— сказал капитан.— Кто-то взял его.

— Вполне возможно,— сказал помощник.

— Ну где же он, дружище? — спросил капитан.

— А я откуда знаю?

— Я спрашиваю о вашем костюме!

— А, мой костюм! — сказал помощник.— Я не хочу давать вам свой костюм.

— Вы не хотите дать мне свой костюм? — спросил капитан.

— Да, не хочу, — сказал помощник.

— Ну, ладно,—сказал капитан. — Тед, иди сюда! Где твой второй костюм?

— Прошу прощения, сэр, — отвечал Тед,— но он нехорош для вас, сэр.

— Ну это ничего, — сказал капитан. — Принеси его сюда.

— Я не принесу его,— сказал Тед.

— Очень хорошо,— сказал капитан, обращаясь к другому матросу. — Джемс — единственный хороший человек на борту. Дай мне руку, Джемс!

— Я тоже с ними,— сказал Джемс.

— Идите в каюту и ложитесь,— сказал помощник,— а я пришлю вам туда чашку чаю. Посмотрите-ка! Ха-ха!

С мостика проходящего парохода краснолицый джентльмен посылал воздушные поцелуи Броссу. Взбешенный капитан замахал кулаками и побежал к себе в каюту.

— Спрячьте все иголки,— сказал помощник матросам,— иначе он сделает себе костюм из старого паруса.

Капитан сидел в своей каюте.

— Томми! — крикнул он мальчику.— У меня есть хорошая идея. Где твой второй костюм?

— Он не больше этого,— сказал Томми.

— Ну давай его,— продолжал капитан,— и сними с себя этот. Принеси ножницы. Я разрежу два костюма и сделаю из них один!

— Но, дядя...—сказал Томми.

Не отвечая ему, капитан быстро разрезал костюм на несколько кусков.

— А что я буду носить? — всхлипывая спросил Томми.

— Какой ты эгоист, Томми! — сказал капитан.— Ты думаешь только о себе. Завернись в одеяло и принеси иголку и нитки! Быстро!

Через двадцать минут Томми возвратился.

— На борту нет иголок,— сказал он.

— Что?—закричал капитан.—Тед, Тед! Иди сюда. Мне нужна иголка,— сказал капитан Теду, когда тот вошел.— Я разорвал свою юбку.

— Я сломал вчера свою последнюю иголку,— ответил ему Тед.

Шхуна уже вышла в море. Подгоняемая свежим попутным ветром, она приближалась к порту Батлезии. Капитану хотелось ввести корабль в порт ночью, но ветер крепчал. Было ясно, что шхуна войдет в порт до темноты. В семь часов вечера до города оставалась только одна миля.

— Где помощник? — крикнул капитан.

— Он очень болен, сэр, — ответил матрос.

— Болен? — спросил капитан, и, подобрав свои юбки, побежал в каюту помощника.

Помощник в своем костюме лежал на кровати.

— Что с вами стряслось? — спросил капитан помощника.

— Я умираю, — отвечал тот.—Я очень болен.

— Ах, так! Дайте мне тогда ваш костюм.

— Нет, — ответил помощник.—Я хочу умереть в своем костюме.

— Вы негодяй! — закричал капитан.— Вы хотите, чтобы я ввел корабль в порт.

— А почему бы и нет? — спросил помощник. — Вы должны это сделать: ведь вы капитан. И идите на палубу. Гавань уже близко.

Когда корабль входил в гавань, все, кто был на берегу, бросились к кораблю. На мостике стоял капитан в розовой юбке с оборочками, а из-под шелкового шарфа торчала рыжая борода.

Привет с Большой земли

Стихотворение Виктории Авериной

Тамбов, Железнодорожная школа № 51

Летят самолеты один за другим
Сквозь буран, пургу и туман,
Летят самолеты один за другим
Туда, где бурлит океан.
Туда, где белые медведи ходят,
Туда, где льдины торосами бродят,
Туда, где солнца зимою нет.
Начальнику Шмидту и всей экспедиции
Пламенный пионерский привет!

Рисунок Веры Исуповой (Оренбург).

Мой Попка

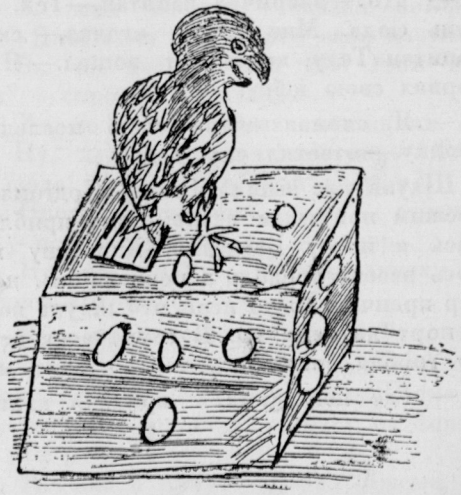
Письмо и рисунок Вали Несветова

г. Туапсе, Советский пер., д. 1

В прошлом году, когда нас распустили на каникулы, я поехал в гости к дяде на Кубань, в Лабинский район, на ст. Упорную. На второй день после приезда вместе с ребятами я отправился к речке. Около речки мы встретили двух мальчиков. Они несли на руках трех неоперившихся совят. Я попросил у них, и они дали мне птенцов.

По дороге я рассматривал совят. У них были большие головы, глаза величиной с копейку, маленькие крылья. Я их начал кормить. Кормил я совят червями, но черви были очень мелкие, и их было мало, так что совятам не хватало пищи, и два птенца сдохли; сдох бы, наверно, и третий, если бы я не узнал, что он будет есть рыбу. А узнал я это так: однажды мы с сестрой начали ловить в пруду мелкую рыбу для кошки. Наловили, принесли домой, но кошки дома не было, и мы оставили рыбу на столе, а сами пошли играть. Потом я захожу в комнату, вижу: совенок ест рыбу. Я каждый день стал ловить ему рыбу. Совенок рос быстро, потому что ел он, сколько хотел, и был всегда сыт.

Я назвал совенка Попкой, потому что клюв у него был загнут, как у попугая. Он стал откликаться на это имя, подскакивал ко мне. Недели через полторы он начал летать, взлетал мне на голову, на плечо и на палец. Мы выносили его на двор. Все шло благополучно. Только у Попки был враг, и он не давал ему покоя. Этим врагом была кошка. Она прыгала на него, валяла и кусала. Кошка делала это не со зла, а просто играла, но Попка этого не любил, он взлетал куда-нибудь повыше, где кошка его не доставала, и сидел, пока она не уходила из комнаты. Вечером он вылетал в сад и проводил там почти всю ночь; летал, пел свои песни, а наутро прилетал в комнату, садился в угол и спал. Днем спал он потому, что сова—ночная птица и днем ничего не видит.



Попка сидит на клетке.

В начале августа мама и папа взяли отпуск и с моим меньшим братом приехали за мной, потому что нужно было готовиться к школе. С собой мы взяли и Попку. Вечером на грузовой машине мы поехали к станции Лабинской. До Лабинской было сорок пять километров, а Попка сидел в клетке, которую я сделал из картонного коробка. Часов в двенадцать ночи мы были в Лабинской и здесь переночевали. Утром я выпустил Попку из клетки, он сел на клетку, зацокал своим клювом и запел по-своему.

Потом мы сели в поезд и поехали домой, в Туапсе. В вагоне было душно, а Попке в клетке — еще душнее. Он стал ломать клетку, я его выпустил и стал сле-

дить, чтоб он никуда не улетел, но мои предосторожности были напрасны. Он летал в другие купе, и все-таки возвращался ко мне. Часов в двенадцать ночи мы приехали в Туапсе, вышли из вагона и направились к дому. Попке в клетке было душно, он был злой и то и дело щелкал клювом, потом начал когтями ломать клетку, пришлось клетку выбросить, а его нести в руках.

В городе со мной Попка прожил только два дня. Вечером второго дня Попка вылетел в окно, и я не видел, кто его взял. Куда он девался, неизвестно. Так я расстался со своим совенком Попкой.

Днепр

Стихотворение Мурика Ваксмахера

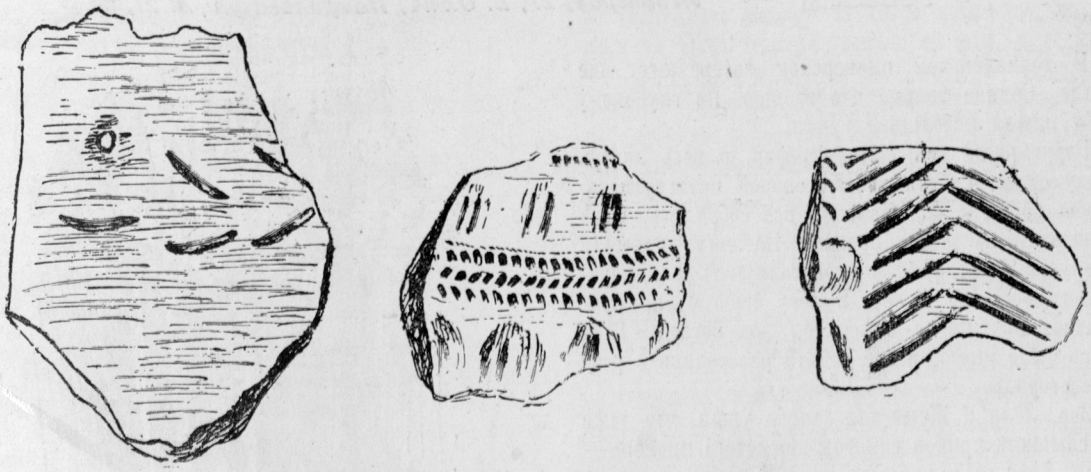
Москва, Садовническая улица, д. 42, кв. 27

Вниз по течению Днепра
Была воздвигнута плотина.
Подводная гора была
В четыре взрыва снесена.
Электростанция Днепра,
Дала свет многим городам
И строилась она
По ленинскому плану.

Стоянка первобытного человека

Письмо В. Житлова

г. Кривой Рог, Военный городок, корпус № 7

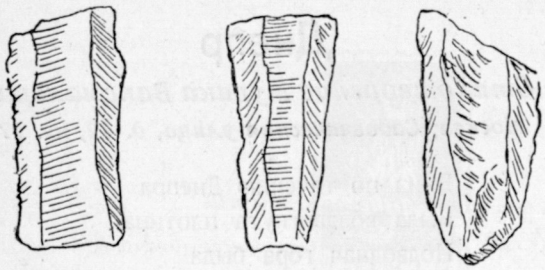


Обломки глиняной посуды.

Я очень люблю археологию. Весной этого года я нашел место, где когда-то жил доисторический человек. Свои находки я отнес в Старобельский музей, и мне там сказали, что эта стоянка относится к бронзовому веку. Это примерно 3 тысячелетия до нашей эры.

Свои находки я сделал около города Старобельска, на левом берегу реки Айдар. Наверно, людей, которые здесь жили, привлекли близость реки и хорошая, плодородная местность.

Я нашел 57 фрагментов глиняной посуды. Это небольшие кусочки посуды. Я надломил один кусочек и увидел, что глина обожжена только по краям и в том месте, где обожжена, она желтого или красного цвета, а середина — черная, необожженная. Я думаю, это произошло от того, что глину обжигали не в печах, а на кострах.



Кремневые скребочки.

На многих из фрагментов есть рисунки. По этим рисункам можно точно определить, что они были сделаны задолго до нашей эры. Можно, например, узнать, занимался ли человек плетением. На черепочках остаются следы плетения.

Человек, который жил в стоянке на берегу реки Айдар, по-моему, занимался охотой. Там я нашел песчаник овальной формы. В середине его углубление. Я думаю, что это углубление сделано для шлифовки стрел.

Кроме того я нашел еще три скребочка и одну пластинку с зубцами. Для чего была сделана эта пластинка, я не знаю.

В моей коллекции 57 фрагментов посуды и 26 кремневых осколков. Мне никогда не надоедает их рассматривать: каждый раз можно найти новые линии, которые сразу не заметишь.

Случай в лесу

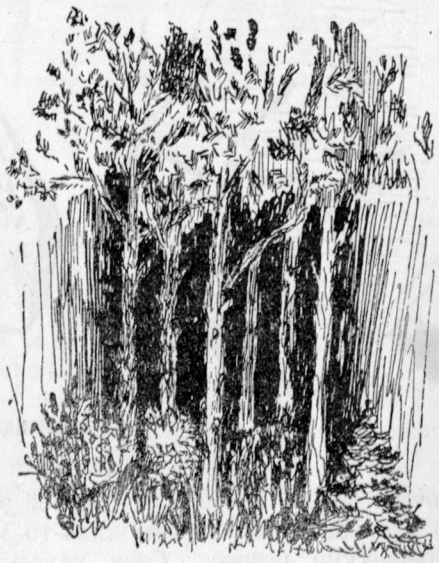
Письмо Арона Мирлина

Ленинград, 27, Б. Охта, Панфилова ул., д. 21, кв. 5

В толмачевском пионерском лагере все еще спали. Солнце только что взошло. По глубокому небу плыли небольшие тучки.

Вдруг раздались звуки фанфар, и весь лагерь сразу ожил. Ребята хотели скорей позавтракать, чтобы пойти в лес. Наконец все собрались. Сначала шли по шоссе и пели. Но когда подошли к опушке леса, ребята перестали петь и наперегонки побежали в лес. В лесу было очень прохладно, мох мягко опускался под ногами. Ягод здесь было много, и все ребята разбрелись в разные стороны.

Зоя, Леля и Женя так далеко ушли, что даже не слышали криков самого голосистого пионера— Сени. Леля собрала много ягод. У нее глаза очень зоркие: она разглядела в траве несколько ягод брусники и потянулась за ними. Вдруг Леля вскрикнула, отшатнулась и рассыпала все ягоды. Девочки подбежали к Леле и увидели струйку крови на ее ноге. Зоя быстро нагнулась над ногой Лели и стала высасывать и выплевывать кровь, которая текла из маленькой ранки на лелиной ноге. Леля хотела пойти в лагерь, но нога очень распухла, и она не могла пошевелить ею. Ее укусила змея. Женя и Зоя подняли Лелю и понесли на руках. Идти было далеко, и они скоро устали. Они часто присаживались отдохнуть, потом снова поднимали Лелю и несли ее. Наконец, они вышли на шоссе. Солнце уже садилось.



Когда они пришли в лагерь, то сначала пошли в лазарет; сестра милосердия положила Лелю и стала за ней ухаживать.

Леля выздоровела.

Огоньки

Письмо Кости Максимова

Село Старая Майна, Куйбышевской области

Был выходной день. Я решил пойти на рыбную ловлю. Наладил удочки, набрал червей и пошел к реке. Река у нас протекает близко, около самого села, но я решил идти к Волге. Через полчаса я уже отошел километра на два от села. По сторонам рос молодой дубняк. Я шел, мурлыкая себе под нос песню и размахивая котелком, который давно мне надоел: я хотел на берегу сварить уху, но забыл спички, и теперь котелок был ни к чему. Я решил его спрятать, а на обратном пути захватить с собой. Разыскав в лесу хороший пень с дуплом, я начал совать туда котелок, надавил дупло и... пень развалился: он был сплошь гнилой. Тогда я вытащил отвалившиеся остатки пня, положил на его место котелок и завалил гнилушками.

Скоро показалась река, я распустил и закинул удочки, сел в кусты и стал ждать. Было очень жарко. Рыба не клевала. Я лежал под кустом на траве и злился на жару и на комаров, которые докучливо звенели над ухом. Ветра не было: стоял полный штиль. Укрывшись мешком от комаров, я в щелочку смотрел на небо, по которому лениво плыли, как клочки белой ваты, редкие облака. К вечеру я совсем отчаялся и начал сворачивать удочки. Тут как раз и начался клев. Я увлекся и пошел домой поздно.

Облака заслоняли луну, и поэтому иногда становилось совсем темно. Пахло болотом. До села оставалось еще три километра, когда в темноте я заметил бледноголубой предмет величиной около метра. Что бы это могло быть? Я остановился, на меня потянуло болотом, предмет тихо заколыхался. Я был от него на расстоянии 100 метров.

Может быть, это тряпка какая-нибудь? Нет... Ветра сейчас совсем нет. Да и почему тряпка видна? Уж мой мешок, совсем белый, и то не видать. А может быть, это разбойник? Вот накинется на меня, кричи, не кричи — никто не услышит. Я попятился, но потом все-таки пошел вперед. Разбойник, во всяком случае, не будет ходить ночью в белом. Что же это такое?

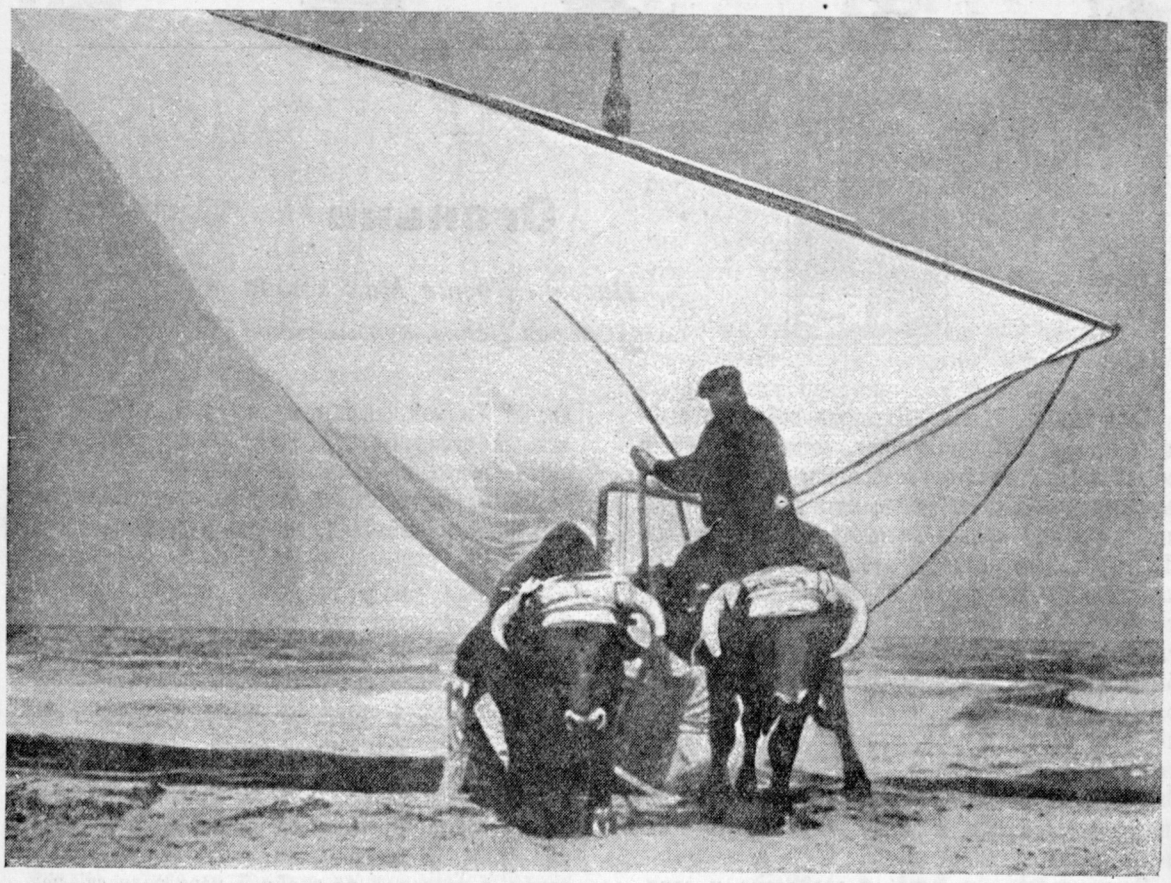
Я сделал вперед три шага, предмет заколыхался и отскочил тоже на три шага, я хотел идти дальше, но под ногами захлюпала вода, и я, отскочив, кинулся бежать. Пробежав по шоссе метров сто, я оглянулся и... в трех шагах от меня, тихо колыхаясь, стоял таинственный предмет, и сквозь него, как через стекло, смутно был виден скелет. Я хотел крикнуть, но голоса не было, удочка выпала из рук, и я, упав на траву, не знаю зачем, залез в мешок. В мешке я пролежал по крайней мере полчаса, пока решился выглянуть из него. Взошла луна и осветила мое «привидение». Оно стояло у меня в ногах. Огонек был похож на пламя примуса. Я привскочил. Да это же блуждающий огонек! Но почему же виднеется скелет? Я напряженно всмотрелся и рассмеялся: сквозь огонек были видны деревья, освещенные луной. Все мои сомнения рассеялись, я побежал за огоньком, хотел его догнать. Но где там! Как свою тень не перегонишь, так и огонек не догонишь... Взглянув в сторону болота, я увидел между деревьями штук десять разных огоньков.

Скоро я шел домой как ни в чем не бывало. По дороге взял котелок вместе с гнилушками, которые тоже светились голубовато-белым светом.

Недели через три я опять ходил рыбачить и нарочно возвращался ночью, но блуждающие огоньки исчезли бесследно.

□ □ □

НА БЕРЕГУ БИСКАЙСКОГО ЗАЛИВА



Отважные и упорные люди населяют берега Бискайского залива. Баски дали свое имя этому грозному заливу.

Едва ли еще есть место на земном шаре, где бы чаще свирепствовали штормы, где бы так часто слышны были радиосигналы о помощи «SOS»: «Спасите наши души».

С древнейших времен Бискайский залив был самым страшным местом для моряков, морским кладбищем десятков тысяч судов, начиная от галер и трирем древних греков и финикийцев...

Само грозное море выковало из басков отважных моряков и рыбаков. На своих утлых суденышках уходят они в море за рыбой.

Сейчас особенно важна работа баскских рыбаков. В Басконии никогда не хватало своего хлеба, и его привозили из других стран. Военные суда мятежников не пропускают пароходы с продовольствием. Рыба заменяет хлеб. Рыбаки смело ловят рыбу под самым носом у фашистских пиратов, снабжая ею свою героическую армию.

Во время прилива, когда ветер дует с моря, рыбаки запрягают быков в лодки и вытягивают лодки на берег. А чтобы быкам было легче тащить тяжелые лодки, рыбаки распускают «льняные крылья» — паруса.

БИОСКОП

или разные сообщения о вещах, мелких и крупных, видимых и невидимых, отдаленных и близких, известных и неизвестных

●

Самое холодное лето — на Земле Франца-Иосифа. В июле снег идет там в три раза чаще чем дождь. 80 островов Земли Франца-Иосифа, площадью около 20 тысяч квадратных километров, почти сплошь покрыты льдом. Некоторые острова никогда не показываются из-под ледяных куполов. Впрочем, в этом году мы наверное узнаем, есть ли на земле место с еще более холодным летом. Об этом сообщит товарищ Папанин с Северного полюса.

●

В 1914 году в петербургском Главном гидрографическом управлении слушали доклад о работе погибшего в Арктике замечательного полярника, исследователя Седова, сделавшего, между прочим, точные с'емки на Новой Земле. «Я не вижу здесь ничего интересного»,— сказал чиновник управления, выслушав доклад. «Но вот Нансен считает эти материалы исключительно ценными», — попытался возразить докладчик. «Так вы и отнесите их Нансену, раз ему интересно. А нам со всем этим делать нечего».

Труды экспедиции Седова были изданы только при советской власти.

●

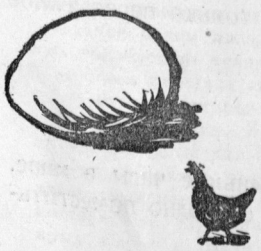
Вернувшись из своей экспедиции в 1909 году, американец Пири телеграфировал президенту Соединенных штатов Америки: «Я открыл Северный полюс». «Хорошо, — ответил президент, — но что я с ним буду делать?»

Советские люди знают, «что делать» с Северным полюсом. Они знают, что Северный полюс — это «кухня погоды», и впервые в мире смелые советские полярники и летчики использовали полюс для научных наблюдений и для перелетов по кратчайшему пути в Америку.

●

Все знают, что малярию разносят комары. Но мало кто знает, что кусает не комар, а комариха. У комара-самца даже нечем укусить: у него нет жала, и он пьет сок трав.

●



Из одного яйца страуса можно сделать яичницу, которой хватит на шесть человек с хорошим апетитом. Но в Парижском музее хранится яйцо, которое еще в пять раз больше чем яйцо страуса. Это яйцо птицы эпиорнис, жившей на острове Мадагаскаре. Ее не видел никто из европейцев. Впрочем, один португальский матрос хвастался лет триста назад, что он повстречался с последней из этих гигантских птиц.

Скелеты древних животных сохранились по большей части потому, что их похоронила в иле вода рек или морей. Любопытно, что палеонтологи используют воду и для того, чтобы добыть из земли эти скелеты. Во время последних раскопок в Соединенных штатах Америки направляли в грунт, где предполагали найти интересную залежь, сильную струю воды. Она вымывала и уносила почву лучше чем лом, кирка и лопата, не повреждая драгоценных костяков. Так нашли скелет грызуна величиной с медведя и скелет лошади ростом с лисицу.

В японских морях водится акула, которая кажется покрытой как будто рыжей шерстью. По этой пушистой покрышке можно провести рукой только от головы к хвосту. При попытке провести рукой обратно в пальцы вопьются сотни острейших жал: каждая щетинка рыжей «шерсти» усажена зубчиками, почти невидимыми невооруженным глазом. Этим предательским мехом акул японские столяры полируют дерево, как у нас стеклянной бумагой.

На дне стоячих водоемов слоем в 5 — 6 сантиметров лежит самое жаркое топливо — это сапропель.

Комок высушенного сапропеля величиной с кулак дает в печи столько жара, сколько несколько березовых поленьев. Сапропель издает затхлый запах падали. И это не удивительно, потому что сапропель состоит из миллиона трупов мельчайших водяных животных.

Откуда взялся арбуз? Великий ботаник Линней предполагал, что родина арбуза — Италия, но доказать этого не мог. Другие ученые думали, что арбуз вывезен из Азии. И вот лет 70 назад путешественник Ливингстон нашел в центре Африки обширные поляны, заросшие дикими арбузами. Их жадно поедали разные животные. Среди диких арбузов было много горьких. Негры их разбивали топорами, чтобы выбрать сладкий: по виду их отличить было нельзя.

Самым предусмотрительным из всех животных, пожалуй, надо признать одного краба. На его панцыре селятся водоросли, полипы, морские черви, актинии. Никому не придет в голову, что под этим движущимся лесом животных и растений скрывается краб. Но время от времени он высовывает клешню и, захватив часть своих сожителей, отправляет их в рот.

Этот краб носит с собой, таким образом, не только передвижное прикрытие от врагов, но и передвижной огород.

Женевский часовой мастер сделал самые маленькие часы в мире. Они весят немного больше двух граммов и могут свободно поместиться на ногте большого пальца.

Приключения капитана Врунгеля

(Продолжение)

А. Некрасов *Рис. К. Ротова*

Вам не приходилось плавать по Амазонке? Нет. А мне, знаете, пришлось. Я тогда закурил в самолете. Ну, понятно, пассажиры перепугались, кричат. Потом летчик просунул голову в кабину. Смотрю, ухватился за какой-то рычаг... Я сразу догадался в чем дело. У них там устроено такое приспособление: если какая авария, летчик одним движением отделяет кабину, и она самостоятельно опускается на парашюте.

Ну, летим вниз. Я соображаю: рейс, конечно, прерван, билеты дальше недействительны, но один из нас все равно заяц, и, как не верти, придется давать об'яснения. И я, знаете, решил прикинуться посторонним. Привстал, подпихнул Фукса, тот открыл люк в потолке кабины, вылез. И я за ним. Осмотрелись: под ногами река, кабина спускается ниже... ниже... Сели.

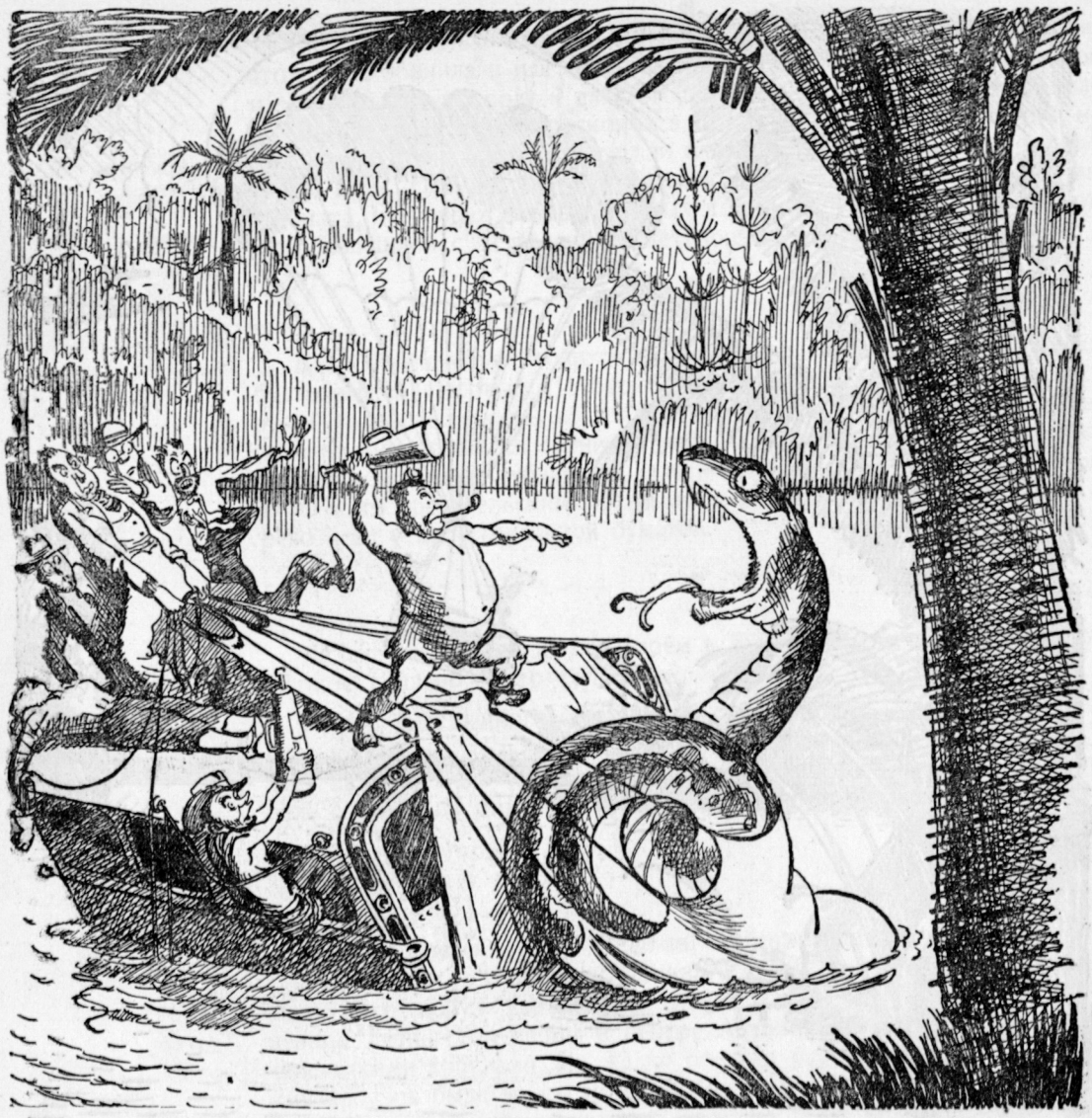
Я склонился над люком, кричу:

— Добро пожаловать, господа. Рад приветствовать вас в столь диких и недоступных местах.

Они вылезли поодиночке, несколько успокоились. Настал момент взаимных представлений.

— Так вот,—говорю,—господа, разрешите представиться, профессор географии Христофор Врунгель. Путешествую здесь. А это мой слуга и проводник — индеец Фукс. Будем знакомы.

— Очень приятно,— отвечают они. Однако вижу, не верят, разглядывают нас, молчат. Какой уж профессор в трусиках. Я вижу, нужно сказать что-то значительное, отвлечь внимание...



— Простите,— спрашиваю,— здесь все прибывшие?

Они переглянулись, потом кто-то говорит:

— Вы еще высокий джентльмен. Он еще загорелся...

— Ах вот как? Ну-ка, Фукс, спуститесь вниз, посмотрите.

Фукс залез в кабину, потом вылезает, подает щепотку пепла. Вот, мол, все, что осталось.

— Ах,— говорю я,— какое несчастье. Высокий джентльмен, видимо, сгорел дотла. Ну что же поделаешь, мир праху его... А теперь, господа, давайте вытащим парашют: он нам еще пригодится.

Ну, взялись, тянем как невод. Я командую:

— Раз-два взяли! Вира помалу...

Вижу, они стараются, но с непривычки дело плохо идет.

Вдруг, смотрю, все побросали стропы, бегут назад, на корму, так сказать, столпились там и дрожат от страха. Фукс, тот и вовсе нырнул в люк, а барышня-пассажирка встала на цыпочки, растопырила пальцы, машет руками, точно лететь собралась, кричит:

— Ай, мама!

Ну, я обернулся, и вижу: действительно, «мама»! Удав, понимаете, залез в парашют, огромный удав метров в тридцать. Свернулся клубком, как в гнезде, смотрит на нас, выбирает жертву.

А у меня никакого оружия, одна трубка в зубах...

— Фукс,— кричу я,— подайте-ка что-нибудь потяжелее.

Тот высунулся из люка, подает какой-то снаряд. Я прикинул — ничего, увесистая штучка.

— Давайте еще,—кричу, а сам встал наизготовку, нацелился... И удав тоже нацелился. Разинул пасть, как пещеру... Я размахнулся и прямо туда.

Да только что удаву такая пустяковина! Проглотил, понимаете, как ни в чем не бывало, даже не поморщился. Я второй снаряд туда же — он и его проглотил. Я бросился к люку, кричу Фуксу:

— Давайте скорее все что есть!

Вдруг слышу за спиной страшное шипенье...

Обернулся. Гляжу: удав раздувается, толстеет, шипит. Из пасти хлещет пена...

Ну, думаю: сейчас бросится.

А он, представьте, вместо этого неожиданно нырнул и пропал.

Мы все замерли, ждем. Минута проходит, вторая. Пассажиры на корме начинают шевелиться, шепчутся.

И вот видим: всплывает над водой нечто: блестящий баллон огромных размеров, чудовищной формы, весьма оригинальной окраски.

Вот, думаю, новое дело. Чему бы это быть? Даже страшно стало. Потом понял: снаряды-то эти были огнетушители. Столкнулись в пищеводе пресмыкающегося, разрядились и накачали удава пеной. Ну и раздулась змея, приобрела излишний запас плавучести, чувствует, что дело дрянь, хочет нырнут, а живот не пускает...

— Давайте,—говорю,— Фукс, выходите наверх, опасность миновала...

Пассажиры, как услышали, бросились поздравлять друг друга, жмут мне руки, только и слышно:

— Спасибо, профессор, как это вы его?

Ну, и знаете, после этого случая мой авторитет укрепился. А тут, к счастью, и с костюмами дело уладилось. Я сшил себе китель из парашюта. Материал прекрасный, а вместо пуговиц я болты применил — отвинтил от кабины. Ничего, получилось прочно и красиво, только вот без гаечного ключа не разденешься. А Фуксу готовый комбинезон нашли в аварийном запасе точь-вточь, как был у него, только поновее. Потом парусишки соорудили, мачту поставили. Пассажиры стоят вахту, плывем, промышляем черепах, ловим рыбку. Эта барышня стряпать выучилась...

Плыли так месяца полтора. Чего только ни насмотрелись по дороге: обезьян, и лиан, и каучуковых деревьев. Дожди, туман, самые тропики. Комарье. Хорошо еще лихорадку никто не схватил. Наконец, прибыли в порт Пара.

Спутники наши распрощались, раз'ехались кто куда. А мы с Фуксом опять на мели, на чужом берегу, без пищи, без крова, без средств к существованию.

Сели мы на бульваре обсудить положение. Вдруг подходит полицейский и приглашает к губернатору. Ну пошли. Приходим.

— Вы,— спрашивает,— кто такие, откуда?

— Это,— говорю,— мой матрос Фукс, нанят в Кале, а я капитан Врунгель из Ленинграда.

Губернатор услышал и даже присел от страха.

— Как из Ленинграда? Значит, большевик? Это что ж теперь будет: беспорядки, революция, выговор по службе... нет, знаете, я, конечно, восхищен вашим мужеством и ничего не имею против вас лично, но как лицо официальное приказываю вам немедленно покинуть вверенную мне территорию и к сему препятствий чинить не буду.

Ну мы и пошли. Идем. Вдруг сзади какой-то шум, топот, я обернулся, смотрю: человек сорок с ножами...

— Вон они! Вон они! — кричат.

Мы побежали... добежали до какой-то будочки, я изнемог, остановился дух перевести... сердце так и колотится, устал. А Фуксу хоть бы что, он ле-гок на ходу. Этак фамильярно хлопает меня по спине.

— Ну,— говорит,— капитан. Стойте здесь, вас не тронут... а сам припустил, только пятки сверкают. Расстроился я. Эх, думаю, одно спасение — лезть на пальму. Ну лезу.

Слышу: они уже здесь рядом. И разговоры слышу. Оказывается, это переодетые жандармы. Обманул меня губернатор, велел нас линчевать на всякий случай. Но они, однако, медлят. Минуту жду, 10 минут... руки устали, слез... не трогают. Пошел — не трогают, расступились даже.

Ну я опять пошел на свою скамеечку на бульвар. Ночь просидел, а на утро, на рассвете, является Фукс.

— Вот видите,— говорит,— не тронули вас.

— Да почему, об'ясните!

— А вот,— говорит он, заходит сзади и снимает у меня со спины плакат: череп с молнией, две кости и подпись: «Не трогать, смертельно!»

Где уж он его подцепил, не знаю, но думаю, что в той будке, на бульваре, трансформатор стоял — иначе откуда бы?

Фукс уже и билеты взял на пароход. Мы с ним заняли каюту и отправились в Рио-де-Жанейро, пассажирами. Прибыли, высадились, навели справки. Оказывается, «Беду» тут выбросило на берег.

Ну мы наняли местный экипаж — этакую корзинку на колесах, подхлестнули волов, едем по берегу и наблюдаем печальную, но поучительную картину: человек двести негров таскают кофе и сахар из склада на берег и прямо мешками в воду бултых, бултых... кризис, ничего не поделаешь... Потом видим, наша «Беда»-красавица, а рядом разгуливает какой-то верзила. Чистый разбойник: шляпа как зонтик, на боку косарь, штаны с бахромой. Увидал нас, бросился. Ох, думаю, зарежет. Но не зарезал, нет. Это Лом, оказывается, обжился здесь, нарядился по местной моде.

Ну встретились, облобызались, поплакали. Вечерок поболтали, а с утра я зашел в порт попрощаться и отход оформить. Прихожу к начальнику, подал бумаги. А он как увидел меня, сразу же принялся кричать:

— Ах, так это вы капитан «Беды»? Стыдно, молодой человек. Тут вот на вас от губернатора донос, и еще японский адмирал Кусаки жаловался. Какой-то остров вы там разрушили...

Потом как гаркнет:

— Загрузить яхту «Беда» песком вплоть до полного потопления!

Ну я заторопился на судно. Прибегаю. А там уже и песок привезли и какой-то чиновник распоряжается.

— Стойте, молодой человек,— кричу я.— Вы каким песком хотите грузить? Ведь мне надо сахарным, первый сорт.

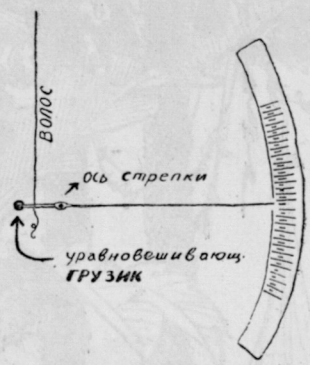
— Ах вот как? — говорит он.— Ну что ж, пожалуйста, сию минуту...

Ну и, знаете, те же негры загрузили и затопили «Беду».

А мы разбили лагерь тут же на берегу, пожили три дня, а на четвертый сахар растаял, смотрим — яхта наша всплывает не торопясь. Ну мы ее почистили, помыли, подняли паруса и пошли.

(Продолжение следует).

ПСИХРОМЕТР



Стрелка с грузиком — самый простой способ.

Среди множества замечательных открытий знаменитого английского физика и химика Фарадея есть одно, которое положило основу всей современной электротехники. Открытие это—превращение механической работы в электрический ток.

И вот оказывается, что честь этого открытия едва не досталась другому ученому, имя которого в наше время почти забыто.

Еще за несколько месяцев до того, как Фарадей приступил к работе над разгадкой связи электрических и магнитных явлений, Колладан уже пришел к мысли о превращении движения в электричество и задумал опыт для подтверждения этой мысли. В 1830 году он проделал свой опыт, но опыт не удался, и Колладан отказался от своей идеи, признав ее ошибкой.

Понятно, как он был огорчен, когда через полгода узнал, что тот же опыт у Фарадея принес нужный результат.

Этот маленький случай показывает, как важно для ученого, изобретателя и исследователя правильно поставить нужный опыт и как важно суметь сконструировать нужный прибор. И не удивительно, что именно Фарадей, опыты которого до сих пор считаются классическими, добился успеха там, где другие потерпели поражение.

Такие замечательные изобретатели, как Эдисон, и такие ученые, как Павлов, умели просто, остроумно и убедительно ставить свои опыты, и этому в очень большой мере они обязаны своим успехом.

Поэтому каждый, кто собирается стать ученым или изобретателем, должен научиться ставить опыты и строить приборы.

Вот мы и предлагаем нашим читателям построить для начала очень простой прибор, который не только даст возможность попрактиковаться в изобретательстве, но послужит и для практических наблюдений над погодой.

Прибор этот называется психрометром и служит для определения влажности воздуха.

Как его сделать, мы не будем рассказывать, расскажем только об основных элементах этого прибора, а дальше — дело конструкторов и изобретателей.

Известно, что человеческий волос (особенно светлый женский волос) обладает замечательным свойством: при изменении влажности окружающего воздуха он изменяет свою длину.

Чтобы волос лучше реагировал на эти изменения, его нужно обезжирить; придумайте, как это сделать.

Но одного волоса мало. Нужно еще сконструировать приспособление, которое отмечало бы изменение длины волоса, а значит, и влажности.

Понятно, что всего удобнее сделать для этого «шкалу» — табличку, размеченную на равные деления, как на градуснике, на манометре и т. д.

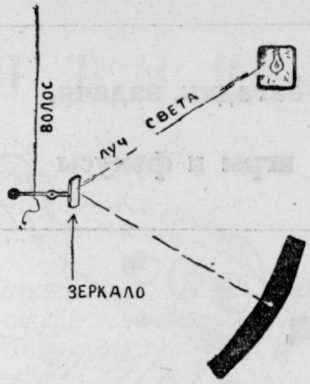
Конечно, можно просто подвесить к волосу какой-нибудь груз и смотреть, на какой высоте он будет находиться, но, к сожалению, длина волоса изменяется так мало, что наглаз это изменение очень трудно заметить.

Значит, нужно придумать еще одно приспособление, которое незаметные изменения длины волоса сделало бы заметными.

Тут сам собой напрашивается рычаг.

Если к короткому плечу рычага мы прикрепим конец волоса, то длинное плечо того же рычага будет отклоняться при изменении длины волоса тем заметнее чем больше разница длины плеч.

Может случиться, что потребуется слишком большая разница длины плеч; ведь мы не знаем, как изменяется длина волоса,— все равно, смущаться не стоит. При коротком плече, скажем в 2—3 миллиметра, мы можем сделать длинное плечо в метр,



Световой луч вместо стрелки.

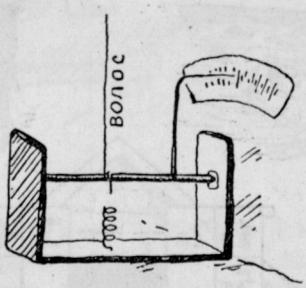
в два, в пять метров длиной. Вы, может быть, думаете, что такой рычаг не свернешь, тем более волосом,— ведь пятиметровый рычаг что-нибудь да весит?!

А кто нам мешает сделать длинное плечо нашего рычага невесомым?

Ведь мы не требуем от этого рычага никакой работы — нам только нужно видеть его движение.

А раз так, то можно воспользоваться световым лучом. Свет не гнется, не ломается и уж во всяком случае ничего не весит. Стоит только приделать к концу волоса подвижное зеркальце — и световой «зайчик» лучше всякой стрелки покажет любое изменение его положения.

Может быть, эта хитрость и не понадобится — это — ваше дело, а мы вам здесь все-таки расскажем еще об одной хитрости, которую применяют в таких случаях. Возьмите кусочек тонкой проволоки, согните под прямым углом и зажмите один конец ее между большим и указательным пальцами. Теперь



Такой способ передачи движения стрелки применяется в барометре.

чуть-чуть сместите пальцы — видите: насколько сместился свободный конец? Это тот же рычаг, но для нашего прибора в таком виде он, пожалуй,

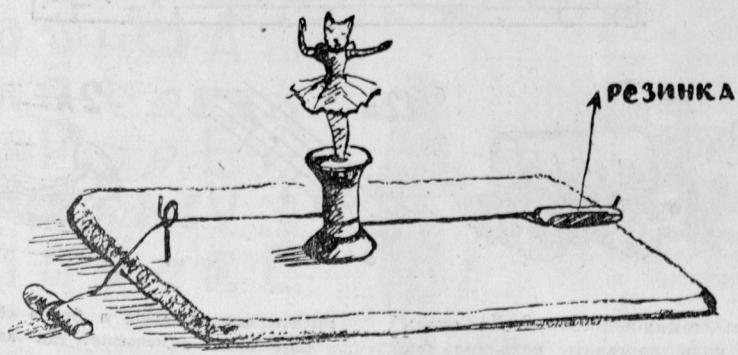
Здесь ясно видно, как расположить ось, пружинку и укрепить волосок.

удобнее и проще. На рисунке показано, как его можно приспособить.

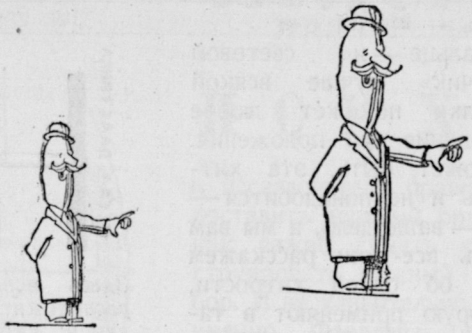
Нужно еще расположить поудобнее части прибора, собрать их и придумать последнее приспособление для регулировки натяжения волоса. Посмотрите, как регулируются молоточки в электрических звонках, струны музыкальных инструментов, дверные пружины, может быть, это натолкнет вас на какую-нибудь мысль. А теперь осталось только собрать весь прибор и точное описание его с чертежом прислать в редакцию.

Лучшую, самую остроумную и удобную конструкцию мы напечатаем.

Балерина

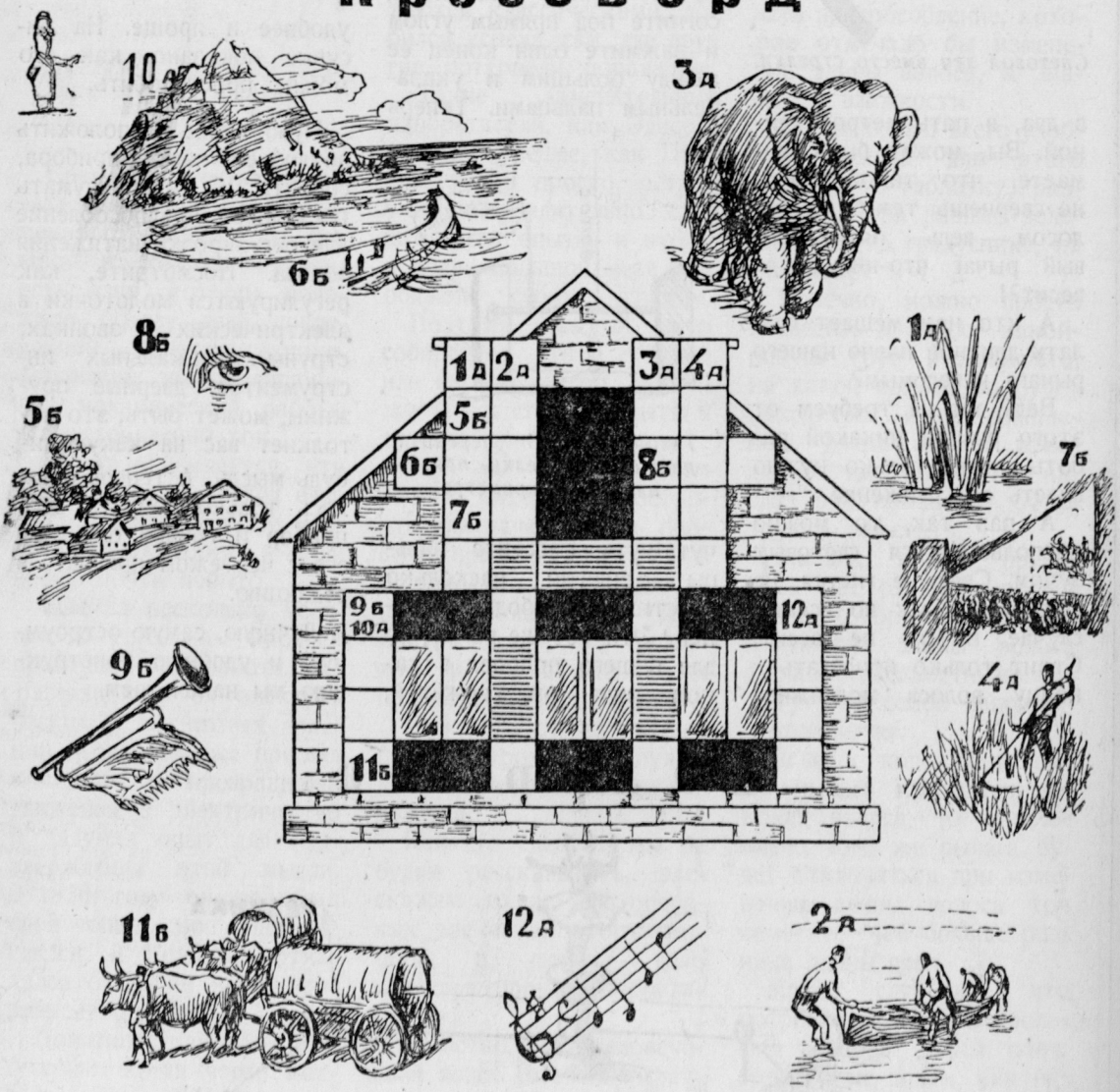


Материал для этой игрушки: кусочек резины, суровая нитка, катушка из-под ниток, кусочек проволоки, несколько тряпочек (для куклы) и дощечка.



Загадки, задачи, игры и фокусы

Кроссворд

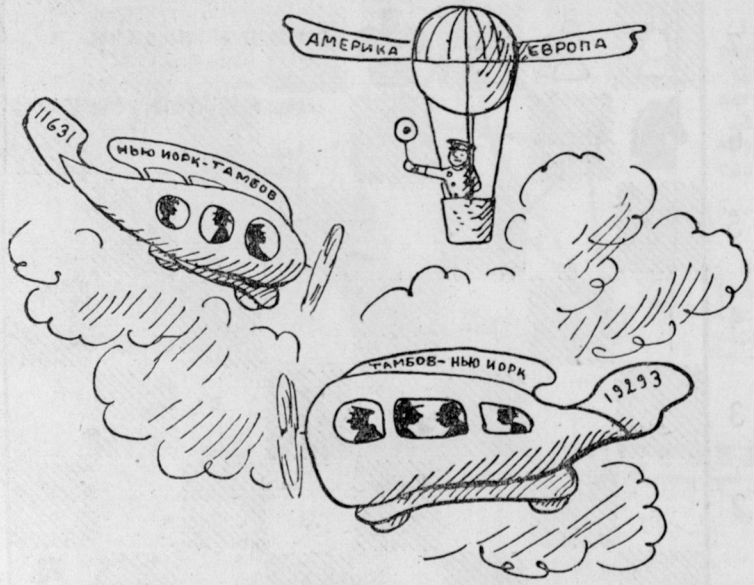


Как заселить этот домик-кроссворд? Да очень просто: в клетках надо поставить названия тех предметов, которые нарисованы вокруг домика. Редакция попросила художника поставить одинаковые цифры около каждого предмета и в той клетке, с которой начинается название этого предмета. Буква «а» обозначает, что название надо писать вертикально, а буква «б» — горизонтально.

Еще одно замечание: так как этот кроссворд несколько необычен, то и правила его заполнения тоже необычны: большинство слов идет только в одном направлении.

Редакция сделала все для того, чтобы вы могли отгадать этот кроссворд. Теперь дело за вами.

Между Тамбовом и Нью-Йорком



Через 25 лет, а может быть, и раньше, между Тамбовом и Нью-Йорком должно быть установлено прямое, беспересадочное воздушное сообщение. Мощные воздушные корабли днем и ночью будут перевозить пассажиров между двумя частями света. Через 7 часов после вылета из Тамбова самолеты будут приземляться на аэродроме в Нью-Йорке. Отправление самолетов с обоих аэродромов будет происходить каждый час. Попробуйте заглянуть вперед и представить себя пассажиром самолета, вылетающего из Тамбова в 7 часов утра. Сообразите: сколько самолетов вы встретите на своем пути?

ПУТАНИЦА

Здесь разными шрифтами написано начало известной поэмы. Угадайте — какой.

ДВЕ КОРЗИНЫ ЯБЛОК

Задача прислана Валей Бондаренко из станицы Советской, Азово-Черноморского края.

Пошла одна колхозница продавать яблоки. В одной корзине у нее было 30 крупных яблок, в другой — 30 помельче. Крупные яблоки колхозница решила продавать за рубль пару, а мелкие — за рубль тройку.

Подсчитайте-ка, сколько денег она должна получить за свои яблоки. Колхозница умела считать не хуже вас, поэтому она знала, что получит ровно 25 рублей.

Но вот пришла она на базар и думает:

«Чем мне возиться да продавать из двух корзин, высыплю-ка я яблоки в одну и буду продавать 5 яблок за 2 рубля».

Так она и сделала. Когда же все яблоки были проданы и колхозница стала пересчитывать деньги, то убедилась, что у нее не 25, а всего 24 рубля!

Если вы действительно хорошо считаете, то сообразите: почему так получилось, куда девался рубль?

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА

(Игра)

Есть много слов, которые как при чтении слева направо, так и при чтении справа налево сохраняют свой смысл, они не изменяются (например: топот, потоп, казак, шалаш и т. д.). Есть слова, которые при чтении слева направо имеют одно значение, а при чтении справа налево — другое (например: кот, колесо, гам и т. д.).

Можно затеять очень интересную игру. Все, кто захочет принять в ней участие, получают по листку бумаги и по карандашу. Затем, по сигналу, все играющие придумывают слова, о которых сказано выше. Побеждает тот, кто запишет больше слов. Игра ведется на время — на 5—10 минут.

Эта игра поможет скоротать время в дождливую погоду.

ШАХМАТНАЯ ЗАДАЧА

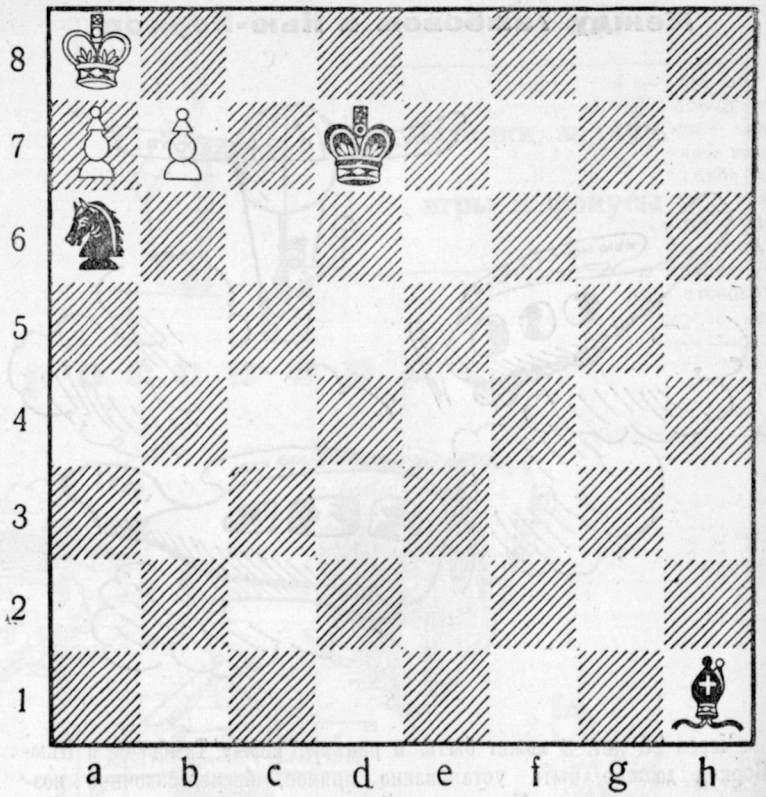
Невнимательные шахматисты из числа наших читателей очень удивятся и скажут:

— Что это вздумалось редакции одну и ту же задачу печатать два раза? В четвертом номере печатали эту задачу и теперь опять печатают!

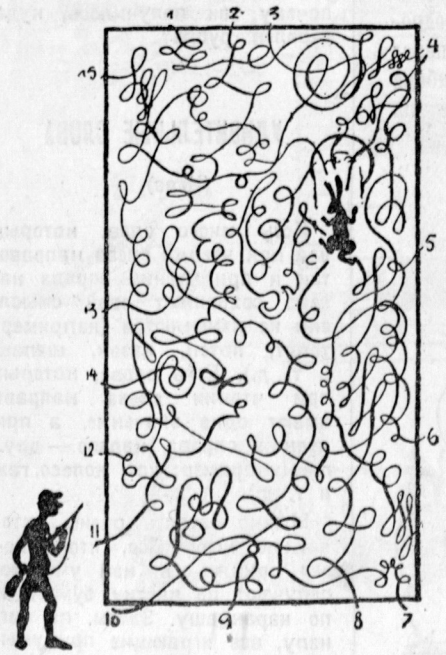
Однако более внимательные шахматисты сразу заметят, что хотя фигур столько же и расставлены они так же, но фигуры поменялись цветами. Белые фигуры стали черными, а черные — белыми. А это значит, что пешки стали двигаться в другом направлении. Благодаря этому задача стала совсем другой, и решить ее прежним способом уже нельзя.

В остальном же никаких изменений не произошло: черные (ведь фигуры поменялись цветами) начинают и дают мат в три хода.

Попробуйте-ка теперь решить задачу.

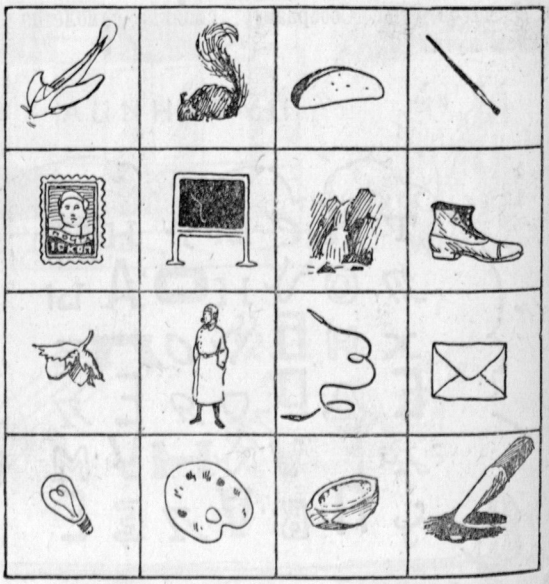


Доберись-ка до меня



Охотнику страшно хочется подстрелить зайца. Но тот сидит в зарослях и в ус не дует: знает, что до него не так-то просто добраться. Помогите охотнику, укажите, по какой из 15 тропинок охотник быстрее может попасть к зайцу.

РАЗРОЗНЕННЫЕ ПАРЫ

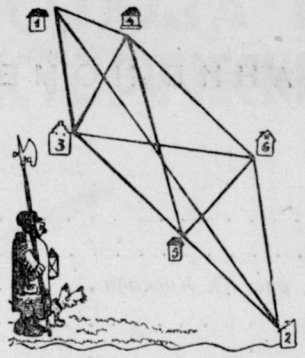


Каждый из этих предметов имеет себе под пару другой, чем-либо с ним связанный. Назовите каждую такую пару. Их должно быть восемь.

Помогите сторожу

Сто лет назад жильцы шести домов наняли одного сторожа сторожить по ночам их дома. Одна беда: для того чтобы обойти все эти дома, сторожу надо было пройти по десяти улицам.

Долго думал сторож, как ему обойти все улицы, начиная с первого дома, так, чтобы ни разу не пройти по одной улице два раза. Так сторож и не нашел такого пути и до сих пор стоит в раздумье. Помогите ему сдвинуться с места и найти эту дорогу.



Хорошо ли вы знаете географию

1. Как называется море, у которого нет берегов?
2. Как называется республика негров в Америке?
3. Какие земли в Антарктике открыли русские путешественники, когда и где?

ПОПРАВКА.

В № 7 в фокусе «чет и нечет» следует исправить опечатку в последних строках. Надо читать: «если сумма **четная**, то в левой».

Ответы на задачи, помещенные в №№ 4 и 5

Ограда

Не 20 столбиков, как думают многие, а 21. Ведь в конце ограды так же, как и в начале, придется поставить столбик.

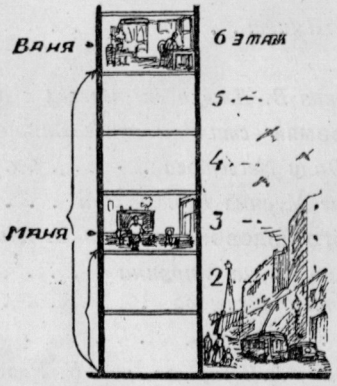
Шарада—«Виноград».

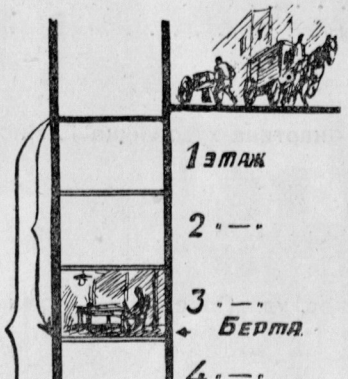
„Почему руда называется рудой"

Одно из самых распространенных и давно известных природных соединений железа — красный железняк (Fe_2O_3 — минерал **темнокрасного** цвета, напоминающего иногда цвет запекшейся крови, почему одну из его разновидностей называют еще **кровавиком. Рудый** по-украински значит **рыжий, красный,** а в прежнее время **рудой** на Руси часто называли **кровь.** Отсюда понятно, почему и красный железняк был назван **рудой.**

С течением времени люди открывали бурые, черные и серые природные соединения железа, синие и зеленые соединения меди, соединения других металлов разнообразнейших цветов и оттенков, но поскольку и из них получали металлы, то название, данное одной из первых руд, распространилось и на все остальные.

Два дома





Ваня живет не в два, а в два с половиной раза выше чем Маня.

Фриц, казалось бы, в таком случае должен бы жить не в два, а в два с половиной раза глубже Берты. Но на самом деле он все-таки живет ровно вдвое глубже. Чтобы все это было понятнее, поглядите на чертеж.

ПОКВИТАЛСЯ

1. g3—e5!! f6 : d4; 2. f2 : c5, g5—f4; 3. h4—g5! f4 : h6; 4. c5—f2 h6—g5; 5. f2—h4 g5—f4; 6. h4—g3 f4 : h2 и заперто.

ГОЛОВОЛОМКА

Вот решение головоломки:

1	2	3	4	5
3	4	5	1	2
5	1	2	3	4
2	3	4	5	1
4	5	1	2	3

Первыми прислали ответы на все задачи, помещенные в № 5

1. Геннадий Хромов (Таганрог).
2. Ада Гиринис (Москва).

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

На Амуре—*Вл. Лидин, рис. В. Цельмера* 3
20 лет назад 12
Сказка про осла и ослицу—*С. Бритаев, рис. Ю. Кискачи* 14
Большая Волга—*А. Некрасов* 22
Пожар Москвы — *В. Сафонов* 30
Березина *О. Бальзак. Перевод С. Ильина, рис. В. Чернецова* 32
Полярная ночь 45
Витязь в тигровой шкуре—*Шота Руставели, перевел и обработал Н. Заболоцкий* . . . 47
Наши герои 54
Островная империя—*Петр Сажин* 58
Джура и Тэке—*повесть Ю. Тушкана, рис. В. Цельмера* 69
Секретная война—*Н. Шамет* 91
Живые мертвецы—*проф. П. Ю. Шмидт* 100
ПОЧТА:
Капитан Бросс—*рассказ В. Джекобса, перевел с английского Женя Лютиков* . 107
Привет с Большой земли—*стихотворение Виктории Авериной* 109
Мой Попка—*письмо Вали Несветова* 110
Днепр—*стихотворение Мурика Ваксмахера* 111
Стоянка первобытного человека—*письмо В. Житлова* 111
Случай в лесу *письмо Арона Мирлина* 112
Огоньки—*письмо Кости Максимова* 113
Биоскоп 115
Приключения капитана Врунгеля — *А. Некрасов, рис. К. Ротова* 117
Самоделки 122
Загадки, задачи, игры и фокусы 124

На обложке—картина художника Г. Нисского „Маки"

Адрес редакции: Москва, ул. „Правды", 24, комн. 822. Тел. Д 3-30-73.

Ответ. редактор Б. ИВАНТЕР
Зам. редактора В. Фраерман Отв. секретарь В. Поддубная Худ. редактор П. Кузьмичев

Сдано в набор 19/VII 1937 г. Подписано к печати 10 VIII 1937 г. Изд № 706

Уполномоченный Главлита № Б—25776 82×110 1/16 бум. листа 38 400 печ зн. в печ. листе 16 п. л.

Типография газеты „Правда" им. Сталина. Москва, ул. „Правды", 24. Зак. № 1431. Тир. 90 000

Ц. 1937

ВЫПУСКАЕТСЯ НА ЛУЧШИЕ ЭКРАНЫ СОЮЗА НОВЫЙ ЗВУКОВОЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ФИЛЬМ

ПЕТР I

сценарий
А. ТОЛСТОЙ
В. ПЕТРОВ

РЕЖИССЕР
заслуж. арт. респ.
В. ПЕТРОВ

ГЛ. ОПЕРАТОР
В. ГОРДАНОВ

А. ШАМАШ - 37.

ПРОИЗВОДСТВО
„ЛЕНФИЛЬМ"

Цена 1 руб. 50 коп.

МБ715
П 29
34